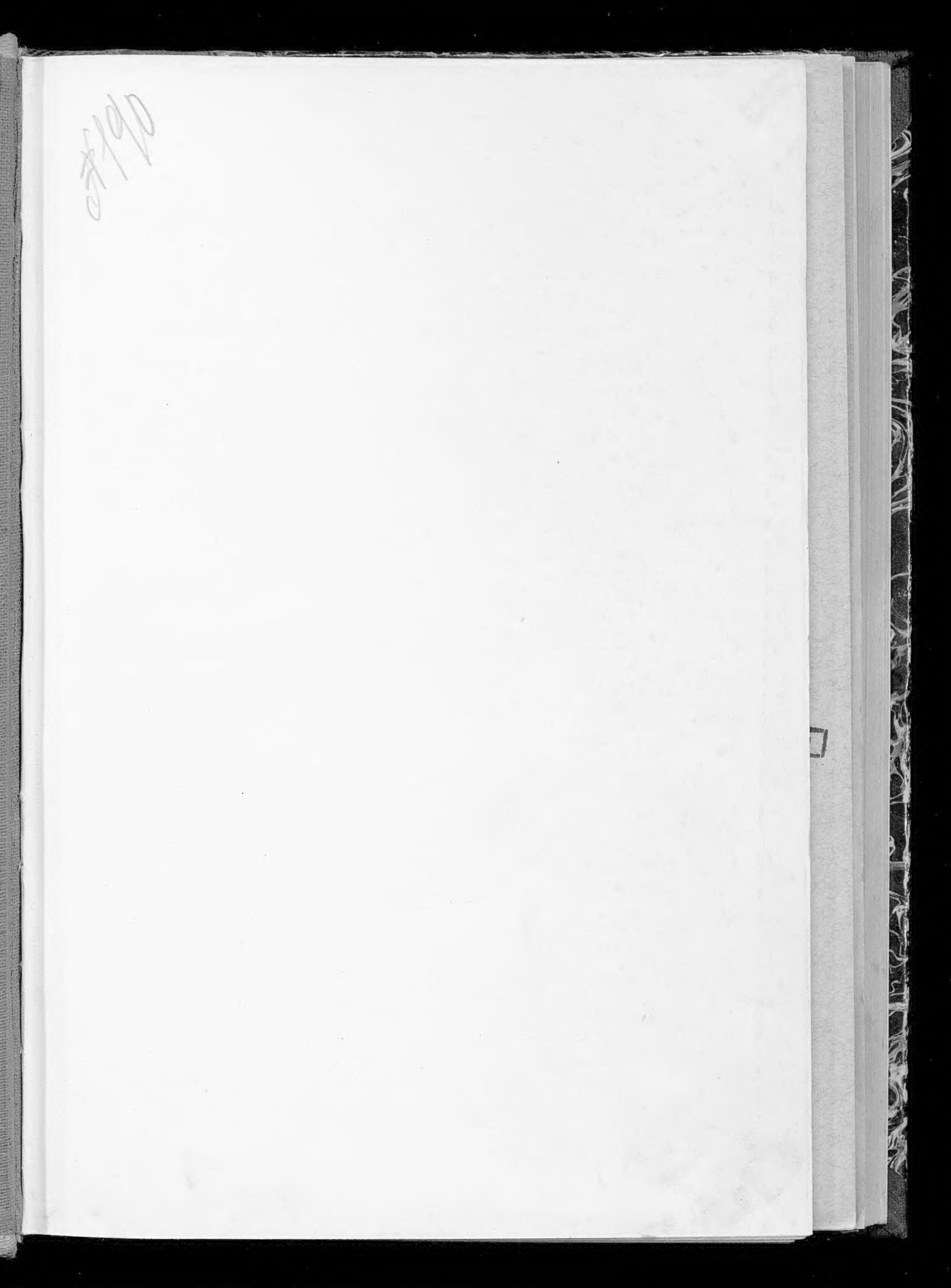
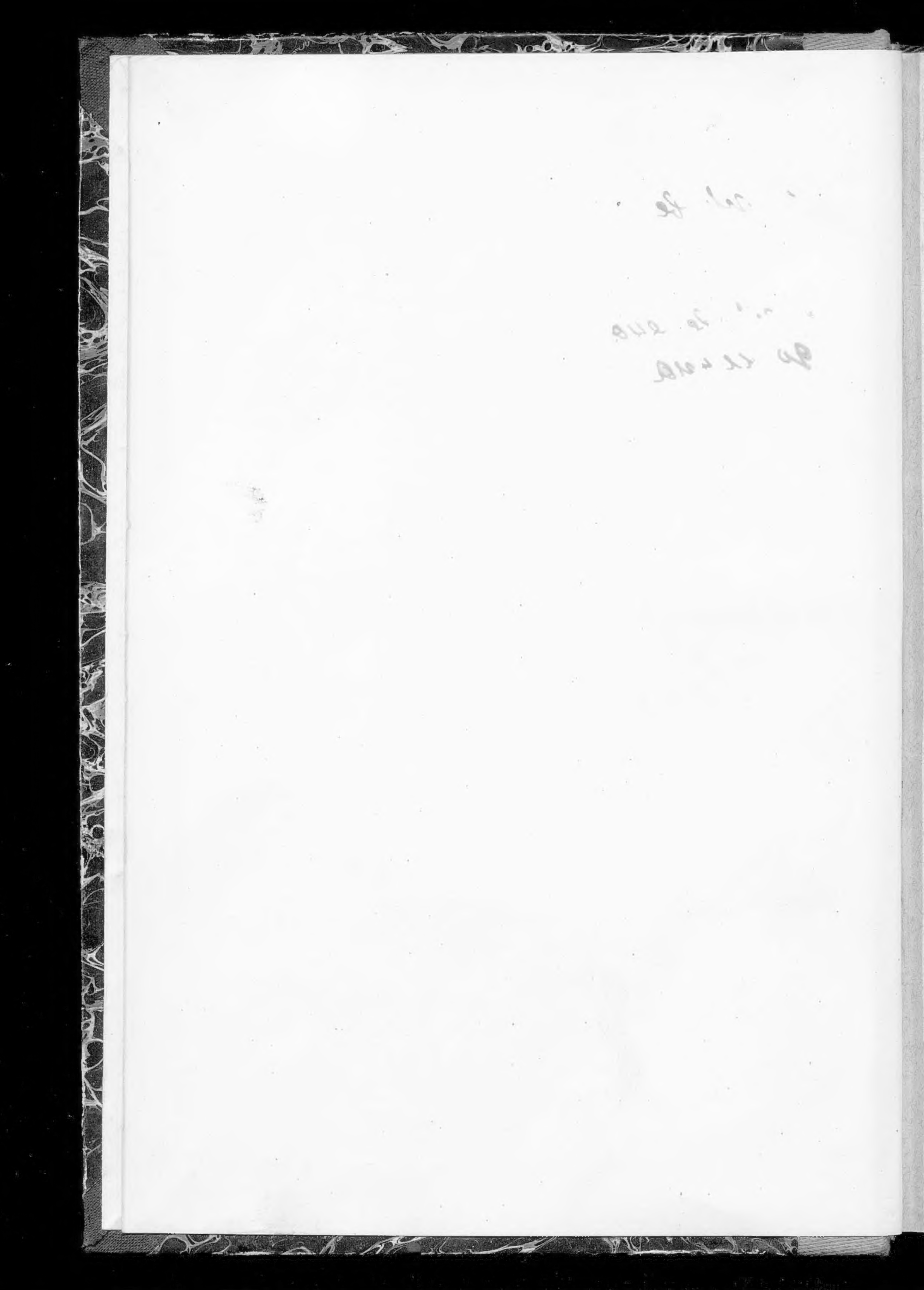

Славянскія Извѣстія

№ 1

1910

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. Д. Смирнова, Екатерининскій каналъ, д. № 45.
1910

Книги полученныя Редакціей.

(Январь).

Н. К. Горталовъ. Поѣздка казанскихъ гимназистовъ по Сербіи и Болгаріи лѣтомъ 1902 года. Казань 1910.

С. Тухолка. Философія исторіи. Вліяніе на исторію Провидѣнія, Воли, Рока. Доисторическая эпоха бѣлой расы. Спб. 1910

Его-же. Теорія леченія съ точки зрѣнія оккультизма. Спб. 1910.

Русскій въ Сербіи, Черногоріи, Босніи, Герцеговинѣ, Хорватіи и Македоніи. Руководство для скораго изученія сербскаго языка. № 12 „Русскіе за границей" подъ ред. М. М. Михайловскаго. Спб. 1909.

Живот д-ра Јована Суботића. Автобиографија. Кн. 4. Лето: епоха трећа и четврта. У Новом Саду 1910. Књиге Матице Српске.

Sobrane diela Svetozara Hurbana Vajanskeho. Turč. Sv. Martin 1909. Svázok I—VII.

Памяти В. А. Жуковскаго и Н. В. Гоголя. Вып. III. Гоголевскіе тексты. Спб. 1909. Изданіе Императорской Академіи Наукъ.

Пушкинъ и его современники. Матеріалы и изслѣдованія. Вып. XII. Спб. 1909. Изданіе Императорской Академіи Наукъ.

Съчинения на М. С. Дринова. Издава Българско Книжовно Дружество въ София, подъ ред. на проф. В. Н. Златарски. Т. I. Трудове по Българска и Славянска история. София 1909.

Великорусскія народныя пѣсни въ народной гармонизаціи. Записаны Е. Линевой. Вып. II. Пѣсни новгородскія. Спб. 1909. Изданіе Императорской Академіи Наукъ.

Сборникъ отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ. Т. 86. М. Ф. Фасмеръ. Греко-славянскіе этюды.— П. А. Ровинскій. Черногорія въ ея прошломъ и настоящемъ. Т. II, ч. 4.—Д. Г. Языковъ. Обзоръ жизни и трудовъ русскихъ писателей и писательницъ. Вып. 11. Спб. 1909.

Труды В. Г. Васильевскаго. Т. III, вып. 1. (Русско-византійскіе отрывки). Спб. 1909. Изданіе Императорской Академіи Наукъ.

Изданія Матицы Словенской.

Bleiweisov Zbornik. Uredil dr. Jos. Tominšek. V Ljubljani 1909.

Vojovdina Koroška. Zvezek. Prirodoznanski, političen in kulturen opis. Spisal prof. Matko Potočnik. Ljubljana 1909.

Slovenske narodne pesmi. Uredil Dr. K. Štrekelj (Pesmi stanovske). V Ljubljani, 1909.

СЛАВЯНСКІЯ ИЗВѢСТІЯ

№ 1 — 1910 г.

СОДЕРЖАНІЕ.

Стр.

I. Изъ отчета о дѣятельности С.-Петербургскаго Славянскаго Общества въ 1909 году 3

II. *И. С. Пальмовъ.* Новѣйшій Велеградъ и господствующее въ немъ т. н. Кирилло-Меѳодіевское направленіе 7

III. *Н. И. Суринъ.* Балканская федерація и Македонскій вопросъ 30

IV. *К. Д. Бербенко.* Политическія партіи въ Болгаріи (Окончаніе) 44

V. *С. Станоевичъ.* Исторія Босніи и Герцеговины 57

VI. Изъ славянскихъ поэтовъ. Переводъ *А. Н. Сиротинина* . . 65

VII. *К. Б.* Политическое обозрѣніе Балканскаго полуострова . . 67

VIII. Славянскія совѣщанія въ Петербургѣ 77

IX. Хроника славянской жизни 80

X. Библіографія 89

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. Д. Смирнова, Екатерининскій каналъ, д. № 45.
1910.

ИЗЪ ОТЧЕТА О ДѢЯТЕЛЬНОСТИ

С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО СЛАВЯНСКАГО ОБЩЕСТВА

въ 1909 году.

Минувшій 1909 годъ долженъ быть признанъ однимъ изъ наиболѣе плодотворныхъ въ дѣятельности С.-Петербургскаго Славянскаго Общества за послѣднее десятилѣтіе. Подъ руководствомъ новаго предсѣдателя—сенатора А. А. Нарышкина и при энергичномъ содѣйствіи Совѣта, въ составѣ котораго находятся крупные славянскіе дѣятели и профессора слависты, Славянское Общество обратило серьезное вниманіе на свои культурныя задачи, предусматриваемыя уставомъ Общества.

I. Крупнымъ шагомъ въ жизни Общества явился созывъ въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1909 года представителей всѣхъ славянскихъ организацій въ Россіи въ цѣляхъ совмѣстнаго обсужденія наиболѣе существенныхъ изъ назрѣвшихъ въ славянскомъ мірѣ вопросовъ, а также въ цѣляхъ согласованія и возможнаго объединенія дѣятельности русско-славянскихъ обществъ. Въ съѣздѣ, прошедшемъ при огромномъ напряженіи работоспособности всѣхъ его отдѣловъ, принимали участіе одиннадцать организацій; въ результатѣ съѣздомъ принято къ исполненію свыше 30 резолюцій, для осуществленія которыхъ потребуется не одинъ десятокъ лѣтъ и не одинъ десятокъ опытныхъ рукъ *).

II. Состоящая при Совѣтѣ Общества Издательская Коммиссія (предсѣдатель проф. И. С. Пальмовъ) продолжала ру-

---

*) Отчетъ о съѣздѣ см въ „Слав. Изв.“ 1909 г., кн. 4, стр. 461—471.

ководство издательской дѣятельностью Общества, выразившейся въ теченіе 1909 года въ слѣдующихъ предпріятіяхъ:

1. Законченъ печатаньемъ „Болгарско-русскій словарь“, составленный А. М. Мичаткомъ (свыше 40 печ. листовъ).

2. Ассигновано общимъ собраніемъ, по плану Издательской Комиссіи, въ теченіе 6 лѣтъ по 2.000 руб. ежегодно на изданіе словарей: а) лужицко-русскаго, б) польско-русскаго, в) румынско-русскаго и г) мадьярско-русскаго.

3. Законченъ составленіемъ „Лужицко-русскій словарь“.

4. Законченъ составленіемъ „Польско-русскій словарь“.

5. Продолжалось изданіе „Славянскихъ Извѣстій“, значительно расширившихъ свои отдѣлы и доведшихъ содержаніе въ общей сложности до 65 печатныхъ листовъ въ теченіе года.

6. Составлена проф. Т. Д. Флоринскимъ, по порученію Совѣта, „Карта славянскихъ народностей“ (печатается).

7. Разработанъ планъ изданія популярныхъ брошюръ о Славянахъ, и намѣчены нѣкоторыя брошюры къ изданію въ ближайшемъ будущемъ.

III. Въ цѣляхъ возможно болѣе широкаго распространенія среди русскаго общества свѣдѣній о славянахъ дѣлались по понедѣльникамъ въ помѣщеніи Общества доклады подъ руководствомъ проф. П. А. Кулаковскаго (въ первое полугодіе) и А. А. Башмакова (во второе полугодіе); доклады привлекали значительное число сторонней публики и весьма малое число собственно членовъ Общества и всегда сопровождались оживленными преніями.

Прочитано въ теченіе года 11 докладовъ девятью лицами:

1. П. Д. Паренсовъ: 1) „Боснія и Герцеговина въ ихъ прошедшемъ и возможномъ будущемъ“ и 2) „Очеркъ внѣшнихъ сношеній Россіи въ концѣ XVIII и въ XIX вѣкѣ“.

2. П. А. Кулаковскій: „Старославянскій языкъ въ католическомъ богослуженіи и вопросъ о народныхъ языкахъ въ католической церкви славянъ“.

3. А. И. Соболевскій: „Общеславянскій языкъ“.

4. А. А. Башмаковъ: 1) „Современное положеніе Словаковъ“ и 2) „О христіанскихъ протекторатахъ на Ближнемъ Востокѣ“.

5. Н. Н. Лодыженскій: „Интересъ Россіи въ сербскомъ вопросѣ“.

6. И. П. Филевичъ: „Парламентскій кризисъ въ Австріи и Поляки“.

7. И. С. Пальмовъ: „Новѣйшій Велеградъ и господствующее въ немъ т. н. Кирилло-Меѳодіевское направленіе“.

8. М. Я. Балясный: „О способахъ къ усиленію пропаганды славянской идеи“.

9. Д. П. Маринъ: „Посылка отъ общества Русское Зерно русскихъ крестьянъ въ славянскія страны для изученія сельскаго хозяйства“.

Помимо того въ теченіе года состоялось два торжественныхъ собранія (14 февраля и 11 мая) въ обширномъ залѣ Офицерскаго собранія Арміи и Флота, привлекавшія каждый разъ свыше тысячи избранной публики. На этихъ собраніяхъ были произнесены рѣчи:

1. В. К. Саблеромъ: „Храмъ на Шипкѣ и участіе въ его созданіи графа Н. П. Игнатьева“.

2. П. А. Кулаковскимъ: 1) „Итоги жизни Славянства за 1908 годъ“ и 2) „Возникновеніе славянскихъ обществъ въ Россіи и значеніе ихъ перваго съѣзда въ Петербургѣ“.

3. А. А. Башмаковымъ: „Балканскій кризисъ“.

4. А. И. Соболевскимъ: „Славяновѣдѣніе въ русской высшей школѣ“.

IV. Совѣтъ откликался на всѣ выдающіяся явленія въ славянской жизни: а) повергъ къ стопамъ Государя Императора всеподданнѣйшую телеграмму по поводу празднованія 200-лѣтія Полтавской битвы, б) привѣтствовалъ особой депутаціей болгарскаго царя Фердинанда, посѣтившаго Петербургъ въ февралѣ мѣсяцѣ, в) выпустилъ воззваніе о помощи сербамъ по поводу возмутительнаго загребскаго процесса, направленнаго противъ православныхъ сербовъ, г) оказалъ матеріальную поддержку голодающимъ сербамъ въ Старой Сербіи, д) оказалъ матеріальную поддержку отдѣльнымъ лицамъ и организаціямъ въ Сербіи, Черногоріи, Босніи-Герцеговинѣ и Словачинѣ, е) участвовалъ въ пріемѣ русскихъ гостей изъ Галиціи, посѣтившихъ въ минувшемъ году нашу столицу, и т. д., и т. п.

V. Съ не меньшей напряженностью, нежели и въ предшествующіе годы, продолжалась также благотворительная

дѣятельность Славянскаго Общества. Въ видахъ болѣе цѣлесообразнаго распредѣленія пособій, при Совѣтѣ работала особая Благотворительная Коммиссія (предсѣдатель проф. П. А. Кулаковскій). Помощь была оказана слѣдующему числу лицъ въ Петербургѣ:

1. Ежемѣсячныя выдачи (отъ 10—25 руб.)—23 лицамъ: 6 болгарамъ, 1 галичанину, 1 чеху и 15 сербамъ (изъ Королевства, Черногоріи и Старой Сербіи).

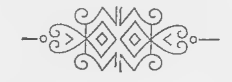
2. Единовременныя выдачи (отъ 3—200 руб.)—47 лицамъ: 13 болгарамъ, 2 чехамъ, 1 словенцу, 1 галичанину и 30 сербамъ (изъ Королевства, Черногоріи и Старой Сербіи).

3. Выдачи на отъѣздъ на родину (отъ 15—50 руб.)—19 лицамъ: 2 болгарамъ и 17 сербамъ (изъ Королевства, Черногоріи и Старой Сербіи).

Помимо того была оказана матеріальная помощь (отъ 50—500 руб.) нѣсколькимъ славянамъ на родинѣ — всего 9 лицамъ: 5 черногорцамъ, 2 боснійскимъ сербамъ, 1 словенцу и 1 словаку.

Въ такомъ направленіи шла мирная культурная работа Славянскаго Общества въ 1909 году,—безъ криковъ, безъ шумнаго задора, свойственнаго вновь возникающимъ славянскимъ организаціямъ, пока еще однако ничѣмъ себя реально не проявившимъ. Въ этомъ же направленіи пошла работа и въ 1910 г.: съ января мѣсяца Совѣтъ открылъ рядъ платныхъ публичныхъ лекцій о славянахъ въ аудиторіи Соляного Городка съ цѣлью преодолѣть равнодушіе петербургской публики къ славянскимъ вопросамъ. Удастся ли Давиду побѣдить этого Голіаѳа, покажетъ время и опытъ.

В. К—въ.

Новѣйшій Велеградъ и господствующее въ немъ т. н. Кирилло-Меѳодіевское направленіе *).

Кому изъ присутствующихъ здѣсь неизвѣстно славное и незабвенное въ лѣтописяхъ славянской исторіи, обаятельное для каждаго славянина, имя „Велеградъ“? Это—названіе древней столицы нѣкогда сильнаго Велико-Моравскаго государства, второй въ хронологическомъ порядкѣ западно-славянской монархіи, послѣ того, какъ первая, основанная воеводою Само, въ границахъ до извѣстной степени, отчасти, общихъ съ позднѣйшими велико-моравскими, подъ натискомъ съ одной стороны Аваровъ, а съ другой Франковъ, пала и со смертію Само († ок. 660—662) прекратила свое существованіе. Гораздо далѣе и несравненно славнѣе продолжало свое существованіе Велико-Моравское государство, во вторую половину IX в. уже выросшее въ великое средне-европейское государство (при кн. Ростиславѣ и въ особенности Святополкѣ † 894 г.).

Столицею этого-то великаго западно-славянскаго государства былъ славный Велеградъ, куда по просьбѣ Ростислава и др. вассальныхъ славянскихъ князей, прибыли съ Востока православно-славянскіе миссіонеры Константинъ (въ монашествѣ Кириллъ) философъ и братъ его Меѳодій съ другими своими „споспѣшниками“ и откуда они начали свою плодотворную апостольскую, въ широкомъ смыслѣ слова, миссію, не только въ границахъ Моравіи, но и въ сосѣднихъ съ нею славянскихъ земляхъ. Въ этомъ Велеградѣ, въ частности, св. солунскіе братья начали совершать

*) Изъ доклада, предложеннаго въ одинъ изъ понедѣльниковъ въ Славянскомъ Благотворительномъ Обществѣ, 30 ноября 1909 года, почетнымъ членомъ Общества проф. И. С. Пальмовымъ.

славянское богослуженіе и проповѣдывать на понятномъ для народа славянскомъ языкѣ, здѣсь они открыли первую славянскую школу, здѣсь же продолжали начатый ими ранѣе на Востокѣ переводъ на славянскій языкъ священныхъ и богослужебныхъ книгъ, такъ что съ ихъ прибытіемъ сюда занялась тотчасъ заря желаннаго славянско-христіанскаго просвѣщенія мѣстнаго населенія и — какъ замѣчаетъ авторъ простр. житія Константина философа (XV гл.) — „отверзлись, по слову пророка, уши глухихъ, и услышали слова писанія, и ясенъ сталъ языкъ косноязычныхъ“. Мало того, здѣсь на Велеградѣ закончена была редакція всѣхъ переводныхъ трудовъ св. солунцевъ архіепископомъ Меѳодіемъ не задолго до его кончины, такъ что отсюда списки этихъ трудовъ взяты были изгнанными изъ Моравіи послѣ смерти учителя его учениками и разнесены по славянскому югу и впослѣдствіи перешли и на Русь. Наконецъ, на Велеградѣ погребенъ былъ и самъ св. архіепископъ Меѳодій въ храмѣ Пресвятой Богородицы на лѣвой сторонѣ въ стѣнѣ за алтаремъ. Вотъ сколько славныхъ и свѣтлыхъ воспоминаній связывается у каждаго славянина съ древнимъ историческимъ Велеградомъ! А если присоединить сюда и былую политическую славу древняго Велеграда, когда онъ былъ центромъ могущественной державы Ростислава, Святополка и обезсиленныхъ отчасти сыновей послѣдняго (до мадьярскаго погрома въ началѣ X в.), то обаяніе былой славы этого мѣста станетъ еще понятнѣе для истиннаго славянина. Однимъ словомъ, съ Велеградомъ связываются воспоминанія о политической и культурной независимости отъ романо-германской Европы не только Моравіи, но и всѣхъ примкнувшихъ къ ней тогда сосѣднихъ славянскихъ земель, воспоминанія о воспослѣдовавшемъ съ нею духовномъ союзѣ славянскаго юга и востока, воспоминанія о начавшемся культурномъ единствѣ цѣлаго славянства, къ которому (единству) и доселѣ еще стремятся вѣрные блюстители завѣтовъ св. солунскихъ братьевъ, „сгораемые вожделѣніемъ“ истиннаго кирилло-меѳодіевскаго фундамента для славянскаго братства. Но гдѣ же теперь то мѣсто, съ которымъ связано столько знаменательныхъ воспоминаній? Увы! Это мѣсто давно и почти безслѣдно исчезло послѣ мадьярскаго погрома начала X вѣка.

Ученые спорятъ еще и доселѣ относительно мѣста нахожденія древняго Велеграда *).

Однако же, существуетъ въ настоящее время Велеградъ въ Моравіи, близъ желѣзнодорожной станціи Угорское Городище (Uherské Hradiště — Ungarisch Hradisch) на линіи между Краковомъ и Вѣной, въ часовомъ разстояніи отъ этой станціи. Но этотъ Велеградъ происхожденія уже болѣе поздняго, чѣмъ древній Велеградъ. Новый Велеградъ получилъ свое начало только въ концѣ XII в. и не въ качествѣ „стольнаго" в.-моравскаго города, а въ качествѣ р.-католическаго монастыря, въ каковомъ качествѣ, послѣ разныхъ историческихъ перипетій, онъ остается и доселѣ, находясь теперь (съ 1890 г.) въ рукахъ іезуитовъ. Вотъ вкратцѣ его исторія.

Въ 1198 году два брата, наслѣдники чешскаго престола, враждовавшіе изъ-за короны, заключили между собою договоръ, по которому одинъ изъ нихъ, старшій Пржемыслъ Оттокаръ, вступилъ на чешскій престолъ, а младшій Владиславъ Генрихъ, добровольно отказавшись отъ чешскаго престола, взялъ себѣ маркграфство Моравію на правахъ лена чешской короны. Этотъ-то Владиславъ Генрихъ въ 1198 году

*) По распространенному мнѣнію чешскихъ ученыхъ (Шафарика Палацкаго, Вольнаго, Герм. Иречка, Брандля и др.), древній Велеградъ находился, вѣроятно, близъ нын. Угорскаго Городища (Uherské Hradiště), въ часовомъ разстояніи отъ нын. Велеграда, въ мѣстности, извѣстной теперь подъ именемъ „Старое мѣсто". Но при этомъ нѣкоторые чешскіе дѣеписатели и археологи хотѣли бы пріурочить древній Велеградъ къ мѣстности, на которой расположенъ новый Велеградъ. Съ этою цѣлью даже въ послѣднее время (съ 1903 г. по 1908 г.) производились раскопки, не приведшія, однако, къ положительнымъ результатамъ (Dr Jan Nevčřil, Velehrad. III. Nalezy na posvatném Velehradě r. 1905 a 1906. Olomouc 1907 г. Его же, Velehrad IV. Velehrad a starobulharské knížeci sidlo v Abobě. Olomouc 1909. Отд. оттиски изъ „Časopisu vlasteneckého spolku muzejniho v Olomouci"). Сомнѣнія въ тождествѣ территоріи нын. Велеграда съ мѣстоположеніемъ древняго Велеграда высказывалъ еще Добровскій, но рѣшительно противъ этого тождества возсталъ д-ръ B. Dudik (Dějiny Moravy, v Praze 1872, Díl I, стр. 122 и т. д.). Возраженія противъ Дудика, послѣдовавшія со стороны Брандля, собраны въ его брошюрѣ „Poloha starého Velehradu" (v Brné 1862). Мнѣніе Брандля, хотя и не можетъ считаться исторически и документально вполнѣ доказаннымъ, остается, однако, и доселѣ господствующимъ. А мнѣніе о тождествѣ древняго Велеграда съ Дѣвиномъ (при впаденіи Моравы въ Дунай) считается еще менѣе доказаннымъ.

и положилъ основаніе новому Велеграду въ Моравіи, въ узкой котловинѣ между невысокими окружающими его горами, въ часовомъ разстояніи отъ Угорскаго Городища на западъ— устроилъ здѣсь монастырь, который и надѣлилъ имѣніями, призвавъ для обитанія въ немъ латинскихъ монаховъ-цисцерціанцевъ, пользовавшихся особымъ покровительствомъ римскихъ папъ. Въ 1202 году король чешскій Пржемыслъ Оттокаръ подтвердилъ это *). Въ концѣ XVIII в. (въ 1784 году), при австрійскомъ императорѣ Іосифѣ II, монастырь былъ закрытъ: монастырскія зданія и имѣнія въ 1837 году купилъ у государства баронъ Симонъ Юрій Сина, а въ 1883 году они куплены были католическимъ обществомъ оломуцкой архидіэцезіи, во главѣ котораго сталъ оломуцкій архіепископъ, въ то время кардиналъ Фридрихъ Фюрстенбергъ († 1893). Съ конца XVIII в., послѣ закрытія монастыря, къ мѣстному, сохранившемуся и доселѣ, храму назначалось мірское духовенство вплоть до 18 ноября 1890 г., когда введены были сюда о.о. іезуиты, возстановившіе строго дисциплинированную монастырскую жизнь и энергично взявшіеся за свою широкую миссіонерскую дѣятельность. Любопытны, конечно, подробности о томъ, какъ и почему пришли къ мысли въ подлежащихъ римскихъ церковныхъ сферахъ о передачѣ новаго Велеграда іезуитамъ, какъ послѣдніе водворились здѣсь, какъ здѣсь и отсюда они ведутъ свою миссіонерскую дѣятельность. Но это не входитъ въ задачу на-

*) Ср. эти и др. подробности въ моей статьѣ, напеч. въ „Извѣстіяхъ Спб. Слав. Благ. Общества“ за 1885 г., подъ заглавіемъ: „Объ историческомъ значеніи нынѣшняго Велеграда“. Къ сказанному слѣдуетъ прибавить здѣсь еще то, что ни въ учредительной грамотѣ относительно Велеградскаго цисцерціанскаго монастыря, ни въ другой какой-либо грамотѣ, относящейся къ устройству этого монастыря, не упоминается о Велеградѣ, какъ бывшемъ архіепископскомъ каѳедральномъ мѣстѣ. Впрочемъ, Дудикъ объясняетъ это тѣмъ, что первые насельники новооснованнаго монастыря, цисцерціанцы, раздѣляли господствовавшее въ XI и XII вв. мнѣніе, что славянскій обрядъ—еретическій, и потому избѣгали связывать основаніе монастыря съ дѣятельностью схизматическаго—по ихъ мнѣнію—архіепископа (ср. цит. соч., стр. 124, прим. 3). Какъ бы то ни было, во всякомъ случаѣ новый Велеградъ—по идеѣ его первыхъ учредителей и насельниковъ—не былъ прямымъ продолженіемъ стараго—носителемъ его Меѳодіевскихъ традицій.

стоящаго доклада. Мимоходомъ замѣчу только, что монастырь, пользуясь матеріальной поддержкой со стороны названнаго р.-католическаго общества, учрежденнаго кардиналомъ Фюрстенбергомъ, съ внѣшней стороны получилъ завидное благоустройство: прежде всего украшенъ прежній величественный храмъ, возобновлены обширныя помѣщенія для насельниковъ монастыря и многочисленныхъ гостей, учрежденъ музей древностей и мѣстной этнографіи, сдѣланы новыя пристройки къ монастырю, напр., залъ для собраній, гдѣ происходили и засѣданія бывшихъ на Велеградѣ богословскихъ съѣздовъ 1907 и 1909 гг. Кстати, въ этомъ залѣ на потолкахъ и по стѣнамъ сдѣланы росписи даже православныхъ святынь Цареграда, Кіева, Москвы и пр., есть изображенія и святыхъ православной церкви и пр. Точно также и во внутренней жизни монастыря введена строгая іезуитская дисциплина. Въ монастырѣ находится не мало лицъ съ высшимъ богословскимъ образованіемъ, которые оставили, ради служенія цѣлямъ ордена, свою приходскую службу и поступили на послушаніе въ монастырь, безпрекословно подчиняясь всѣмъ строгимъ требованіямъ и правиламъ іезуитской орденской жизни. Мало того, новый Велеградъ предназначается и для высшихъ церковно-уніональныхъ цѣлей: здѣсь, какъ сказано, собирались (въ 1907 и 1909 гг.) богословскіе съѣзды для изысканія средствъ къ сближенію восточной церкви съ западной, а для теоретическаго подкрѣпленія той же идеи на второмъ съѣздѣ 1909 года рѣшено учредить здѣсь Академію, которая должна заниматься изданіемъ памятниковъ и изслѣдованій, посвященныхъ указанной цѣли. Отсюда понятно усиленное привлеченіе на Велеградъ ученыхъ богослововъ и вообще лицъ, могущихъ быть полезными въ указанномъ отношеніи. Слѣдовательно, вмѣстѣ съ широкими практическими задачами укрѣпленія р.-католической церкви не только въ Моравіи, но и въ окрестныхъ славянскихъ земляхъ, новый Велеградъ дѣлается органомъ и въ дѣлѣ осуществленія идеи уніи Запада съ Востокомъ. А для этой идеи кирилло-меѳодіевскій культъ, своеобразно давно уже пропагандируемый на Велеградѣ, получаетъ теперь болѣе широкое распространеніе, конечно, подъ вліяніемъ новѣйшей (начиная съ папы Льва XIII) политики Рима по отношенію къ памяти св. Кирилла и Меѳодія.

Тутъ я перехожу къ главнѣйшей части своего доклада— къ вопросу о т. н. кирилло-меѳодіевскомъ направленіи, господствующемъ на новомъ Велеградѣ.

Предполагаютъ, что первоначальное устройство новаго Велеграда въ концѣ XII в. вызывалось желаніемъ его устроителей закрѣпить такъ или иначе связь этого мѣста съ прежними начатками христіанства на данной территоріи, расцвѣтшими особенно въ вѣкъ св. Кирилла и Меѳодія. Такъ, по крайней мѣрѣ, утверждаютъ р.-католическіе дѣеписатели новаго Велеграда, считая его наслѣдникомъ стараго,— почти отожествляютъ ихъ даже въ топографическомъ отношеніи и утверждаютъ со всею рѣшительностью относительно моральной ихъ связи, представляя новый Велеградъ по идеѣ продолженіемъ стараго. Они говорятъ, что „основаніемъ Велеградскаго монастыря Владиславъ Генрихъ хотѣлъ прославить память св. Кирилла и Меѳодія". „И подлинно,—продолжаютъ они свою аргументацію,—монастырь сохранилъ громкое имя славнаго королевскаго Велеграда и святыня оставалась Маріанскою въ теченіе всего періода существованія монастыря. Жившіе въ монастырѣ Велеградскомъ монахи цисцерціанскіе—вѣрные сыны св. Бернарда, этого вдохновеннаго, превосходнаго чтителя Богородицы Дѣвы Маріи" *). Повидимому, въ этой аргументаціи есть доля внѣшней исторической правды. Дѣйствительно, какъ старый каѳедральный

*) Ср. Jan Vychodil, Popis Velehradských památnosti, 6-е изд. Velehrad 1909, стр. 8. Даже Дудикъ (цит. соч., стр. 124 и слѣд., прим.) указывалъ на послѣдующую моральную связь новаго Велеграда съ древнимъ, утверждая, что позднѣйшіе хронисты вѣрили во взаимную связь новаго монастыря съ дѣятельностью Меѳодія (миноритъ бр. Николай изъ Чехіи, хронисты XV в., а ранѣе его Пулкава ясно о томъ упоминаютъ). Но, въ дѣйствительности, какъ мы сейчасъ увидимъ, всѣ указываемыя въ вышеназванномъ „Описаніи велеградскихъ достопамятностей" данныя, сближающія нынѣшній Велеградъ съ древнимъ Меѳодіевскимъ, слишкомъ проблематичны и вообще не доказываютъ древности характера нынѣшняго Велеграда. Самое бо́льшее, что можно допустить при современномъ состояніи научныхъ изслѣдованій по данному вопросу, именно то, что нынѣшній Велеградъ, построенный для цистерціанцевъ въ интересахъ ихъ миссіи въ Моравіи, впослѣдствіи только вступилъ въ моральную связь съ видоизмѣненными (подъ извѣстнымъ вліяніемъ папскаго распоряженія Иннокентія IV отъ 1248 г.) древними кирилло-меѳодіевскими преданіями.

храмъ древняго Велеграда посвященъ былъ Божіей Матери, такъ равно и новый монастырскій отъ 1228 г. — Успенію Божіей Матери. Но кромѣ этого чисто внѣшняго, можетъ быть даже и не случайнаго, совпаденія,—другихъ болѣе или менѣе твердыхъ признаковъ, указывающихъ на древній кирилло-меѳодіевскій характеръ вновь устроеннаго Велеграда, и не представляютъ обыкновенно выше названные р.-католическіе дѣеписатели новаго Велеграда *). А точная исторія

*) Кромѣ обширнаго костела на Велеградѣ, обновленіе котораго послѣ пожара 1719 г., совершилось въ 1735 г., и впослѣдствіи, даже до настоящаго времени, все восполнялось и восполняется, р.-католическіе дѣеписатели стараются поставить въ связь съ древнею кирилло-меѳодіевскою эпохой еще и другія велеградскія святыни. Самый костелъ,—говорятъ они,—хотя и позднѣйшаго сравнительно происхожденія, однако посвященъ Божіей Матери, которой былъ посвященъ и Меѳодіевскій каѳедральный храмъ; стоитъ онъ, будто бы, приблизительно на томъ же мѣстѣ (хотя производившіяся раскопки и не приводятъ еще къ такому выводу, ср. напр. мнѣніе проф. Авг. Прокопа въ „Mittheilungen der K. K. Central-Commission" Wien 1893 и см. выше стр. 9, прим.). А внутреннее содержаніе нынѣшняго велеградскаго храма, украшеннаго, между прочимъ, скульптурными изображеніями св. Кирилла и Меѳодія (въ честь каждаго изъ нихъ посвящены особые боковые алтари въ главномъ храмѣ), есть произведеніе позднѣйшаго времени, не имѣющее ничего общаго съ преданіями древняго Велеграда. Далѣе, недалеко отъ главнаго храма на сѣверо-западъ стоитъ часовня, нынѣ готическаго стиля, а прежде будто бы романскаго, извѣстная подъ именемъ „Кирилка", посвященная памяти „трехъ королей" 6 января (или у православныхъ—Богоявленію Господню). Эту „Кирилку" тоже хотятъ связать съ временемъ дѣятельности на Велеградѣ св. славянскихъ первоучителей: разсказываютъ, что въ ней (т. е въ прежнемъ ея видѣ) проповѣдывали св. Кириллъ и Меѳодій и пр. Но все это ни на чемъ необоснованныя преданія, которыя требуютъ какого-нибудь документальнаго подтвержденія. Но въ „Кирилкѣ" есть, дѣйствительно, одинъ несомнѣнный признакъ, указывающій на нѣкоторую духовную ея связь съ православнымъ Востокомъ: это православная икона св. Кирилла и Меѳодія съ лампадою (изъ золота и серебра), присланная на Велеградъ отъ С.-Петербургскаго Отдѣла Славянскаго Общества въ 1869 году ко дню тысячелѣтія со дня блаженной кончины св. Кирилла (см. нѣкоторыя другія подробности о „Кирилкѣ" въ моей цит. ст. „Объ историческомъ значеніи нынѣшняго Велеграда" въ „Извѣстіяхъ Спб. Слав. Благ. Общества" за 1885 г.). Но это уже внѣшній, хотя и братскій, русскій даръ, не велеградскаго происхожденія. Наконецъ, на Велеградѣ показываютъ частицу мощей св. Кирилла (?), о которой разсказываютъ, что она попала изъ Рима на Велеградъ слѣдующимъ образомъ. Въ XVI столѣтіи, по словамъ римскаго археолога

свидѣтельствуетъ, что съ самаго перваго момента своего возникновенія новый Велеградъ по меньшей мѣрѣ не культивировалъ кирилло-меѳодіевскихъ преданій, жившихъ въ народѣ не только въ это время, но и въ болѣе позднюю эпоху, въ до-гуситскую и послѣ гуситскую, а можетъ быть и преслѣдовалъ эти преданія, поскольку они выражали характеръ первоначальной кирилло-меѳодіевской проповѣди, принесенной въ Моравію съ Востока восточными миссіонерами и, конечно, по восточному обряду. Это предположеніе находитъ себѣ подтвержденіе въ тогдашнихъ отношеніяхъ Рима и исполнителей его воли и желаній къ кирилло-меѳодіевскимъ преданіямъ въ разныхъ мѣстахъ р.-католическаго славянства вообще, въ Чехіи и Моравіи въ частности.

Извѣстно, что послѣ посланія папы Стефана VI, въ годъ кончины св. Меѳодія (885 г.), на имя Святополка, въ коемъ запрещалось и славянское богослуженіе въ Моравіи, и предавалось анаѳемѣ самое имя Меѳодія *), — начались гоне-

Де-Росси, знали еще о гробницѣ св. Кирилла въ Римѣ, погребеннаго въ базиликѣ св. Климента, и при открытіи этой гробницы взяли останки мощей св. Кирилла и передали частицы ихъ для церкви бл. Іеронима въ Римѣ, далѣе въ Прагу, Брно (въ Моравіи), Микуловъ, Блучину у Жидлоховицъ (въ Моравіи). Въ Брнѣ въ каѳедральномъ храмѣ на алтарѣ св. Кирилла и Меѳодія частица мощей св. Кирилла (подлокоть правой руки) была показываема даже до 1811 г., оттуда частичка подарена была Райградскому монастырю (въ Моравіи), а отсюда въ свою очередь эта частица подарена была папѣ Льву XIII во время паломничества р.-католическихъ славянъ въ Римъ въ 1881 году. Папа раздѣлилъ подаренную ему частицу на пять частей, изъ коихъ одна часть и принесена была на Велеградъ 30 сентября 1881 г. Эту-то благоговѣйно чтимую частицу якобы мощей св. Кирилла и показываютъ теперь на Велеградѣ. Но дѣло въ томъ, что и доселѣ еще, къ сожалѣнію, точно неизвѣстно мѣстонахожденіе гроба св. Кирилла: произведенныя тѣмъ же упомянутымъ археологомъ Де-Росси раскопки еще не вынесли на свѣтъ той тайны, которую будто бы знали въ Римѣ въ XVI вѣкѣ. Поэтому и велеградская частица мощей св. Кирилла (?) не можетъ считаться дѣйствительными останками св. Кирилла.—Вотъ всѣ велеградскія святыни, которыя проблематически пріурочиваютъ на Велеградѣ къ древней кирилло-меѳодіевской эпохѣ: безспорныхъ слѣдовъ и памятниковъ древняго Велеграда на новомъ Велеградѣ еще не найдено.

*) Epistola Stephani papae ad Zventopoleum regem. Нач. Stephanus episcopus... Zventopoleo regi Sclavorum. Quia te zelo... Здѣсь высказывается рѣшительный приговоръ папства въ лицѣ п. Стефана V

нія противъ учениковъ послѣдняго во главѣ съ Гораздомъ, закончившіяся удаленіемъ ихъ въ южно-славянскія земли на Балканскій полуостровъ. Не смотря на уступку со стороны папы Іоанна IX (ок. 899 г.) просьбѣ Моравскаго князя Моймира II (сына Святополка) относительно возстановленія славянской іерархіи въ Моравіи, наступившія политическія обстоятельства (разгромъ Моравіи въ началѣ X в. мадьярами), однако, не благопріятствовали дальнѣйшему свободному существованію наслѣдія св. Кирилла и Меѳодія на территоріи непосредственной ихъ миссіонерской дѣятельности у западныхъ славянъ. И не одни только внѣшнія политическія несчастія, постигшія Моравію, помѣшали этому; мѣшала этому и цѣлая система отношеній къ дѣлу св. Кирилла и Меѳодія со стороны Рима послѣ вышеупомянутаго запретительнаго посланія папы Стефана VI на имя Святополка, и она вела къ тому, что дѣло св. Кирилла и Меѳодія, не будучи забыто въ народномъ сознаніи, постепенно все-таки затемнялось и получало формы, искажающія первоначальный его характеръ. Какъ извѣстно, еще въ 1032 году основанъ былъ въ Чехіи св. Прокопіемъ на р. Сазавѣ Сазавскій монастырь (съ славянскимъ богослуженіемъ), прекратившій свое существованіе въ концѣ XI в. Почти въ концѣ того же вѣка, 2 января 1080 г., знаменитый папа Григорій VII уже рѣзко отвергаетъ просьбу чешскаго князя Вратислава II о сохра-

надъ Меѳодіемъ: „Мы весьма удивились, услышавъ, что Меѳодій преданъ лжеученію, а не назиданію, враждѣ, а не миру; и если это такъ, какъ мы слышали, то лжеученіе его мы совершенно отвергаемъ. Анаѳема за презрѣніе католической вѣры падетъ на главу того, кто объявилъ ее; ты же и народъ твой, по суду Св. Духа, будете невинны, если только ненарушимо будете содержать вѣру, которую проповѣдываетъ римская церковь. А божественныя службы и св. таинства и священнодѣйствія литургіи, которыя тотъ же Меѳодій осмѣлился совершать на языкѣ славянскомъ, чего впредь не дѣлать онъ клятвенно обѣщался на священнѣйшихъ мощахъ блаженнаго Петра, никоимъ образомъ впредь никто да не дерзнетъ совершать, отвращаясь его клятвопреступленія. Ибо Божіею и нашею апостольскою властію мы запрещаемъ это подъ страхомъ узъ проклятія“... Подлинный латинскій текстъ этого посланія напечатанъ, между прочимъ, у Бильбасова, Кириллъ и Меѳодій по докум. источникамъ, Спб. 1868 г., ч. 1, стр. 137 — 143, см. также Dr. prof. Fr. Pastrnek, Dějiny slov. apoštolů Cyrilla a Methoda, v Praze 1902, стр. 260—4.

ненія славянскаго богослуженія въ Чехіи, — запретилъ то, что—по его словамъ—„неблагоразумно требовалось подданными князя“. Въ XII в., когда именно основанъ былъ новый Велеградъ, не было уже никакой попытки со стороны р.-католической церкви сдѣлать отступленіе отъ укоренившейся системы отношеній къ славянскому богослуженію. Только въ XIII в. на берегахъ Адріатики Римъ вынужденъ былъ сдѣлать уступку народнымъ славянскимъ требованіямъ и то въ предѣлахъ одной (сеньской) епархіи: въ 1248 году папа Иннокентій IV издалъ буллу, въ которой разрѣшаетъ славянское богослуженіе, разрѣшаетъ употреблять священныя и богослужебныя книги, писанныя особою азбукою, изобрѣтателемъ которой былъ будто бы бл. Іеронимъ и подъ которою разумѣется т. н. глаголица, употреблявшаяся у славянъ и ранѣе *). Но уже отсюда глаголица, примѣнявшаяся теперь главнѣйшимъ образомъ къ славянскимъ богослужебнымъ книгамъ по р.-католическому обряду, начинаетъ пользоваться даже нѣкоторымъ снисходительнымъ отношеніемъ къ ней со стороны Рима. И мы видимъ, что распространеніе ея съ этихъ поръ въ западно-славянскихъ земляхъ дѣлаетъ нѣкоторые успѣхи **). Вмѣстѣ съ тѣмъ и кирилло-меѳодіевскій культъ получаетъ какъ бы нѣкоторое оживленіе въ западно-славянскомъ р.-католическомъ мірѣ. Не говоря о пріадріатическомъ славянскомъ побережьи, гдѣ глаголица и до-

*) Въ виду важности этого папскаго распоряженія въ исторіи послѣдующихъ отношеній Рима къ славянскому богослуженію по глаголическимъ книгамъ, считаю нужнымъ указать здѣсь нѣкоторыя подлинныя мѣста данной буллы. Папа Иннокентій IV, согласно просьбѣ сеньскаго епископа, утверждавшаго, что въ „Славоніи употребляютъ при совершеніи божественныхъ службъ особую грамоту, ведущую свое начало отъ бл. Іеронима (in Sclavonia est littera specialis, quam illius terrae clerici se habere a b. Hieronymo asserentes, eam observant in divinis officiis celebrandis), разрѣшаетъ слѣдовать обычаю той земли совершать божественныя службы по вышеуказаннымъ книгамъ (consvetudinem... celebrandi divina officia saecudum praedictam litteram), въ тѣхъ именно мѣстахъ, въ которыхъ хранится этотъ обычай (in illis dumtaxat partibus, ubi de consvetudine observantur praemissa...). См. латинскій текстъ въ цит. соч. Бильбасова, I, стр. 158.

**) О судьбахъ славянскаго глаголическаго богослуженія у западныхъ славянъ см. въ обстоятельной статьѣ проф. П. А. Кулаковскаго „Славянскій языкъ богослуженія у католиковъ юго-славянъ“ въ „Славянскихъ Извѣстіяхъ“ за 1909 г., № 4, стр. 528—547.

селѣ еще удержалась, не смотря на нѣкоторыя ограничительныя мѣры,—даже въ Чехіи и Моравіи слѣды кирилло-меѳодіевскаго культа обнаруживаются ясно, напр., въ XIV в. Въ 1347 учреждается въ Прагѣ Эммаусскій монастырь и въ подтвердительной новопостроенному монастырю грамотѣ короля Карла IV Кириллъ и Меѳодій вспоминаются какъ патроны Чешскаго королевства, мученики и исповѣдники, но наряду однако съ Войтѣхомъ, который искоренялъ дѣло св. Кирилла и Меѳодія. Въ XIV же вѣкѣ и мѣстная моравская р.-католическая церковь вынуждена была установить церковное чествованіе Кирилла и Меѳодія 9 марта. Это, напр., сдѣлано на діэцезальномъ соборѣ въ Оломуцѣ (1349); а на сеймѣ въ Кромѣрижѣ 1380 г. снова было заявлено о святости Кирилла и Меѳодія и о чествованіи ихъ 9 марта. Съ этихъ поръ церковное чествованіе св. Кирилла и Меѳодія мало-по-малу распространяется не только въ Чехіи и Моравіи, но и въ другихъ западно-славянскихъ земляхъ, о чемъ свидѣтельствують уцѣлѣвшія во множествѣ отъ XIV и XV вв. рукописные и потомъ печатные глаголическіе миссалы и бревіаріи, въ которыхъ не только встрѣчаются простыя календарныя указанія дней памяти св. Кирилла и Меѳодія, но и заключаются даже цѣлыя службы, конечно, по римско-католическому обряду *). Эта церковная р.-католическая традиція, разъ получивъ одобреніе со стороны Рима для сеньской епархіи, не могла уже быть изъята, такъ сказать, изъ народнаго употребленія западныхъ славянъ, тѣмъ болѣе, что народъ не забывалъ благодатныхъ плодовъ кирилло-меѳодіевской проповѣди, а близость и сношенія съ ними православныхъ славянъ напоминали имъ объ этомъ и приводили ихъ къ сознанію истинныхъ, утраченныхъ ими, основъ кирилло-меѳодіевской церкви. Такъ, напр., въ чешской риѳмованной хроникѣ Далимила конца XIII и начала XIV в. архіепископъ Меѳодій называется русиномъ, конечно, не въ смыслѣ происхожденія, а несомнѣнно въ смыслѣ вѣроиспо-

---

*) См. болѣе подробныя свѣдѣнія объ этомъ въ моей статьѣ: „Кирилло-Меѳодіевскія преданія у юго-западныхъ славянъ латинскаго обряда“, напечатанной сначала въ „Христ. Чтеніи“ за 1885 г., № 4—5, а потомъ въ отд. брошюрѣ.

вѣдномъ *). А гуситская эпоха уже рѣшительно направила мысли чеховъ-утраквистовъ въ 1451 году къ сближенію съ Востокомъ.

Въ связи съ указанными отношеніями р.-католической церкви вообще къ памяти славянскихъ первоучителей Кирилла и Меѳодія культъ ихъ развивался и въ новомъ моравскомъ цисцерціанскомъ Велеградѣ. Здѣсь такъ же, какъ и въ другихъ западно-славянскихъ р.-католическихъ земляхъ, папское разрѣшеніе славянскаго глаголическаго богослуженія по р.-католическому обряду для сеньской епархіи послужило, такъ сказать, авторитетнымъ предуказаніемъ для дальнѣйшаго распространенія кирилло-меѳодіевскаго культа въ извѣстномъ направленіи. Не входя въ историческія подробности, которыя во множествѣ сообщаетъ въ своихъ сочиненіяхъ (хранящихся въ рукописяхъ Брненскаго Земскаго Архива въ Моравіи) велеградскій цисцерціанецъ Христіанъ Гиршментцель (1638—1703 гг.), достаточно только сослаться на нѣкоторыя его указанія. Въ одномъ, напр., своемъ сочиненіи „Cineres Welehradenses" онъ записалъ „Litaniae ad sanctos Patronos Ecclesiae Welehradensis, quorum primario post Dei latriam honori et Duliae sacella et Altaria sunt erecta". Въ этихъ литаніяхъ, послѣ имени Пресв. Богородицы, „св. Петра — князя Апостоловъ, св. Павла — учителя народовъ", вспоминаются имена св. Кирилла и Меѳодія наряду съ св. Бенедиктомъ, Бернардомъ, Николаемъ, Августиномъ, Вячеславомъ, Флоріаномъ, Климентомъ, Маріею Магдалиною, Ядвигою и „всѣми святыми ордена цисцерціанцевъ". Ясно, что жизнь и дѣла св. Кирилла и Меѳодія пріурочены были у велеградскихъ цисцерціанцевъ къ цѣлямъ и задачамъ ордена въ служеніи его р.-католической церкви, въ томъ именно направленіи, какое намѣчено было въ извѣстной (вышеупомянутой) буллѣ папы Иннокентія IV для сеньской епархіи и въ буллѣ папы Климента VI для Эммаусскаго монастыря, основаннаго въ Прагѣ Карломъ IV. Но историческія невзгоды, постигавшія новый Велеградъ и приведшія къ

---

*) „prosi křista Bořivoj ot Svotopluka krale Moravského
a ot Metudéje, arcibiskupa Velehradského.
Ten arcibiskup Rusin bieše,
mšu svú slovanský službieše"; etc. Fontes rerum Bohemicarum, t. III (v Praze 1878), стр. 48.

закрытію монастыря въ 1784 году, не благопріятствовали и такому, съ спеціальными цисцерціанскими наслоеніями, кирилло-меѳодіевскому культу. Во время секуляризаціи монастырей въ Австріи при Іосифѣ II подвергся опустошеніямъ и новый Велеградъ: монастырь былъ обращенъ въ простую „фару“ (приходскій храмъ), многочисленныя имѣнія его конфискованы и проданы, а богослуженіе, совершавшееся въ приходскомъ храмѣ, уже не отличалось прежнею торжественностью, такъ что, по словамъ самихъ чешско-латинскихъ писателей, не было возможности поддерживать чествованіе св. Кирилла и Меѳодія, которое до этого времени происходило обычно 9 марта. Мало того, со времени Іосифа II усилившееся повсюду въ Австріи нѣмецкое вліяніе получило широкое развитіе и на Велеградѣ: даже въ дѣлопроизводствѣ прежній латинскій языкъ замѣненъ нѣмецкимъ. Все это, по замѣчанію чешскихъ историковъ, совсѣмъ не благопріятствовало ни развитію, ни даже существованію на Велеградѣ кирилло-меѳодіевскаго культа. Возрожденіе этого культа началось только со времени національнаго пробужденія чеховъ въ истекшемъ столѣтіи, а на Велеградѣ въ частности оно получило болѣе или менѣе яркое выраженіе уже въ началѣ второй половины истекшаго столѣтія. А именно. Въ первый разъ торжественно отправлено на Велеградѣ юбилейное чествованіе св. Кирилла и Меѳодія въ 1863 году, по случаю исполнившагося тысячелѣтія со времени прибытія въ Моравію св. славянскихъ первоучителей. Второе велеградское юбилейное торжество въ честь св. Кирилла и Меѳодія падаетъ на 1869-й годъ, годъ истекшаго тысячелѣтія со времени кончины св. Кирилла въ Римѣ 14 февраля 869 года. Но еще болѣе торжественно отпразднованъ юбилей 1885-го года въ память тысячелѣтія со времени кончины св. Меѳодія, архіепископа Моравскаго *). Этой торжественности способствовало въ значительной степени незадолго передъ тѣмъ послѣдовавшее прославленіе Кирилла и Меѳодія святыми всей р.-католической церкви. Это торжественно объявлено въ энцикликѣ папы Льва XIII „Grande munus“ отъ

*) Краткія описанія этихъ юбилейныхъ торжествъ на Велеградѣ можно находить въ цит. чешской брошюрѣ Jana Vyehodila „Popis velehr. pamatnosti“, стр. 78—84.

30 сентября 1880 г. (до того времени Кириллъ и Меѳодій были только мѣстночтимыми святыми въ разныхъ мѣстахъ у р.-католическихъ славянъ) *). Энциклика эта, пріурочившая празднованіе памяти св. Кирилла и Меѳодія къ 5 іюля, послужила какъ бы нѣкоторымъ поворотнымъ пунктомъ въ отношеніяхъ Рима къ св. славянскимъ первоучителямъ. До тѣхъ поръ, какъ извѣстно, Римъ въ лицѣ папы Стефана VI, запретилъ славянское богослуженіе, а послѣдующіе папы уже не знали, а можетъ быть и сознательно пренебрежительно относились къ памяти славянскихъ первоучителей **). Только въ XIII в. папа Иннокентій IV, да и то по просьбѣ сеньскаго епископа и по настоянію народа, снисходитъ къ тому и разрѣшаетъ употреблять славянское богослуженіе по славянскимъ глаголическимъ книгамъ и слѣд. по р.-католическому обряду. Дальнѣйшая политика Рима по отношенію къ славянскому богослуженію и вообще къ кирилломеѳодіевскому культу была такова, что даже глаголическославянское богослуженіе только терпѣлось, но принципіально не разрѣшалось какъ норма обязательная для всѣхъ р.-католическихъ славянъ и на всѣ дальнѣйшія времена. Но

*) Подлинный текстъ этой энциклики напечатанъ въ годъ ея изданія въ разныхъ р.-католическихъ журналахъ за 1880—1 гг. (см., напр., въ изд. „Sämmtliche Rundschreiben... Leo XIII“. Freiburg im Breisgau 1881); въ томъ же году она въ извлеченіяхъ съ русскимъ переводомъ сообщалась и въ русскихъ духовныхъ журналахъ (см. напр. „Странникъ“), обсуждалась на столбцахъ русскихъ газетъ и журналовъ. А подробный ея разборъ представленъ въ кн. проф. И. В. Платонова „Антиэнциклика или Братское слово православнаго славянина къ славянамъ католикамъ, по поводу изданія папою Львомъ XIII буллы о праздновании памяти свв. Кирилла и Меѳодія“ (Харьковъ, 1882 г.).

**) Уже папа Іоаннъ X (914—928 гг.) въ письмѣ на имя сплѣтскаго архіепископа Іоанна и другихъ епископовъ сплѣтской діэцезіи ясно говоритъ, что не подобаетъ христіанамъ, „покинувъ евангельское ученіе, церковные каноны и папскія предписанія, слѣдовать ученію Меѳодія, котораго онъ не находитъ въ числѣ св. отцовъ церкви“. См. латинскій текстъ въ цит. соч. Бильбасова, стр. 38, ср. 152. А на сплѣтскомъ соборѣ, бывшемъ при папѣ Александрѣ II (1061—1073 г.), Меѳодій былъ названъ еретикомъ (Dicebant enim gothicas litteras a qnodam Methodio haeretico fuisse repertas, qui multa contra catholicae fidei normam in eadem sclavonica lingua mentiendo conseripsit, quamobrem divino judicio repentina dicitur morte fuisse damnatus). См. тамъ же, стр. 44, ср. 157.

папа Левъ XIII сдѣлалъ рѣшительный шагъ, однако не по вопросу о славянскомъ богослуженіи, а по вопросу о причисленіи Кирилла и Меѳодія къ лику святыхъ р.-католической церкви. Обрадованное и такою уступкою, славянское р.-католическое духовенство называло его поэтому „папою славянъ". Что касается отношенія Рима къ славянскому богослуженію, даже по р.-католическимъ глаголическимъ книгамъ, то все осталось по прежнему, такъ какъ и доселѣ продолжается политика вынужденныхъ временныхъ уступокъ и затѣмъ ихъ ограниченій *). По крайней мѣрѣ, съ 1880 г. имена славянскихъ первоучителей включены въ святцы р.-католической церкви, но въ какомъ смыслѣ,—объ этомъ, конечно, ясно говоритъ содержаніе энциклики папы Льва XIII и вся вообще р.-католическая литература о Кириллѣ и Меѳодіи, какъ подготовившая изданіе вышеупомянутой энциклики, такъ и послѣдующая, на основаніи даннаго папскаго распоряженія развивавшаяся и доселѣ въ количественномъ отношеніи размножающаяся **). По смыслу всѣхъ этихъ оффи-

*) См. объ этомъ въ вышеупомянутой статьѣ проф. П. А. Кулаковскаго.

**) Не перечисляя всей, предшествовавшей изданію энциклики п. Льва XIII и слѣдовавшей за нею, кирилло-меѳодіевской литературы р.-католическихъ славянъ, я назову здѣсь только наиболѣе важныя и обращающія на себя вниманіе въ томъ или другомъ отношеніи сочиненія и изданія, начиная съ половины истекшаго столѣтія. По-хорватски: Dr Fr. Rački, Viek i djelovanje sv. Cyrilla i Methoda, slovjenskih apoštolov. U Zagrebu 1857—9 (есть и другіе труды по кирилло-меѳодіевскому вопросу того же автора, труды Ткальчича, Берчича, Черничича и другихъ). Изъ польскихъ трудовъ по кирилло-меѳодіевскому вопросу можно поименовать: Rettel Leonard, Cyryl i Methody, 1871; Ks. Tad. Gromnicki, Swięci Cyryl i Methody. W Krakowie 1880, и др. Есть сочиненія по кирилло-меѳодіевскому вопросу и у словинцевъ. Но болѣе богата въ количественномъ отношеніи по кирилло - меѳодіевскому вопросу чешская литература. Начиная съ половины истекшаго столѣтія, наиболѣе важныя въ томъ или другомъ отношеніи слѣдующія сочиненія и изданія W. Štule, Život svatých Cyrilla a Methodia, apoštolů slovanských. V Brně 1857. Dr. I. E. Bílý, Dějiny sv. apoštolů slovanských Cyrilla a Methodia. V Praze 1863. Эта книжка (съ иллюстраціями) въ 1863 году была переведена на нѣмецкій и словинскій языки. Dr. M. Procházka, Život sv. Methoda, apoštola říše Velkomoravské a slovanů vůbec. V Brně 1885: Dr. prof. Fr. Pastrnek, Dějiny slovanských apoštolů Cyrilla a Methoda s rozborem a otiskem hlavních pramenů. V Praze 1902; Dr. Fr. Přikryl,

ціальныхъ и неоффиціальныхъ данныхъ, св. Кириллъ и Меѳодій были сторонники Рима и служили р.-католической церкви, чуждаясь связей съ православнымъ Востокомъ, откуда они поспѣшили въ Моравію, стремясь въ объятія апостольскаго (т. е. римскаго) престола. Насколько эта точка зрѣнія выдерживаетъ безпристрастную критику,—объ этомъ теперь нѣтъ нужды распространяться, ибо точная исторія неопровержимо свидѣтельствуетъ лишь о томъ, что св. Кириллъ

Ss. Cyrill a Method v upominkách památek starožitných na Moravé. I—II V Týně u Lipnika. 1905 и 1907; затѣмъ нужно поименовать цѣлый рядъ трудовъ Снопека: Fr. Snopek, Konstantin—Cyrill a Methoděj, slovanšti apoštolé (slovo na obranu historické pravdy jejim přátelům), v Olomouci, 1908; его же, Studie cyrillomethodéjské, v Brně 1906; O pravomocnosti svatých Cyrilla a Methodéje roku 863 až 867, v Praze 1900; List papeže Hadriana II v pannonské legendé a bulla Jana VIII Industriae tuae, s dodatkem—Pseudoisidorovy dekretaly a sv. Methoděj., v Olomouci 1897; Methodium orthodoxum fuisse (противъ соч. прав. еп. Никодима Милаша), Pragae Bohemorum 1908; Methodius slavorum Apostolus quo sensu orthodoxus declaratus sit, Pragae 1908; и др. Кромѣ того, слѣдуетъ назвать еще одно специальное изданіе, начало которому положено было на Велеградѣ, посвященное разнымъ сторонамъ общаго кирилло-меѳодіевскаго вопроса: это—„Sbornik Velehradský", вышедшій до сихъ поръ въ I—VI выпускахъ, изъ коихъ I выпускъ появился въ 1880 году (v Brně), а VI—въ 1896 году (v Olomouci).

Возраженія и опроверженія противъ конфессіональной р.-католической точки зрѣнія названныхъ западно-славянскихъ ученыхъ можно находить главнымъ образомъ въ слѣдующихъ сочиненіяхъ православныхъ ученыхъ (русскихъ, сербовъ и грековъ): П. А. Лавровскій, Кириллъ и Меѳодій какъ православные проповѣдники у западныхъ славянъ, въ связи съ современной имъ исторіей церковныхъ несогласій между востокомъ и западомъ. Харьковъ 1863. Проф. И. В. Платоновъ, вышеупомянутая „Анти-энциклика" и „Отвѣтъ автора Анти-энциклики на послѣдовавшее противу нея со стороны католичества возраженіе". Харьковъ 1884 (гл. обр. противъ еп. хорватскаго Юрія Штроссмайера). Проф. И. И. Малышевскій, Святые Кириллъ и Меѳодій, первоучители славянскіе. Кіевъ 1886; Д-ръ Никодимъ Милашъ, Славенски Апостоли Кирил и Методије и истина православља (поводом римског покрета у 1880—1881 год. противу православне цркве) задар 1881; греч. митр. никомидійскій Филоѳей Вріенній, Πάπα Λέοντος ιγ' Ἐγκυκλίου ἐπιστολῆς Ἔλεγχος (Обличеніе энциклики папы Льва XIII). Константинополь 1882. Нѣтъ нужды указывать другія немалочисленныя сочиненія, посвященныя кирилло-меѳодіевскому вопросу. Желающіе могли бы найти указанія на нихъ, напр., въ брошюрѣ академика И. В. Ягича „Вопросъ о Кириллѣ и Меѳодіи въ славянской филологіи" Спб. 1885 г. (только до 1885).

и Меѳодій—православно-восточные миссіонеры; будучи и на западѣ, они оставались въ нѣдрахъ церкви православной, ученіе и обряды ея утверждали здѣсь и свое драгоцѣнное наслѣдіе перевода священныхъ и богослужебныхъ книгъ передали славянамъ, сохраняющимъ его и доселѣ въ православно-славянскихъ церквахъ.

Но какъ бы ни были неопровержимы доказательства духовной связи св. Кирилла и Меѳодія съ православнымъ Востокомъ, р.-католическіе ученые и доселѣ однако продолжаютъ оправдывать положенія энциклики п. Льва XIII относительно р.-католическаго характера дѣятельности св. славянскихъ первоучителей, признанныхъ святыми всей р.-католической церкви. Эта тенденція присуща и нынѣшнему Велеграду. Мало того, нынѣшній Велеградъ дѣлается повидимому центромъ, откуда кирилло-меѳодіевская идея въ р.-католическомъ ея освѣщеніи будетъ пропагандироваться и практически и даже теоретически среди всѣхъ славянъ не только р.-католическихъ, но и православныхъ. Средствомъ для этого служитъ живая проповѣдь пребывающихъ здѣсь искусныхъ миссіонеровъ-іезуитовъ, разнаго рода богослужебныя торжественныя процессіи и пр., а также долженствующіе повторяться чрезъ два года (съ 1907 г.) богословскіе съѣзды въ интересахъ сближенія Запада съ Востокомъ и предположенная къ открытію Велеградская Академіи для изданія памятниковъ и изслѣдованій, посвященныхъ этой уніональной цѣли.

Для иллюстраціи сказаннаго относительно господствующаго въ настоящее время кирилло-меѳодіевскаго направленія на новомъ Велеградѣ не лишне въ заключеніе остановиться на одной чешской брошюрѣ почти оффиціальнаго, во всякомъ случаѣ оффиціознаго происхожденія, изданной къ послѣднему, происходившему въ истекшемъ (1909) году, богословскому съѣзду на Велеградѣ и предназначавшейся для перевода на всѣ славянскіе языки. Брошюру эту подъ заглавіемъ „Výklad idey cyrillo-methodějské!“ (Смыслъ кирилло-меѳодіевской идеи) написалъ нѣкто Адольфъ Яшекъ (Adolf Jašek) и напечаталъ ее на Велеградѣ съ одобренія цензуры оломуцкой консисторіи *). Небольшая эта брошюра (54 стр.)

*) Adolf Jašek, Výklad idey cyrillo-methodějské. Velehrad 1909. Nakladatelství cyrillo-methodějské literatury a památek velehradských

состоитъ изъ введенія и пяти небольшихъ главъ изложенія, изъ коихъ въ первой главѣ кратко говорится о христіанизаціи славянъ и о состояніи у нихъ христіанства, во второй—о причинахъ и возникновеніи церковной схизмы на Востокѣ, въ третьей предлагается обзоръ исторіи русской церкви и уніи, въ четвертой указываются спорные пункты между обѣими (восточною и западною) церквами и наконецъ въ пятой главѣ кратко характеризуется современное положеніе русской церкви.

Эпиграфомъ къ своей брошюрѣ авторъ ставитъ евангельскій текстъ (Іоан. 10, 16): „И ины овцы имамъ, яже не суть отъ двора сего; и тыя ми подобаетъ привести, и гласъ мой услышатъ, и будетъ едино стадо, и единъ пастырь“. Само собою понятно, что авторъ р.-католикъ подъ „единымъ пастыремъ“ „единаго стада“ разумѣетъ „видимаго намѣстника Христова“ на землѣ, римскаго папу, и около него должны объединиться—по его представленію—всѣ вѣрующіе во Христа и въ томъ числѣ всѣ славяне. Начало объединенія всѣхъ славянъ вокругъ римской каѳедры положено было будто бы трудами св. Кирилла и Меѳодія и чрезъ эти имена суждено и въ будущемъ войти въ „единый овчій дворъ“ всѣмъ славянамъ. Вопреки точной исторіи, авторъ не стѣсняется даже утверждать, что остающіеся доселѣ православными славяне были нѣкогда въ томъ или другомъ, хотя и временномъ, общеніи съ Римомъ: и болгары, и сербы, и русскіе. Авторъ больше всего вниманія удѣляетъ исторіи русской церкви и съ особенными симпатіями останавливается на временахъ уніональныхъ сношеній западно-русской ея части съ Римомъ. Свой краткій обзоръ исторіи русской церкви и уніи (въ 3-й главѣ) авторъ оканчиваетъ характеристикой царствованія императора Николая II (въ отношеніи къ р.-католической церкви), о которомъ замѣчаетъ, что сперва онъ „подавалъ наилучшія надежды, которыя однако скоро были обмануты“. Привѣтствуетъ манифестъ 1905 г. (вѣроятно отъ 17 апрѣля) о вѣротерпимости, „ко-

---

M. Melichárka. На обратной страницѣ заглавнаго листа напечатано: Nihil obstat. Dr. Jos. Kachnik, censor. Imprimatur. A. E. Consistorium Olomucii, die 4 mai 1909. Dr. C. Wisnar, vicarius generalis. Henricus Geisler, cancellarius.

торымъ и церковь католическая получила нѣкоторую свободу, ограничиваемую однако въ дѣлѣ ея миссіи государственною церковію“ (39 стр.). Сѣтуя на недостатокъ свободы пропаганды для р.-католической церкви, авторъ заключаетъ третью главу своей брошюры слѣдующимъ пожеланіемъ: „О, если бы пролитая кровь вѣрныхъ исповѣдниковъ уніи, сдѣлавшись сѣменемъ ревностныхъ тружениковъ на полѣ (религіознаго) объединенія, возродила цѣлую Русь, соединила въ вѣрѣ и присоединила ее въ любви къ тѣмъ, которыхъ столько вѣковъ она жестоко преслѣдовала!“ Свои „благочестивыя“ пожеланія въ этомъ отношеніи авторъ еще болѣе усиливаетъ въ виду того положенія, въ которомъ, по его мнѣнію, находится въ настоящее время русская церковь. Это положеніе онъ изображаетъ самыми мрачными красками, пользуясь для своей характеристики не только своими р.-католическими источниками, въ томъ числѣ между прочимъ и свѣдѣніями нашего неоднократнаго гостя — итальянца о. Авр. Пальміери, но и русскими сочиненіями напр. г. Милюкова и др. под. И картина, конечно, не отвѣчающая дѣйствительности, получается довольно мрачная: выходитъ, что и народъ русскій не знаетъ-де своего вѣроученія, вслѣдствіе чего уклоняется легко въ секты, и духовенство стоитъ-де не на высотѣ своего положенія, и русскія духовно-учебныя заведенія не приготовляютъ достойныхъ пастырей, и монастыри тоже страдаютъ большими аномаліями... Авторъ, конечно, касается и цезаро-папизма въ исторіи русской церкви. Все это, по мнѣнію автора, аппеллируетъ къ необходимости реформы русской церкви, о которой въ послѣднее время,—какъ знаетъ авторъ,—и говорятъ въ Россіи. Указывая на разныя точки зрѣнія русскихъ богослововъ по вопросамъ реформы, авторъ очень ревниво предостерегаетъ русскую церковь отъ опасности со стороны протестантовъ, которые, будто бы, „вспомоществуемые золотомъ (?) и отличаясь необыкновенно привѣтливымъ обращеніемъ, стремятся къ тому, какъ бы напитать русскую церковь идеями протестантизма“ (53—4 стр.). Находясь на такомъ распутьи, „нѣкоторые русскіе богословы“ (?) обращаютъ свой взоръ къ Риму въ надеждѣ, что въ единеніи съ нимъ сверкнетъ новый свѣтъ и появится новая сила, освѣжающая цѣлое

вѣтвистое дерево Христовой церкви“ (54 стр.). А въ заключеніе авторъ высказываетъ горячее пожеланіе, чтобы Россія поскорѣе поняла пророческое слово „русскаго философа Соловьева, который всю будущность Россіи ставилъ въ зависимость отъ примиренія и соединенія ея съ Римомъ“ (54 стр.). Заканчиваетъ онъ свою брошюру молитвеннымъ воззваніемъ: „Пресвятая Дѣво Марія, св. Кирилле и Мееодіе, молите Бога о насъ!“. И такъ, св. Кириллъ и Мееодій, какъ чтители Пресвятой Дѣвы Маріи, призываются вмѣстѣ съ Нею въ ходатаи предъ Богомъ объ осуществленіи церковной уніи всѣхъ славянъ, въ томъ числѣ и русскихъ, подъ главенствомъ мнимаго намѣстника Христова на землѣ—римскаго папы: „соединить всѣхъ славянъ въ одну религіозную семью, глава которой намѣстникъ Христовъ, римскій папа, и сплотить ихъ въ культурѣ“, — вотъ современная программа кирилло-мееодіевской идеи“ (Пред., 4 стр.). Въ томъ же предисловіи авторъ выясняетъ возможность и необходимость этого культурнаго сближенія между славянами, между церквами „римскою и схизматическо-русскою“, указываетъ выгоды этого сближенія для обѣихъ церквей и даже для мира Европы. Нужно молиться и дѣйствовать въ интересахъ сближенія церквей или точнѣе—подчиненія римскому папѣ всѣхъ остальныхъ славянъ. И въ этомъ отношеніи, по замѣчанію автора, р.-католическіе славяне уже давно проявляли и проявляютъ свою должную ревность. „Въ силу и дѣйственность молитвъ о соединеніи церквей вѣрили всѣ, кто занятъ былъ мыслью объ уніи“ (6 стр.), такъ что уже въ 1851 году „великій епископъ словинскій, Сломшекъ, учредилъ общество св. Кирилла и Мееодія, члены котораго молятся о соединеніи славянъ въ церкви католической“. Тоже сдѣлалъ и почившій епископъ дьяковскій, хорватъ Юрій Штроссмайеръ. Равно и для чеховъ съ моравнами въ 1892 году учреждено, съ согласія кардинала префекта „de propaganda fide“ въ Римѣ, „Общество св. Кирилла и Мееодія подъ покровомъ Благословенной Дѣвы Маріи“. Цѣль этого Общества „распространять святую католическую вѣру между славянами, защищать и прославлять, также предпринимать и помогать всему, что бы казалось споспѣшествующимъ этой цѣли, сообразуясь при этомъ съ надлежащими церковными предписаніями“ (7 стр.).

Общество это разрѣшено во всѣхъ земляхъ Свято-Вечеславской короны. Половина сборовъ предназначается „св. отцу“ на разныя учрежденія для распространенія вѣры, откуда и передаются на важнѣйшія религіозныя учрежденія у славянъ, въ особенности на Балканскомъ полуостровѣ. Другая часть употребляется на домашнія нужды мѣстной церкви (храмы, школы, миссіи, торжественныя собранія и пр.), а также на изданіе журнала „Slavorum litterae theologicae“, гдѣ трактуются спорные между обѣими церквами вопросы и гдѣ сообщаются свѣдѣнія, знакомящія весь ученый міръ съ славянскою богословскою литературою“ *).

Вотъ какими путями и средствами дѣйствуютъ р.-католическія общества св. Кирилла и Меѳодія для распространенія кирилло-меѳодіевской идеи съ цѣлью привлеченія и „раскольниковъ-славянъ“ въ лоно р.-католической церкви. И новый Велеградъ энергично культивируетъ эту тенденцію. Но вѣрные чтители памяти св. славянскихъ первоучителей, конечно, помнятъ послѣдній завѣтъ скончавшагося на старомъ Велеградѣ святителя Меѳодія, который на смертномъ одрѣ говорилъ своимъ ученикамъ и послѣдователямъ: „Смотрите, осторожно ходите, не какъ неразумные, но какъ мудрые и со всею бдительностію старайтесь охранять сердца ваши и братьевъ вашихъ; ибо вы будете ходить среди сѣтей и будете всходить на вершины городовъ: ибо послѣ моей кончины придутъ къ вамъ лютые волки, не щадящіе стада, чтобы увлечь за собою народъ: имъ противустойте вы, твердые въ вѣрѣ, какъ завѣщаетъ вамъ чрезъ меня св. Павелъ“ **).

Какъ видно изъ содержанія предложеннаго доклада, новѣйшій Велеградъ представляетъ кирилло-меѳодіевскую идею въ иномъ освѣщеніи, чѣмъ какое даетъ ей точная

*) Любопытно, что для культивированія той же идеи (для распространенія идеи о соединенія церквей) издается на русскомъ языкѣ латиницей журнальчикъ „Velehradskij Věstnik“ (печатается въ Прагѣ): имена и р.-католическія изображенія св. Кирилла и Меѳодія украшаютъ обложку журнала, а на первой страницѣ текста находится изображеніе нынѣшняго Велеграда.

**) См. Пространное житіе св. Климента, гл. 6 (у Бильбасова, Кириллъ и Меѳодій по западнымъ легендамъ, ч. II, Спб. 1871 г., стр. 348).

исторія стараго, меѳодіевскаго Велеграда. Новѣйшій Велеградъ знаменуетъ собою объединеніе цѣлаго славянства въ лонѣ р.-католической церкви и въ одной общей культурѣ, существенно связанной съ исторіей романо-германской Европы, а старый Велеградъ, какъ извѣстно, благодаря трудамъ св.-славянскихъ первоучителей, сталъ-было вѣрнымъ опорнымъ пунктомъ для славянъ въ борьбѣ противъ этой Европы, ибо въ стѣнахъ древняго Велеграда греко-славянская или кирилло-меѳодіевская Европа отбивалась отъ политическаго и культурнаго натиска возстановленной священной Римской имперіи Карла Великаго. Съ именемъ стараго Меѳодіевскаго Велеграда связывалась идея религіозной и политической свободы всѣхъ славянъ, которые, сохранивъ завѣты своихъ первоучителей, остаются духовно-свободными и доселѣ, а новѣйшій Велеградъ, проповѣдуя „ново-кирилло-методеизмъ" (въ духѣ извѣстной энциклики п. Льва XIII „Grande munus"), стремится прикрѣпить ихъ духовно къ Риму и подчинить ихъ западной культурѣ. Присматриваясь ближе къ явленіямъ и движеніямъ въ новѣйшемъ Велеградѣ въ настоящее время, невольно замѣчаешь нѣкоторую аналогію съ одной стороны между его тенденціями въ религіозномъ и вообще культурномъ отношеніи, а съ другой—культурно-политическими тенденціями т. н. австро-славизма, который со времени пражскаго съѣзда 1908 г. получилъ болѣе соблазнительное для славянъ названіе неославизма: какъ „ново-кирилло-методеизмъ" велеградскій имѣетъ цѣлью подчинить не только славянскій западъ, но и славянскій, въ частности Балканскій югъ и славянскій востокъ вліянію Рима, такъ точно и неославизмъ, прямая лѣторасль австро-славизма, стремится въ концѣ концовъ къ тому, чтобы создать изъ австрійскаго славянства объединительный центръ не только для всѣхъ западныхъ славянъ, но и для южныхъ, а можетъ быть частію и восточныхъ (поскольку украинскій сепаратизмъ, поддерживаемый нѣкоторою западно-славянскою прессою и политиками, входитъ также въ програму австро-славизма), не только для противодѣйствія натиску германизма, но и для расширенія своего культурно-политическаго вліянія на востокъ. Кажется, цѣли и задачи неославизма съ одной стороны и „ново-кирилло-методеизма" съ другой такъ тѣсно переплетены, что и видимыя различія въ средствахъ для осуще-

ствленія общихъ цѣлей — притяженія цѣлаго славянства къ западу — существенно не раздѣляютъ ихъ: религіозная унія съ Римомъ является обыкновенно и предвѣстникомъ и спутникомъ принудительнаго включенія славянъ въ сферу интересовъ западнаго міра или т. н. романо-германской Европы. Объ этомъ краснорѣчиво свидѣтельствуетъ исторія и это — къ сожалѣнію — иллюстрируется доселѣ дѣйствіями римской пропаганды въ Боснѣ и Герцеговинѣ, польско-римскимъ душехватствомъ въ русской части Галичины и пр. Однако, св. Константинъ (Кириллъ) и Меѳодій дѣйствовали въ другомъ духѣ, въ иномъ направленіи; они молитвенно воспѣвали литургійный возгласъ православной каѳолической церкви: „Возлюбимъ другъ друга, да единомысліемъ исповѣмы!“. Сообразно съ этимъ они и проповѣдывали славянамъ истину православія, ибо только „взаимной христіанской любви ввѣрено храненіе истины церкви, ея единства и свободы или иначе свободы въ гармоніи ея проявленій“.

Балканская федерація и Македонскій вопросъ.

Лучшимъ средствомъ противъ нѣмецкаго Drang'а признана въ послѣднее время федерація Балканскихъ народовъ. Надъ осуществленіемъ этой идеи работаетъ усиленно дипломатія тройственнаго соглашенія, ею проникнута и значительная часть славянскихъ дѣятелей, готовыхъ позабыть многовѣковую взаимную ненависть и борьбу различныхъ племенъ, населяющихъ Балканскій полуостровъ, примирить ихъ и, воодушевивъ всѣхъ общимъ девизомъ: „Балканы для Балканскихъ народовъ", заставить ихъ соединенными силами защищаться отъ чуждыхъ посягательствъ на ихъ собственность.

Въ виду несомнѣнной пользы такой политической комбинаціи, какъ для Балканскихъ народовъ, такъ и для славянства, интересно изслѣдовать спокойно и безъ всякой предвзятой идеи, насколько интересы и стремленія всѣхъ предполагаемыхъ членовъ такого союза совпадаютъ, и насколько этотъ союзъ можно считать вѣроятнымъ въ близкомъ будущемъ.

I.

Федерація эта должна быть направлена явно противъ германизма, всѣ члены ея должны быть проникнуты рѣшимостью постоять—каждый самъ за себя и другъ за друга—до послѣдней крайности вплоть до вооруженнаго столкновенія съ австро-венгерской арміей. Всѣ они должны стать въ явно-враждебныя отношенія съ германизмомъ и теперь же пожертвовать нѣкоторыми выгодами настоящаго своего положенія. Кромѣ того, всѣмъ имъ приходится пойти на взаимныя уступки и устранить такимъ образомъ причины, дѣлавшія ихъ до сихъ поръ непримиримыми врагами.

Насколько-же каждое изъ Балканскихъ государствъ, оцѣнивая обстановку съ этихъ точекъ зрѣнія, можетъ быть за или противъ Балканской федераціи?

Для Сербіи общая цѣль — объединеніе сербскаго народа — распадается на двѣ задачи: овладѣть Босніей и соединиться съ Черногоріей, включивъ въ составъ владѣній Сербскаго государства Старую Сербію. Со времени Берлинскаго трактата это стремленіе на югъ стояло для Сербіи на первомъ планѣ, подчеркивая основу ея отношеній съ Турціей и создавая братоубійственную болгаро-сербскую вражду въ Македоніи.

Послѣ анексіи главной прицѣльной точкой для сербовъ стала Боснія, отодвигая на задній планъ, но далеко не вычеркивая совсѣмъ изъ сербской политики вопроса о Старой Сербіи (въ особенности о Ново-Базарскомъ санджакѣ). Нѣкоторыя сокращенія претензій сербовъ въ Македоніи послужили, къ счастью, началомъ ихъ примиренія съ болгарами, но далеко не успокоили Турцію. Нѣтъ сомнѣнія, что въ своемъ стремленіи къ главной цѣли, Сербія въ настоящій моментъ готова позабыть обо всемъ остальномъ, и Балканская федерація, необходимая ей болѣе чѣмъ кому-либо, составляетъ для нея завѣтную мечту и служитъ чуть ли не единственной надеждой отпарировать занесенный надъ нею нѣмцами ударъ.

При сосѣдствѣ съ Сербіей и близкомъ съ ней племенномъ родствѣ Болгарія естественно должна имѣть съ нею общіе интересы,—находясь на пути нѣмецкаго Drang nach Osten, опасаться также германизма,—не покончивъ еще своихъ счетовъ съ Турціей, также быть въ естественно-враждебныхъ съ нею отношеніяхъ. Крупная разница въ положеніяхъ двухъ братскихъ народовъ заключается въ томъ, что Болгаріи въ настоящій моментъ германизмъ непосредственно ничѣмъ не угрожаетъ и—наоборотъ—заигрываетъ съ нею, подбодряя косвеннымъ образомъ къ скорѣйшему разрѣшенію своей великой задачи объединенія Болгарскаго народа. Всѣми своими помыслами болгарскій народъ стремится къ осуществленію Санъ-Стефанской Болгаріи, созданной освободительницей Россіей и разрушенной врагами славянства. Турки, безсознательно катясь къ пропасти, подъ нѣмецкую диктовку ведутъ къ скорѣйшему разрѣшенію восточный вопросъ,

создавая на почвѣ своей ненависти къ болгарамъ цѣлый рядъ инцидентовъ и конфликтовъ, внутреннихъ и внѣшнихъ, которые неминуемо должны будутъ привести въ близкомъ будущемъ къ катастрофѣ на Балканахъ.

Македонскій вопросъ, созданный Берлинскимъ конгрессомъ, является главнымъ препятствіемъ для осуществленія идеи Балканской федераціи; ниже, разобравъ его детальнѣе, мы найдемъ причины, которыя ставятъ Болгарію въ совершенно особое положеніе среди славянскихъ народовъ и вынудятъ ее, volens-nolens, приступить возможно скорѣе къ разрѣшенію этого вопроса—нѣкогда чисто Болгарскаго, потомъ Македонскаго и, наконецъ, Оттоманскаго, составляющаго, по увѣренію младотурокъ, съ молчаливаго согласія великихъ державъ, лишь одинъ изъ вопросовъ внутренней политики Турціи.

Въ томъ-же Македонскомъ вопросѣ Греція проявила самымъ яркимъ образомъ свою мегаломанію и крайнюю ненависть къ болгарамъ и славянству вообще. Ея претензіи на Македонію, южную Албанію, Критъ, Архипелагъ, Малоазійское побережье и наконецъ самый Константинополь служатъ плохимъ залогомъ союза съ Турціей, въ особенности для борьбы съ германизмомъ, до котораго грекамъ нѣтъ никакого дѣла—по крайней мѣрѣ въ смыслѣ обороны своихъ предѣловъ.

Относительно включенія Румыніи въ число членовъ Балканской федераціи существуютъ колебанія, вполнѣ естественныя. Если основанія нынѣшней приверженности ея къ тройственному союзу и не особенно глубоки и прочны, то едва-ли вмѣстѣ съ тѣмъ можно разсчитывать на объединеніе румынъ со славянами противъ германизма.

Значительная примѣсь румынъ въ населеніи Трансильваніи и въ Бессарабіи, болгарская Добруджа въ составѣ Румынскаго королевства и отсутствіе какихъ-либо опредѣленныхъ задачъ во внѣшней политикѣ, требующихъ настоятельно скорѣйшаго разрѣшенія, избавляютъ Румынію отъ необходимости примкнуть явно къ одному изъ лагерей, на которые раздѣлилась Европа, и бросить вызовъ другой сторонѣ; выгоднѣе всего присоединиться къ побѣдителю въ надеждѣ получить свою долю при дѣлежѣ добычи.

II.

Итакъ оставляя Румынію, какъ наименѣе заинтересованную въ созданіи Балканскаго блока, обратимся къ Турціи, играющей наиболѣе видную роль на Востокѣ и разсмотримъ, какими чувствами отвѣчаетъ она своимъ сосѣдямъ и насколько опасается германскаго вліянія. Германизмъ стремится на востокъ: черезъ Константинополь и Багдадъ къ Персидскому заливу и черезъ Старую Сербію и Македонію къ Эгейскому морю.

Движеніе это грозитъ Турціи главнымъ образомъ экономическимъ порабощеніемъ. Бойкотъ нѣмецкихъ товаровъ въ минувшемъ году отозвался крайне тяжело на населеніи Турціи и показалъ ясно, что безъ нѣмецкаго порабощенія въ экономическомъ отношеніи туркамъ было-бы очень тяжело. Младотурки въ особенности возстаютъ противъ всякихъ концессій въ пользу иностранныхъ компаній, забывая при этомъ, что своими средствами Турція до сихъ поръ не построила ни одной желѣзной дороги и не въ силахъ сама эксплоатировать ни одной изъ имѣющихся. Турецкую армію обучаетъ и вооружаетъ теперь Германія, имѣя вѣроятно достаточныя основанія быть увѣренной, что это оружіе не будетъ никогда обращено противъ нея.

Угрожаетъ и Австро-Венгрія турецкимъ владѣніямъ въ политическомъ отношеніи, что и показала достаточно ясно годъ тому назадъ, но это не безпокоитъ особенно Турцію: возмущеніе всего славянства противъ анексіи Босніи болѣе настроило турокъ противъ славянъ, чѣмъ сама анексія— противъ нѣмцевъ. Если Австрія имѣетъ виды на Македонію, то еще настойчивѣе предъявляютъ свои права на нее Болгарія, Сербія и Греція, которыя являются поэтому малонадежными союзниками Турціи для охраны ея предѣловъ отъ нѣмцевъ; если Австрія разсчитываетъ овладѣть Македоніей только въ будущемъ, то вѣдь славяне уже отняли ее у турокъ 30 лѣтъ тому назадъ, и лишь благодаря англо-нѣмецкой защитѣ, Турція владѣетъ ею до сихъ поръ. Въ усиленіи германизма турки видятъ только противовѣсъ панславизму, котораго боятся, какъ огня.

Исходя изъ этихъ основаній, турецкая печать успѣла

уже за послѣднее время высказаться вполнѣ опредѣленно по поводу балканской федераціи—сначала, мягко указывая, что Турція желаетъ быть со всѣми въ добрыхъ отношеніяхъ и не примкнетъ ни къ какому союзу, направленному противъ какой-либо великой державы; затѣмъ при нѣкоторыхъ намекахъ на Сербо-Болгарское сближеніе въ турецкой прессѣ выразилось сильное безпокойство по поводу осуществленія „панславистическихъ плановъ“, и стали появляться проекты австро-турецкаго союза (можетъ быть и съ участіемъ Греціи) противъ объединенныхъ южныхъ славянъ.

Боясь только славянъ и ведя борьбу въ своихъ предѣлахъ только противъ нихъ, Турція признаетъ возможность Балканской федераціи на условіи, чтобы всѣ ея балканскіе сосѣди отказались на будущее время отъ какихъ бы то ни было територіальныхъ пріобрѣтеній на ея счетъ, и чтобы всѣ живущіе въ Турціи не мусульмане забыли о своей національности, оставили свои прежніе политическіе идеалы и превратились-бы въ вѣрныхъ „оттомановъ“, получивъ взамѣнъ „полное равноправіе“ съ мусульманскимъ населеніемъ.

Съ провозглашеніемъ конституціи младотурки поторопились признать Македонскій вопросъ окончательно разрѣшеннымъ; великія державы согласились съ этимъ и въ скоромъ времени прекратили свою реформаторскую дѣятельность, вѣря, повидимому, что младотурецкія обѣщанія принесутъ болѣе пользы македонскимъ христіанамъ, чѣмъ работа гражданскаго агентства и иностранныхъ офицеровъ, реорганизовавшихъ жандармерію. Съ тѣхъ поръ Македонскій вопросъ пересталъ существовать оффиціально, о немъ упоминалось лишь вскользь и всегда въ самомъ успокоительномъ духѣ. Явилась идея Балканской федераціи (существовавшая теоретически и раньше), и ея партизаны въ своей проповѣди опирались часто на новое положеніе Македоніи при конституціонномъ режимѣ, дающемъ всему населенію человѣческія права и не препятствующемъ слѣдовательно примиренію всѣхъ враждовавшихъ доселѣ элементовъ.

Только теперь, когда Македонскій вопросъ поднятъ уже серіезно въ болгарскомъ обществѣ и прессѣ и грозитъ вновь

осложненіями на Ближнемъ Востокѣ, извѣстія объ истинномъ положеніи въ Македоніи начинаютъ проникать и въ русскую печать. Эти отрывочныя свѣдѣнія могутъ показаться странными послѣ того, какъ Македонія „уже умиротворена“, случаи притѣсненія болгарскаго населенія могутъ быть приняты за единичные и исключительные „при конституціонномъ режимѣ, обезпечивающемъ всѣмъ оттоманскимъ гражданамъ свободу и равноправіе“; а потому стоитъ прослѣдить вкратцѣ за положеніемъ Македоніи послѣ 11 іюля 1908 года и остановиться нѣсколько подробнѣе на томъ, что происходитъ тамъ теперь, и чего можно ожидать въ ближайшемъ будущемъ.

III.

Въ іюлѣ 1908 года всѣ четы болгарской „Внутренней Организаціи“ прекратили свою революціонную дѣятельность и, получивъ амнистію, превратились въ легальныхъ мирныхъ оттоманскихъ гражданъ. Въ болгарскомъ населеніи началась кипучая работа по организаціи культурныхъ обществъ и политическихъ партій для борьбы законнымъ порядкомъ за свои права; явилась надежда, что наступаетъ новая жизнь, что иго прекращается, и покоренная „райя“ превращается въ гражданъ обновленный Оттоманской имперіи. Ясно, что подобное настроеніе македонскаго населенія далеко не отвѣчало политическимъ интересамъ Болгаріи, но, мирясь съ необходимостью, она отнеслась очень сочувственно къ новому турецкому режиму. Болгарская пресса разразилась нападками на македонцевъ, которые устроились на теплыхъ мѣстахъ въ Болгаріи и не выказывали особенной охоты возвращаться на родину и работать на пользу своихъ братьевъ въ новой Турціи; многіе изъ нихъ дѣйствительно возвратились на свои пепелища, но очень скоро должны были разочароваться. Съ первыхъ же дней конституціоннаго режима въ большую честь у младотурокъ попалъ одинъ изъ бывшихъ болгарскихъ воеводъ — Сандансній, вмѣстѣ съ своими приверженцами открывшій тотчасъ-же самую ожесточенную кампанію противъ болгаръ и всего болгарскаго, не стѣсняясь никакими средствами вплоть до убійствъ. Турецкія власти поддерживали санданистовъ, вы-

ставляя производимый имъ терроръ, какъ борьбу различныхъ болгарскихъ партій между собою; позднѣе многіе сандаписты назначены на различныя административныя должности, что выставляется турками какъ еще лишнее доказательство полнаго равноправія болгаръ съ мусульманами.

Выборы депутатовъ въ парламентъ показали, что въ притѣсненіи болгаръ младотурки не уступаютъ нисколько старотуркамъ, но только значительно превосходятъ послѣднихъ своей изобрѣтательностью. Не распространяясь обо всѣхъ средствахъ, употребленныхъ властями, чтобы ограничить число депутатовъ болгаръ, достаточно лишь указать, что не смотря на свое большинство, болгары ни въ одномъ округѣ не могли провести своего кандидата, и лишь для приличія — такъ сказать — турки допустили избраніе 4 болгаръ — изъ нихъ одного санданиста (вмѣсто нормальнаго пропорціонально составу населенія числа 12—15).

Съ минувшей весны стали учащаться тайныя убійства бывшихъ болгарскихъ чиновниковъ, а также аресты и обыски ихъ. Введенъ вмѣстѣ съ тѣмъ суровый законъ противъ неимѣющихъ опредѣленныхъ занятій — даже съ тѣлесными наказаніями; цѣль этого закона — преслѣдованіе тѣхъ же четниковъ, изъ которыхъ многіе не успѣли устроиться, ставъ легальными гражданами всего за нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ. Однихъ „воеводъ“ насчитывается убитыхъ около десяти, простыхъ четниковъ во много разъ больше, убійствъ и покушеній на болгаръ на политической подкладкѣ до минувшаго августа было болѣе 200. Естественно, что эти мѣры вынудили многихъ болгаръ бѣжать изъ дому въ горы, нѣкоторыхъ совсѣмъ изъ предѣловъ Македоніи. Противъ нихъ явился новый законъ; о преслѣдованіи бандъ; согласно этому закону, семейства и родственники революціонеровъ подлежатъ ссылкѣ въ мѣста, отдаленныя отъ ихъ прежняго мѣстожительства. Хотя преступленіе этихъ бѣглецовъ заключается только въ томъ, что, спасаясь отъ опасности быть убитыми изъ-за угла, они бѣжали изъ дому — неизвѣстно куда — и ничѣмъ не проявляютъ своего существованія, тѣмъ не менѣе турецкая власть признаетъ ихъ революціонерами, и сотни ихъ родственниковъ сидятъ по тюрьмамъ, ожидая рѣшенія своей участи.

Большую важность имѣетъ и изданный въ минувшее

лѣто законъ объ обществахъ, согласно которому осенью закрыты „Болгарскіе конституціонные клубы“. Эта широкая организація, насчитывавшая около 10,000 членовъ, дѣйствовавшая легально и вполнѣ открыто, перестала существовать оффиціально; теперь, какъ заявило главное правленіе „Союза Клубовъ“ въ своемъ послѣднемъ циркулярѣ, вырабатываются основанія для организаціи новой политической партіи, которая бы замѣнила упраздненные конституціонные клубы.

Нѣтъ, конечно, сомнѣній, что фактически нѣкоторая организація существуетъ и теперь, будетъ существовать и въ будущемъ, но удастся-ли болгарамъ добиться ея утвержденія, и будетъ-ли она легальна, — въ этомъ то и заключается вопросъ — наиболѣе тяжелый для турецкаго правительства, неосторожно давшаго дѣлу очень опасный для себя оборотъ.

Стремясь совершенно искоренить національный духъ у македонскаго населенія и превратить три румелійскихъ вилайета въ чисто турецкую провинцію, правительство возлагаетъ большія надежды на заселеніе этой территоріи боснійскими переселенцами. Эта мѣра находится въ тѣсной связи съ аграрнымъ вопросомъ въ Македоніи и отзывается очень тяжело на христіанскомъ населеніи.

Какъ извѣстно, земельный вопросъ былъ разрѣшенъ при завоеваніи турками Балканскаго полуострова на очень простомъ основаніи: „земля и все на ней находящееся и живущее принадлежитъ побѣдителямъ“. Порядокъ этотъ остался въ полной силѣ до послѣдняго времени и въ конституціонной Турціи. Три четверти христіанскаго населенія не имѣютъ собственной земли; ихъ земля, дома—все стало собственностью турецкихъ беевъ, христіане являются нанимателями жилищъ и арендаторами земли, обрабатывая ее и получая за это часть урожая; излишне, конечно, добавлять, что эта часть опредѣляется беемъ не особенно щедро — только-бы прокормить свой рабочій скотъ—христіанскую райю, которая считается при этомъ по закону свободными гражданами и можетъ уйти отъ своего бея, равно какъ и бей можетъ въ любое время выгнать своихъ крестьянъ. При такихъ экономическихъ условіяхъ въ Турціи провозглашено политическое равноправіе всѣхъ оттомановъ, независимо отъ національности и религіи. Разрѣшеніе аграрнаго вопроса входило

однимъ изъ главныхъ пунктовъ въ программу требованій „Конституціонныхъ клубовъ“. Тѣмъ не менѣе вопросъ этотъ не поднимался въ турецкомъ парламентѣ, но за то не мало обсуждалось заселеніе Македоніи боснякамп. Въ пособіе переселенцамъ было ассигновано около милліона рублей въ текущемъ году, и такой-же расходъ предвидится въ бюджетѣ 1910 года. Для надѣленія ихъ землей предназначаются нѣкоторыя казенныя земли, кромѣ того, предполагается скупить въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ частныя имѣнія. Куда дѣнутся живущіе и работающіе тамъ христіане,—это повидимому мало безпокоитъ турецкое правительство, заботящееся въ данномъ случаѣ только о томъ, чтобы, усиливъ въ Македоніи турецкій элементъ, ослабить вмѣстѣ съ тѣмъ болгарскій. Если ко всѣмъ описаннымъ выше дѣйствіямъ правительства добавить, что турецкіе и албанскіе грабежи и разбои начались въ минувшую осень въ самыхъ широкихъ размѣрахъ, что болгарское населеніе въ пограничныхъ съ Албаніей мѣстностяхъ совершенно ограблено (только изъ Тетовской и Деберской казъ угнано болѣе 6000 головъ скота),—то получится довольно полная картина македонской жизни при конституціонномъ режимѣ.

При такомъ положеніи вся Македонская интеллигенція ищетъ работы въ Болгаріи, конкурируя своимъ трудомъ съ болгарской, неимѣющіе ни кола, ни двора бѣдняки бѣгутъ туда-же и формируютъ безпокойный голодный пролетаріатъ, котораго никогда здѣсь не могло-бы образоваться при нормальномъ равномѣрномъ распредѣленіи земли между болгарскими земледѣльцами.

Эти причины настоятельно вынуждаютъ Болгарію интересоваться судьбой Македоніи, и никакіе протесты Порты на заявленія объ этомъ болгарскихъ министровъ не смогутъ замять Македонскаго вопроса, поднимающагося теперь можетъ быть въ болѣе грозной для Турціи формѣ, чѣмъ когда-либо.

IV.

До послѣдняго времени какъ болгарское правительство, такъ и общество съ рѣдкимъ терпѣніемъ продолжало надѣяться, что такъ илииначе въ Македоніи жизнь вой-

деть въ болѣе спокойную колею, и что многообѣщавшая конституція внесетъ хоть кое-какія улучшенія въ положеніе македонскихъ болгаръ.

Каплей, переполнившей чашу, явились сразу нѣсколько крупныхъ дѣлъ, поднятыхъ въ разныхъ концахъ Македоніи самими турецкими властями. Дѣйствія ихъ, возмутительныя сами по себѣ, достаточны для того, чтобы вызвать самые рѣшительные протесты, если бы что-либо подобное произошло въ любомъ культурномъ государствѣ.

Но кромѣ того, эти факты являются не единичными въ Македоніи и служатъ лишь наиболѣе яркимъ примѣромъ того, что дѣлается тамъ на каждомъ шагу. Три крупныхъ дѣла явились почти одновременно въ Солуни, Битоліи и Неврокопѣ и иллюстрировали вполнѣ наглядно отношеніе оффиціальной Турціи къ болгарамъ-оттоманамъ и примѣненіе къ нимъ законовъ.

Въ минувшемъ ноябрѣ въ Неврокопской казѣ было арестовано въ горахъ военнымъ патрулемъ при помощи шайки санданистовъ пять бѣжавшихъ въ горы болгаръ подъ предводительствомъ воеводы Динки, которые оказали вооруженное сопротивленіе. Эти „революціонеры“ немедленно были отправлены въ салоникскую тюрьму, а на мѣстѣ преступленія до сихъ поръ ведется слѣдствіе съ цѣлью отыскать всѣхъ ихъ сообщниковъ, укрывателей и такъ или иначе прикосновенныхъ къ дѣлу. Въ Неврокопскомъ раіонѣ наиболѣе развита пропаганда партіи Санданскаго, многіе изъ санданистовъ назначены правительствомъ на административныя и полицейскія должности, и по ихъ указаніямъ производятся допросы, обыски и аресты.

Нѣсколько десятковъ арестованныхъ отправлены въ Солунь для преданія военному суду, населеніе десятковъ селъ избито поголовно и ограблено при производствѣ слѣдствія. При этомъ Санданскій смѣнилъ около 20 экзархійскихъ народныхъ учителей, поставивъ на ихъ мѣста агентовъ своей пропаганды. Протесты экзархата остались безъ послѣдствій.

Въ Битоліи по случаю убійства инспектора народныхъ училищъ Іово Іововича арестовано нѣсколько десятковъ наиболѣе интеллигентныхъ и вліятельныхъ болгаръ, среди нихъ въ полномъ составѣ правленіе бывшаго конституціон-

наго клуба. При допросѣ многіе подвергнуты жестокимъ побоямъ и пыткамъ.

Третье дѣло — „Епидопенска афера" представляетъ собою арестъ болѣе пятидесяти родственниковъ (большею частью женщинъ и дѣтей) нѣсколькихъ болгаръ, бѣжавшихъ изъ дому. Всѣ эти арестованные ожидаютъ теперь въ Салоникской тюрьмѣ рѣшенія своей участи.

Эти „турецкія звѣрства", практикуемыя не башибузуками былыхъ временъ, а оффиціальной младотурецкой властью, вызвали протесты болгарскаго общества.

Состоялось въ Софіи нѣсколько митинговъ, изъ которыхъ слѣдуетъ отмѣтить собраніе въ университетѣ профессоровъ и представителей всѣхъ политическихъ партій, которое рѣшило обратиться къ болгарскому правительству съ просьбой заступиться передъ Портой за македонскихъ болгаръ.

„Македоно-одринская эмиграція" въ Софіи на митингѣ 20 декабря вынесла слѣдующее рѣшеніе:

20 декабря 1909 года Македоно-одринская эмиграція въ столицѣ на общемъ собраніи, обсудивъ положеніе нашихъ сонародниковъ въ Македоніи, созданное послѣдними мѣропріятіями турецкихъ властей, совершенно несогласными съ основными законами, — съ очевидной цѣлью терроризировать и ослабить болгарское населеніе, какъ ясно видно изъ слѣдующихъ фактовъ:

1) Назначеніе вновь въ христіанскія села турокъ—полевыхъ сторожей, вредъ которыхъ для населенія далъ раньше поводъ для особаго заступничества со стороны великихъ державъ.

2) Систематическое избіеніе нашихъ бывшихъ революціонеровъ, четниковъ и воеводъ послѣ того какъ они довѣрились офицерамъ и арміи и отдались мирному труду.

3) Повѣшеніе малолѣтнихъ болгаръ въ Views Сересѣ, несогласное и съ турецкимъ уголовнымъ правомъ и не смотря на то, что они даже не были прямыми виновниками преступленія.

4) Ссылка цѣлыхъ семействъ съ женщинами, дѣтьми и стариками только изъ-за того, что кто-нибудь изъ ихъ родственниковъ отъ страха бѣжалъ — мѣра, противорѣчащая не только конституціи, но и самымъ элементарнымъ понятіямъ о гуманизмѣ въ наше время.

5) Осужденіе бывшихъ революціонеровъ за политическія дѣянія, совершенныя передъ провозглашеніемъ конституціи, за которыя они были уже амнистированы.

6) Избіеніе невинныхъ граждан посреди базара въ Прилѣпѣ безъ всякой причины экзальтированнымъ туркомъ, оставленное безъ наказанія.

7) Преданіе военному суду депутаціи въ Велесѣ только за то, что словами: „такъ-ли должны избиваться будущіе воины Имперіи!" она обратилась къ каймакаму съ жалобой по поводу убійства новобранца-христіанина безъ всякой причины фанатичнымъ туркомъ.

8) Массовое избіеніе, истязаніе и арестованіе невинныхъ людей во многихъ Неврокопскихъ селахъ только по подозрѣнію въ сношеніяхъ съ арестованнымъ четникомъ Динкой.

9) Осужденіе учителей Антова, Михайлова и Питкова въ Скопьѣ на каторжныя работы только за то, что въ надгробныхъ рѣчахъ высказали свое возмущеніе по поводу убійства бывшаго воеводы Василія Аджаларскаго, между тѣмъ какъ убійца, турокъ, до сихъ поръ еще не осужденъ.

10) Массовое арестованіе и истязанія наиболѣе видныхъ болгаръ въ Битоліи по поводу убійства Іова Іововича, хотя убійцы, даже не арестованные, хорошо извѣстны властямъ, — *рѣшило:* 1) Протестовать настоятельно противъ систематической политики гоненія и истребленія всѣхъ наиболѣе сознательныхъ нашихъ сонародниковъ, которой возстановляется прежнее положеніе—до 11 іюля 1908 года.

2) Обратить вниманіе представителей великихъ державъ на этотъ печальный поворотъ въ отношеніяхъ турецкихъ властей къ болгарской народности, которыя идутъ въ разрѣзъ не только съ провозглашенными принципами свободы и равенства, но и противъ элементарныхъ требованій справедливости и гуманизма.

3) Просить представителей державъ сдѣлать все зависящее отъ нихъ, чтобы повліять на турецкое правительство въ смыслѣ возвращенія на родину осужденныхъ въ ссылку семействъ преступниковъ, помилованія невинно-осужденныхъ военными судами, освобожденія невинно-арестованныхъ въ Битоліи, Велесѣ, Неврокопѣ и Солуни и гаран-

тированія виновнымъ безпристрастнаго правосудія, предоставивъ имъ законное право защиты.

4) Просить болгарское правительство сдѣлать съ своей стороны все возможное, чтобы облегчить положеніе нашихъ сонародниковъ, упомянутыхъ выше.

Особая избранная комиссія поднесла это рѣшеніе министру иностранныхъ дѣлъ и представителямъ великихъ державъ въ Софіи.

V.

Этимъ документомъ открытъ Македонскій вопросъ. Провѣрка указанныхъ фактовъ вполнѣ возможна и можетъ только показать, что перечислена здѣсь лишь незначительная доля тѣхъ страданій, которыя выносятъ македонскіе болгары. Ни замалчивать истину, ни тенденціозно искажать ее болѣе нельзя; пріятелямъ младотуркамъ приходится признать ихъ звѣрство и затѣмъ одобрять или порицать ихъ политику, согласно своимъ убѣжденіямъ. Проповѣдникамъ Балканской федераціи нельзя болѣе ссылаться на положеніе Македоніи при конституціонномъ режимѣ,—слѣдуетъ раньше подумать о дарованіи македонцамъ человѣческихъ правъ, обѣщанныхъ имъ еще на Берлинскомъ конгрессѣ, а затѣмъ уже заботиться о заключеніи турецко-болгарскаго союза.

Русскому обществу не мѣшало-бы вникнуть въ душу свободныхъ болгаръ, интеллигентныхъ отцовъ и братьевъ, которыхъ турецкіе палачи избиваютъ палками въ тюрьмахъ, вынуждая у нихъ признаніе въ убійствахъ, совершенныхъ подкупленными младотурецкимъ комитетомъ убійцами; нужно понять чувства македонцевъ—офицеровъ болгарской арміи,—а такихъ въ ней около 400 человѣкъ,—отцы которыхъ священники и учителя отвѣшиваютъ поясные поклоны при проходѣ турецкаго солдата, получая въ отвѣтъ на свой „чокъ селямъ“ прозвище собаки или гяура. Нужно принять во вниманіе, что Болгарія, едва успѣвшая сама стать на ноги и цѣною непосильныхъ матеріальныхъ жертвъ создавшая себѣ положеніе, вынуждена кормить македонскую интеллигенцію и давать пріютъ бѣглецамъ отъ турецкаго „хуріета“.

Подумавъ обо всемъ этомъ, не трудно будетъ понять

основанія „болгарской реальной политики“, выражающіяся въ заботахъ о своихъ собственныхъ интересахъ и въ отказѣ отъ мечтаній принести пользу всему славянству, забывая о себѣ. Годъ тому назадъ въ то время, когда мы въ своемъ могуществѣ щедро обѣщали Сербіи „appui moral“, наша пресса метала громы и молніи по адресу Болгаріи—измѣнницы славянству. Близится, можетъ быть, моментъ, когда Болгаріи пріидется приступить къ разрѣшенію болѣе важной жизненной задачи, чѣмъ въ прошломъ году. Чьей помощью она воспользуется? Это будетъ зависѣть отъ того, кто ей поможетъ.

Миролюбіе составляетъ альфу и омегу нашей настоящей внѣшней политики; не трудно отсюда вывести заключеніе, что германизмъ именно теперь постарается создать конфликтъ на Балканахъ. Нѣтъ сомнѣнія, что младотурки подъ нѣмецкимъ наускиваніемъ довели Македонскій вопросъ до его настоящаго положенія. Мы до сихъ поръ успокаивали себя, что „въ Македоніи все благополучно“. Приметъ-ли теперь наша дипломатія какія-либо мѣры для мирнаго разрѣшенія Македонскаго вопроса или, дождавшись критическаго момента, порекомендуетъ настоятельно, по примѣру прошлыхъ лѣтъ, терпѣніе и благоразуміе доведеннымъ до послѣдней крайности Болгаріи и Македоніи?

Н. Суринъ.

Политическія партіи въ Болгаріи.

III *).

Стамбуловская партія и ея profession de foi.—Происхожденіе „руссофобіи“ въ Болгаріи.—Два фазиса стамбуловскаго управленія.—Судьба стамбуловской партіи послѣ убійства Стамбулова. — Замѣстители его въ партіи: Грековъ, Д. Петковъ, Генадіевъ. — Расколъ стамбуловской партіи.—Неостамбуловцы и реставрація стараго стамбуловскаго органа, газеты „Свобода“.

Стамбуловская партія въ Болгаріи дольше всѣхъ другихъ партій управляла страной, — почти тринадцать лѣтъ, въ два пріема: первыя 8 лѣтъ при покойномъ Стамбуловѣ („диктатура Стамбулова“) и остальныя 5 лѣтъ въ позднѣйшее время. Поэтому стамбуловцы оказали наибольшее вліяніе на событія въ новѣйшей исторіи Болгаріи. Этой привилегированной партіи и въ будущемъ суждено играть роль въ жизни Болгаріи.

О стамбуловцахъ сложилось убѣжденіе, что это партія—par exellence руссофобская. Въ этомъ — значительная доля правды; иной вопросъ, насколько справедливо обвинятъ въ этомъ только стамбуловцевъ.

Несомнѣнно, фактъ существованія руссофобіи въ освобожденной русской кровью Болгаріи, призванной Россіей къ самостоятельной политической жизни, представляетъ собою изумительную аномалію. Фатальныя для Болгаріи и Россіи обстоятельства породили эту аномалію.

Первоисточникъ руссофобіи въ Болгаріи это—оппозиція Россіи въ лицѣ ея соперницъ, великихъ державъ (Англіи, Австріи и Германіи) на Берлинскомъ конгрессѣ. Первымъ

*) См. „Слав. Изв.“, 1909 г., кн. 8, стр. 1023 слл.

фактическимъ дѣятелемъ руссофобіи въ Болгаріи былъ избранникъ Россіи—бывшій князь Александръ Батенбергскій. Онъ желалъ освободиться отъ контроля высшихъ русскихъ офицеровъ въ болгарской арміи; для этого онъ возбуждалъ зависть у молодыхъ болгарскихъ офицеровъ противъ русскихъ, сѣялъ сѣмена недовольства русскими и Россіей *). Но съ начала это руссофобство было скрытымъ, и только послѣ паденія Батенберга руссофобія проявилась наружу и сводилась къ страху болгарскихъ офицеровъ, чтобы русскіе вторично не вернулись обратно и не заняли ихъ мѣстъ въ арміи.

Русскіе историки недавняго прошлаго Болгаріи—Татищевъ („Изъ прошлаго русской дипломатіи") и Матвѣевъ („Болгарія послѣ Берлинскаго конгресса") въ немалой степени возлагаютъ отвѣтственность за руссофобію въ Болгаріи на русскую дипломатію въ Болгаріи и въ Петербургѣ.

Насколько первые устроители Болгаріи, первые русскіе дѣятели и представители (князь Дондуковъ-Корсаковъ, военный министръ генералъ Паренсовъ, первый адъютантъ и личный совѣтникъ князя Александра полковникъ Шепелевъ, дипломатическій агентъ Кумани, въ Южной Болгаріи генеральный консулъ Церетелевъ) обладали дѣйствительно широкимъ государственнымъ умственнымъ кругозоромъ и способностями,—настолько другіе русскіе представители въ Болгаріи (военные и гражданскіе) были недальновидны, нетактичны, чужды демократическому укладу мѣстной жизни и нерѣдко даже враждебны тѣмъ порядкамъ и институціямъ страны, которые установила въ Болгаріи сама же Россія.

Конечно, у нарождающейся болгарской интеллигенціи, у болгарскихъ дѣятелей и министровъ было еще менѣе выдержки. Другого трудно было и ожидать; болгаринъ-интеллигентъ крайне самолюбивъ, подозрителенъ, экспансивенъ. Единичные факты грубаго обращенія, нетактичности русскихъ дѣятелей искренно обобщаются въ стремленіи Россіи отнять ту свободу, которую она подарила Болгаріи при Александрѣ II Освободителѣ. Это сознаютъ многіе болгары,

*) Генералъ Паренсовъ въ своемъ послѣднемъ сочиненіи о Болгаріи приводитъ неопровержимыя доказательства этому („Изъ прошлаго").

сознають также и то, что ихъ подготовляли къ этому; затѣмъ раздували ихъ болѣзненную подозрительность и амбицію враги Россіи.

Дальнѣйшее поведеніе русскаго правительства при Императорѣ Александрѣ III — по отношенію къ Болгаріи какъ бы еще болѣе усилило непреодолимый страхъ въ правящихъ болгарскихъ кругахъ и части интеллигенціи передъ „сокровенными“ намѣреніями Россіи относительно независимости Болгаріи. Больше всего проявлялся этотъ страхъ въ высшихъ военныхъ кругахъ.

Въ этомъ видна владѣющая скрыто въ Болгаріи военная диктатура. Бывшая „диктатура Стамбулова“, а позже такъ называемый „личный режимъ“ князя Фердинанда — это только видимыя формы скрытой въ нихъ сущности.

Болгарская народная масса въ общемъ мало интересуется политикой: это бѣдный, трудящійся (хлѣбъ свой болгаринъ добываетъ по истинѣ въ потѣ лица своего) мало культурный народъ, въ теченіе тысячи лѣтъ угнетаемый соціально, экономически и политически; онъ живетъ болѣе своимъ бытовымъ укладомъ и экономическими интересами.

Но когда этотъ народъ обстоятельствами жизни принужденъ проявить свое тяготѣніе къ политикѣ, онъ всегда en masse—на сторонѣ Россіи. Безстрашно вѣритъ онъ въ добрыя чувства „Дѣдо Ивана“ (Россіи) и въ безусловное, абсолютное доброжелательство Россіи къ освобожденной ею Болгаріи; въ данномъ случаѣ болгарскаго селяка, ремесленника, купца и т. д. никто и ничто не разубѣдитъ въ противномъ.

Такимъ образомъ между правящими кругами и частью интеллигенціи въ Болгаріи и съ другой стороны между массой трудового народа образовался расколъ. Поэтому-то первые такъ всегда ревниво относятся къ „свободнымъ политическимъ проявленіямъ“ воли и голоса своего народа. Въ этомъ противорѣчіи мнѣній, кроется источникъ руссофобіи въ Болгаріи.

Между стамбуловцами — двѣ категоріи руссофобовъ: фанатики—руссофобы, искренно вѣрящіе въ грозящую для Болгаріи опасность отъ „Сѣверной мечки“ (сѣвернаго медвѣдя). Такихъ теперь мало, если не считать другіе лѣвые

элементы, встрѣчающіеся между умѣренными демократами, радикалъ-демократами, а болѣе всего между соціалистами.

Вторая категорія это — стамбуловцы quasi - руссофобы; послѣдніе дѣлаютъ видъ, что вѣрятъ въ злые замыслы Россіи, прикрываются этимъ, чтобы вопреки волѣ народа остаться у власти и всякими правдами и неправдами пользоваться матеріальными благами; такой типъ стамбуловцевъ представляетъ ихъ настоящій „шефъ“ д-ръ Генадіевъ.

Девизъ стамбуловцевъ—„охраненіе независимости Болгаріи“ съ поясненіемъ: „отъ посягательствъ Россіи“. Конечно, никакая другая партія не противопоставляетъ обратнаго начала: „сокрушеніе независимости Болгаріи“, и потому теперь у стамбуловцевъ громкій ихъ девизъ „охраненіе независимости Болгаріи“ является безпредметнымъ пустымъ звукомъ, тѣмъ болѣе, что масса народа и раньше считала стамбуловскій принципъ абсурдомъ.

Во внутренней политикѣ стамбуловцы—крайніе реакціонеры*); народную волю они игнорируютъ самымъ циничнымъ образомъ и нисколько не скрываютъ этого. Ихъ сила это—армія или вѣрнѣе сказать офицерскій корпусъ; поэтому они ублажаютъ всякими моральными и матеріальными благами офицеровъ, — особенно высшихъ и съ помощью арміи заставляютъ народъ (давленіемъ на выборахъ) выражать такія политическія чувства и тяготѣнія, какія угодны свыше.

Народъ не разъ пробовалъ протестовать, сопротивляться, бунтовать, но противъ этого выставляли „палочниковъ“, военно-полевые суды, разстрѣлы и нарушеніе законовъ конституціонныхъ и обыкновенныхъ,—и все это дѣлалось во имя „охраненія независимости Болгаріи отъ посягательствъ Россіи“.

Но русское правительство съ теченіемъ времени перестало интересоваться болгарскими дѣлами; страхъ „превращенія“ Болгаріи въ задунайскую губернію началъ разсѣиваться, и стамбуловцы стали терять почву подъ ногами.

Въ первый періодъ стамбуловскаго управленія (при покойномъ Стамбуловѣ) было больше политическихъ насилій, истязаній и убійствъ, но было меньше матеріальныхъ

*) Оффиціальное названіе ихъ партіи „народно-либеральная“, но въ нихъ мало либеральнаго и народнаго.

злоупотребленій. Тогда положеніе было неопредѣленное: никто не зналъ, какой оборотъ примутъ дѣла; поэтому воровали только активные дѣятели стамбуловцы, боявшіеся неблагопріятнаго для нихъ переворота. Остальная масса стамбуловцевъ—чиновничество было непричастно къ этому, ибо боялось отвѣтственности, не зная, что будетъ завтра.

Во второй періодъ стамбуловскаго управленія политическій режимъ былъ болѣе мягкимъ; не было прежнихъ политическихъ преслѣдованій и убійствъ, свобода печати, сходокъ, организацій, сравнительно меньше нарушались,—зато въ широкихъ размѣрахъ, стихійно стамбуловцы незаконно обогащались разными путями на счетъ казеннаго и народнаго сундука.

По темпераменту стамбуловцы отличаются большой смѣлостью, подвижностью, чѣмъ другія партіи: можно сказать, авантюристическій элементъ—основная черта стамбуловцевъ.

Одинъ западно-европейскій дипломатъ въ Софіи такъ охарактеризовалъ стамбуловцевъ: „У нихъ достаточный избытокъ энергіи;—жаль только, что эту энергію они употребляютъ не на пользу народа, а для своихъ матеріальныхъ выгодъ“ *).

Стамбуловъ подъ вліяніемъ враждебныхъ Россіи великихъ державъ пытался создавать самыя фантастическія комбинаціи для „противодѣйствія русскимъ завоевательнымъ стремленіямъ“ на Балканахъ; при этомъ онъ не соображался ни съ исторіей, ни съ политической логикой вещей, ни просто съ обыкновенной логикой: такъ, напр., онъ предлагалъ

*) До какой виртуозности доходятъ въ этомъ отношеніи стамбуловцы, показываетъ слѣдующій фактъ: въ прошломъ году бывшій послѣдній стамбуловскій премьеръ Гудевъ возбудилъ въ порядкѣ частнаго обвиненія уголовное преслѣдованіе противъ депутата Мишева за „оскорбленіе въ печати“. По поводу этого дѣла Соф. Окр. судъ между прочимъ допустилъ произвести частичную анкету о матеріальномъ состояніи Гудева. Эта анкета оффиціально констатировала у него недвижимаго и движимаго (вкладовъ въ различныхъ софійскихъ банкахъ) имущества на 450 тыс. франковъ. А г. Гудевъ былъ министромъ всего 11 мѣсяцевъ; раньше онъ не имѣлъ ни гроша,—жилъ уроками, журнальной работой и подачками лидера стамбуловцевъ Петкова. Когда дошло дѣло до произнесенія Окр. Судомъ приговора „за обиду“,—Гудевъ предпочелъ отказаться отъ обвиненія.

болгарскую корону турецкому султану и проектировалъ оборонительный (наступательный?!) союзъ съ Турціей.

Одно время Стамбуловъ хлопоталъ о „балканской федераціи" противъ Россіи и Австріи: ни сербы, ни греки, ни турки, ни румыны не согласились на такого рода „стамбуловскую федерацію".

Въ то время на Стамбулова вліяли чуть ли не 5 великихъ державъ. Германія ухаживала за Турціей и давала Стамбулову совѣты быть съ послѣдней въ хорошихъ отношеніяхъ. Австрія хотя и была противъ турецко-болгарскаго сближенія противнаго ея интересамъ, но какъ союзница Германіи не проявляла этого, а Англія всѣми силами стремилась насаждать руссофобство въ Болгаріи.

По отношенію къ Сербіи интимная идеологія стамбуловцевъ категорична. Болгарія должна рано или поздно проглотить и ассимилировать Сербію,—одна или вмѣстѣ съ Австріей, въ зависимости отъ обстоятельствъ. Съ Турціей Стамбуловъ все время поддерживалъ дружескія отношенія.

Турецкое правительство симпатизируя руссофобской политикѣ Стамбулова и Болгаріи,—не преслѣдовало македонскихъ болгаръ. Это едва ли не единственная разумная и свѣтлая сторона политики Стамбулова, но и она была продиктована Германіей.

Къ Румыніи стамбуловская партія относится доброжелательно, вопроса о Добруджѣ не поднимаетъ, желая, чтобы между Болгаріей и Россіей была румынская территорія, хотя бы и населенная болгарами.

Къ обще-славянскимъ вопросамъ и интересамъ стамбуловцы относятся скептически; въ этомъ отношеніи они похожи на поляковъ; поэтому, когда стамбуловцы говорятъ о русскихъ недоброжелательныхъ намѣреніяхъ, чувствахъ и посягательствахъ на Болгарію, постоянно цитируютъ исторію Польши. Славянство стамбуловцы признаютъ постольку, поскольку могутъ изъ него извлечь непосредственную выгоду, при этомъ однако никакихъ компенсирующихъ обязательствъ на себя не берутъ.

Съ Россіей по идеологіи стамбуловцевъ отношенія Болгаріи должны быть поставлены совершенно на равную ногу независимо отъ количества населенія Россіи и Болгаріи, состоянія культуры и прошлаго обоихъ государствъ.

За освобожденіе отъ турокъ и за принесенныя жертвы достаточной компенсаціей, по ихъ мнѣнію, является выраженіе благодарности Россіи въ соотвѣтствующіе торжественные дни черезъ царя Фердинанда и болгарскаго дипломатическаго агента въ Петербургѣ. Допускать народу непосредственно выражать свои чувства признательности и симпатіи къ русскимъ и къ Россіи нежелательно и опасно; это можетъ повести къ „русской оккупаціи“. Поэтому во время открытія памятника Царю-Освободителю въ Софіи, три года тому назадъ въ присутствіи покойнаго великаго князя Владиміра Александровича, народъ удалили на версту отъ памятника, оцѣпивъ кордономъ войскъ всѣ окрестныя улицы, а чтобы не дать сдѣлать овацію великому князю и русскимъ генераламъ, два дня велась упорная борьба между столичнымъ населеніемъ и правительствомъ и властями, и только страхъ открытаго мятежа заставилъ стамбуловское правительство уступить, и съ того момента русско-болгарскія торжества приняли народный характеръ *).

Кто превосходитъ въ культурномъ отношеніи—Болгарія или Россія, по мнѣнію стамбуловцевъ, еще вопросъ; во всякомъ случаѣ стамбуловецъ, находясь въ самомъ благодушномъ настроеніи, смотритъ на русскаго нѣсколько свысока, съ снисходительнымъ превосходствомъ.

Въ Болгаріи стамбуловцы стараются по возможности искоренять все, что связывало бы такъ или иначе Болгарію и болгаръ съ Россіей, и культивировать антиславянскіе и антирусскіе порядки изъ Западной Европы, съ послѣдней по возможности создавать новыя связи (культурныя, политическія, экономическія, финансовыя), которыя ослабляли бы „вредное русское вліяніе въ народѣ“.

Спокойствіе и нормальный порядокъ въ странѣ убійственно дѣйствуетъ на стамбуловцевъ; имъ необходима всегда атмосфера опасности для отечества отъ посягательствъ Россіи, существованіе анархистовъ, опасныхъ для державнаго главы, заговоровъ, опасности войны съ Турціей, чтобы

*) Инпціативу въ этой борьбѣ проявили торгово-промышленныя сословія Софіи; они составили „особый комитетъ“ и обнародовали воззваніе къ столичному населенію: отвоевать себѣ силой право непосредственно выразить своимъ дорогимъ освободителямъ чувства признательности и любви.

принимать героическія мѣры, спасать отечество, „тронъ", „освобождать Македонію" и т. д.

Любопытны взаимныя отношенія князя Фердинанда и Стамбулова. Властолюбивая натура перваго еще съ самаго начала пребыванія въ Болгаріи трудно мирилась съ „обаяніемъ" и ролью „диктатора" Стамбулова въ Европѣ и въ Болгаріи. Но первые годы онъ былъ и молодъ еще и не чувствовалъ достаточно почвы подъ ногами по причинѣ случайности и чрезвычайнаго способа полученія имъ болгарской короны и вслѣдствіе непріязненности къ нему Россіи. Съ теченіемъ времени князь Фердинандъ началъ прибирать по немногу къ своимъ рукамъ армію.

Соревновеніе между Стамбуловымъ и княземъ Фердинандомъ все болѣе и болѣе увеличивалось; первый почувствовалъ, что почва уходитъ у него подъ ногами.

Появившіяся недавно въ софійской газетѣ „Рѣчь" разоблаченія свидѣтельствуютъ, что Стамбуловъ высказывалъ близкимъ лицамъ (бывшему министру Живкову) свое разочарованіе княземъ Фердинандомъ и говорилъ, что онъ, Стамбуловъ, и Болгарія „попались въ ловушку". Князь Фердинандъ платилъ Стамбулову той же монетой, хотя офиціально послѣ отставки Стамбулова наградилъ его „высочайшимъ благодарственнымъ рескриптомъ", — но ко всѣмъ жалобамъ Стамбулова, что правительство Стоилова не разрѣшаетъ ему выѣхать за границу, или что устраивается тайный заговоръ, чтобы убить его, Стамбулова,—оставался глухъ *).

До какой степени Стамбуловъ былъ недальновиднымъ политикомъ, показываетъ его поведеніе послѣ выхода въ отставку; онъ зналъ, какое негодованіе царитъ въ странѣ противъ него; зналъ, сколько озлобленія накипѣло противъ него въ разныхъ партіяхъ, различныхъ группахъ общества и особенно у множества лично обиженныхъ имъ лицъ.

---

*) Въ газетѣ „Рѣчь" обнародовано факсимиле собственноручнаго письма Стамбулова нѣкоему болгарину Теохарову, находившемуся на русской службѣ. Стамбуловъ пишетъ, что согласился бы удалить „Кобурга" изъ Болгаріи, если русское правительство дастъ на расходы по этой операціи на первыхъ порахъ хоть 350 тыс. руб. Это факсимиле произвело впечатлѣніе разорвавшейся бомбы въ стамбуловскихъ кругахъ.

Здравый разумъ диктовалъ ему безусловную необходимость ради своей безопасности уѣхать заграницу немедленно послѣ отставки, пока еще онъ могъ это сдѣлать. Вмѣсто этого Стамбуловъ сжегъ свои корабли и повелъ жестокую газетную атаку противъ „новаго режима“ правительства Стоилова, противъ „неблагодарнаго“ князя Фердинанда, а больше всего противъ Россіи, которая „неминуемо проглотитъ“ Болгарію, разъ нѣтъ у власти защитника послѣдней „великаго патріота“ Степана Стамбулова.

Послѣ того, какъ русское правительство санкціонировало созданное въ Болгаріи положеніе и признало принца Фердинанда Кобургскаго законнымъ княземъ Болгаріи, и армія всецѣло перешла на сторону князя Фердинанда, — признала его княземъ единогласно и вся нація.

Стамбуловскіе эпигоны послѣ смерти Стамбулова сочли свою роль, какъ отдѣльной партіи, сыгранной; поэтому партія начала распадаться, а ея приверженцы распредѣляться по другимъ партіямъ. Однако въ высшихъ сферахъ иначе смотрѣли на дѣло: тамъ не желали имѣть дѣло съ Стамбуловымъ, — но стамбуловскую партію признано было необходимымъ сохранить.

Лидеромъ партіи былъ избранъ бывшій министръ въ кабинетѣ Стамбулова д-ръ Грековъ — „консерваторъ“. Грековъ тяготился навязанной ему ролью, ибо помимо всего другого,—онъ какъ „консерваторъ“, болѣе спокойный и съ болѣе уравновѣшеннымъ темпераментомъ, съ трудомъ мирился съ авантюристическими наклонностями стамбуловской партіи; онъ согласился быть министромъ въ кабинетѣ Стамбулова, но отвѣтственной роли руководителя этой партіи не желалъ брать. И дѣйствительно, не прошло много времени, какъ Грековъ сложилъ съ себя почетное званіе „шефа“ стамбуловской партіи.

Вскорѣ явилась нужда уволить „народняшки“ кабинетъ Стоилова и призвать къ власти радославистовъ вмѣстѣ со стамбуловцами.

Среди стамбуловцевъ не было лица достаточно авторитетнаго и внушающаго довѣріе для премьерства. Поэтому Грекову поручили составленіе кабинета вмѣстѣ съ Радославовымъ. Однако главѣ кабинета не удалось опять поставить на ноги свою партію. Стамбуловцы провалились на

выборахъ. Большинство получилъ Радославовъ. Грековъ подалъ въ отставку и вскорѣ послѣ этого умеръ. „Шефство“ въ стамбуловской партіи перешло къ Петкову.

Опытъ вторичнаго приближенія къ власти далъ понять стамбуловцамъ, что ихъ акціи не стоятъ низко; передъ ними открылась возможность опять взять въ руки бразды правленія страной. Новый шефъ стамбуловцевъ былъ энергичнымъ, прекраснымъ исполнителемъ, но недостаточнаго ума для руководства партіей; на подмогу ему прикомандировали д-ра Генадіева. Послѣдній жилъ до этого въ Филиппополѣ, занимаясь адвокатской практикой. Пронырливый, хитрый, безпринципный, — онъ сдѣлался справочной книгой по политическимъ дѣламъ для Петкова.

Года три подъ рядъ послѣ убійства Стамбулова, стамбуловцы неодобрительно писали о князѣ Фердинандѣ, потомъ круто измѣнили свою политику, вполнѣ примирились съ княземъ, начали всегда и во всемъ его защищать. Они рѣшились совершенно изгладить память объ убитомъ Стамбуловѣ, вызывавшую непріятныя воспоминанія въ высокихъ сферахъ, и даже перемѣнили прежнее названіе партійнаго офиціоза „Свобода“—на новое „Новъ Вѣкъ“.

Князь Фердинандъ не поладилъ съ руссофильскимъ кабинетомъ Данева главнымъ образомъ изъ-за македонскаго вопроса и замѣнилъ его стамбуловцами. Послѣдніе объявили, что они будутъ вести смѣлую, активную македонскую политику („политика на развързани руцѣ“) и независимо отъ того, — одобряетъ ее или неодобряетъ Россія. Англія обѣщала поддержку македонцамъ и Болгаріи противъ Турціи.

Стамбуловцы оправдали возлагавшіяся на нихъ надежды; они дѣйствительно оказали македонскому возстанію моральную и матеріальную поддержку. Это возстаніе тогда причинило не малую тревогу Европѣ.

Дипломатія думала, что находится передъ переспективой войны, сначала болгарско-турецкой, а потомъ и общеевропейской. Турки однако были спокойны; ихъ освѣдомительная служба въ Софіи прекрасно поставлена, и они знали, что офиціальная Болгарія далека отъ дѣйствительныхъ намѣреній воевать съ ними.

Въ первый періодъ своего управленія стамбуловцы

были сильны страхомъ части болгарскаго общества и офицеровъ передъ „русской оккупаціей". Страхъ этотъ поддерживался непріязненными дѣйствіями нѣкоторыхъ представителей русскаго правительства противъ „палочниковъ" стамбуловцевъ и „узурпатора" Кобурга.

Во второй пятилѣтній періодъ своего управленія стамбуловцы заручились моральной поддержкой Россіи. Русскій дипломатическій представитель въ Софіи г. Бахметьевъ все время демонстративно выказывалъ высокое благоволеніе „единственному фактору въ Болгаріи" князю Фердинанду и пренебреженіе къ народу и его партіямъ; впрочемъ, среди послѣднихъ г. Бахметьевъ выражалъ предпочтеніе находившейся у власти стамбуловской партіи. „Это единственная въ Болгаріи нефальшивая политическая партія, съ которой можно имѣть дѣло",—говорилъ всѣмъ и каждому почтенный представитель Россіи.

Тяжело было переносить стамбуловское иго въ его новѣйшей формаціи, но... разъ Россія черезъ своихъ представителей оказываетъ стамбуловцамъ „особое благоволеніе",—значитъ такъ нужно, и скрѣпя сердце, всѣ примирились съ фактомъ.

Сначала стамбуловскіе министры Петковъ, Генадіевъ, Шишмановъ импонировали обществу и народу, особенно интеллигенціи своимъ либерализмомъ, рабочимъ законодательствомъ, котораго никогда неисполняли, но не могли выдержать долго несвойственную имъ роль либераловъ. Какъ извѣстно, лидеръ и премьеръ стамбуловскаго кабинета Петковъ былъ убитъ. Послѣ пятилѣтняго управленія стамбуловцы были „освобождены" отъ власти и отпущены на покой съ „благодарственнымъ рескриптомъ".

Послѣ этого въ стамбуловской партіи произошелъ расколъ; причиной раскола было появленіе въ партіи „чужака" Генадіева, который послѣ убійства Петкова добился провозглашенія „шефомъ" партіи.

Нынѣшній глава стамбуловцевъ, по внѣшности красивый элегантный человѣкъ, не лишенъ энергіи и предпріимчивости изворотливаго ума, недурно владѣетъ французскимъ языкомъ; красиво, нѣсколько афектировано говоритъ и безконечно услужливъ тамъ, гдѣ ожидаетъ пользы для себя;

въ обществѣ производитъ обаятельное впечатлѣніе *); для достиженія цѣли не брезгаетъ средствами. Въ прошломъ былъ противникомъ стамбуловцевъ въ Филиппополѣ, гдѣ издавалъ газету „Балканская Заря“. Затѣмъ покойный Стамбуловъ началъ выдавать субсидіи редакціи „Балканская Заря“ изъ правительственныхъ фондовъ, и Ганадіевъ сталъ писать въ пользу Стамбулова. Послѣ убійства Стамбулова Генадіевъ издавалъ въ Бургасѣ газету „Борьба“, въ которой безпощадно критиковалъ и высмѣивалъ князя Фердинанда.

При составленіи послѣдняго стамбуловскаго кабинета (ген. Петрова-Петкова) Генадіевъ также сдѣлался министромъ и занялъ доминирующее положеніе въ партіи. Недалекій простодушный „шефъ“ партіи Петковъ подчинился его вліянію. Правовѣрные стамбуловцы еще тогда выражали свое негодованіе противъ Генадіева, утверждая, что его запятнанное прошлое компрометируетъ „свѣтлую, чистую стамбуловскую партію“.

Но это негодованіе открыто проявилось только послѣ перехода стамбуловцевъ въ оппозицію. Кампанію повелъ противъ Генадіева д-ръ Гатевъ, бывшій предсѣдатель народнаго собранія и министръ въ кабинетѣ Петкова. Онъ возобновилъ изданіе стараго органа стамбуловцевъ газеты „Свобода“, въ которой начали публиковаться разоблаченія совершенныхъ „самозваннымъ шефомъ“ стамбуловской партіи Генадіевымъ преступленій.

Вмѣстѣ съ тѣмъ „свободисты“ принялись возстановлять въ партіи стамбуловскія традиціи добраго стараго вре-

*) Разсказываютъ, съ нимъ былъ такой случай: три года тому назадъ при открытіи памятника Царю-Освободителю на одномъ парадномъ обѣдѣ во дворцѣ министръ Генадіевъ сидѣлъ рядомъ съ одной молодой фрейлиной великой княгини Маріи Павловны. Д-ръ Генадіевъ талантливо исполнялъ обязанности любезнаго кавалера своей сосѣдки. Послѣдняя между прочимъ сказала:

— Какъ у васъ въ Болгаріи все хорошо! вотъ только, говорятъ, у васъ есть ужасные люди—какіе то стамбуловцы...

— Одного изъ этихъ ужасныхъ людей вы видите передъ собою; я—стамбуловецъ.

— Ахъ простите, сконфуженно замѣтила фрейлина!. Я такъ пріятно поражена!.. въ такомъ случаѣ я совершенно измѣняю свое мнѣніе о стамбуловцахъ.

мени; они печатаютъ безконечный синодикъ героическихъ, легендарно-патріотическихъ дѣяній Стамбулова, равнаго которому нѣтъ на всемъ пространствѣ всемірной исторіи. Пережевываются всѣ тѣ руссофобскія статьи, которыя восемь лѣтъ печатались въ прежней „Свободѣ“ при Стамбуловѣ.

Но врядъ ли, однако, неостамбуловцы будутъ имѣть серьезный успѣхъ. Они стараются возстановить культъ мрачнаго прошлаго стамбуловскаго режима, культъ безшабашной руссофобіи и въ то же время проповѣдуютъ „либерализмъ, святость конституціи и добросовѣстность въ управленіи“ страной,—вещи не только несовмѣстимыя, но прямо-таки другъ друга исключающія.

К. Бербенко.

Исторія Босніи и Герцеговины.

Очеркъ Ст. Станоевича *).

Переводъ съ сербскаго В. Н. Кораблева.

IV.

Борьба съ турками.

Пока король Твертко, во второй половинѣ XIV вѣка, работалъ надъ осуществленіемъ своего плана, согласно которому Боснія должна была сдѣлаться центромъ новаго сербскаго государства,—турки утвердились на Балканскомъ полуостровѣ.

Еще за нѣсколько столѣтій передъ этимъ турецкое племя начало собирать въ Малой Азіи окружающія племена въ одинъ политическій союзъ. Параллельно съ усиленіемъ сербскаго народа и сербскихъ государствъ съ XII ст. расширялось и усиливалось также турецкое государство въ Малой Азіи.

Прекрасно организованная, съ фанатичнымъ, хорошо обученнымъ и дисциплинированнымъ войскомъ, Турція непрерывно развивалась въ XIII вѣкѣ и превращала въ турокъ всѣ тѣ племена, которыя вошли въ составъ новаго государства. Въ началѣ XIV ст. Турція была уже въ Азіи силою первой величины, и изнуренной Византіи съ этой стороны угрожала большая опасность, а во второй половинѣ XIV в. и остальныя государства на Балканахъ оказались неспособными къ успѣшной борьбѣ съ такимъ сильнымъ врагомъ.

*) См. „Слав. Изв.“ 1909 г., кн. 5, стр. 678 слл.

До смерти Твертка въ самой Босніи господствовалъ порядокъ, но въ ея государственномъ организмѣ были уже зародыши, которые, послѣ смерти Твертка, создали въ Босніи то же положеніе, какое наступило въ Раскѣ послѣ смерти Душана.

Одинаковыя причины, и политическаго и экономическаго и соціальнаго характера, вызвали въ обоихъ государствахъ разруху. И въ Босніи подобно тому, какъ и въ Раскѣ, государственный строй опирался на феодальную систему; въ Босніи, какъ и въ Раскѣ, сила феодальныхъ владѣтелей увеличивалась, и въ то время, когда государство достигло апогея своего политическаго могущества, отдѣльные владѣтельные роды имѣли въ своихъ рукахъ цѣлыя области. Совершенно естественно, что тѣ владѣтели, которые имѣли особыя государства въ государствѣ, стремились принимать возможно близкое участіе въ дѣлахъ государства и имѣть на нихъ вліяніе. Душану и Твертку еще удавалось ослабить подобныя стремленія, но ихъ безсильные наслѣдники должны были подчиниться вліянію феодальныхъ владѣтелей, раздробившихъ государственный организмъ и уничтожившихъ силу и авторитетъ центральной власти въ государствѣ.

Гибельныя послѣдствія анархіи, наступившей въ Босніи послѣ смерти Твертка, не замедлили сказаться. Новое королевство и въ другихъ отношеніяхъ не стояло на твердой почвѣ. Края, области и города, пріобрѣтенные Тверткомъ, не могли въ такой быстрый срокъ слиться въ одно прочное цѣлое, и въ государствѣ послѣ смерти Твертка осталось много элементовъ съ своими личными стремленіями и личными интересами. Все это давало тѣмъ большій поводъ вельможамъ ослаблять королевскую власть, стремиться пріобрѣсти возможно большее вліяніе въ государствѣ и осуществлять свои сепаратистическіе планы. Этотъ хаосъ въ Босніи еще увеличивался религіозными раздорами, снова выступившими на очередь въ годину слабости и анархіи. Подобныя обстоятельства въ Босніи именно въ это время имѣли роковое значеніе. Мадьярамъ и туркамъ тогда да и вообще былъ на руку внутренній кризисъ Босніи. Король Сигизмундъ особенно былъ заинтересованъ тѣмъ, чтобы Боснія была слаба и неспособна къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ, ибо въ Венгріи у Сигизмунда все еще было много враговъ, находившихъ въ борьбѣ противъ него опору въ Босніи.

Наслѣдникъ Твертка, его младшій братъ Дабиша, очутился въ затруднительномъ положеніи: противъ него были и турки и Сигизмундъ и почти всѣ владѣтельныя лица (властели) въ государствѣ. Со всѣми ими Дабиша не могъ бороться; онъ долженъ былъ рѣшиться искать союза съ однимъ изъ этихъ противниковъ. Ему ничего другого не оставалось въ тотъ моментъ, какъ войти въ соглашеніе съ Сигизмундомъ, чья сила, несмотря на неблагопріятныя обстоятельства, со дня на день росла, вслѣдствіе чего онъ становился все опаснѣе для Босніи. При свиданіи въ Дьяковѣ (въ іюнѣ 1393 г.) они заключили договоръ, согласно которому Дабиша призналъ верховную власть Венгріи, а Сигизмундъ призналъ Дабишу королемъ; изъ владѣній за ними остались тѣ, которыя каждый изъ нихъ имѣлъ въ этотъ моментъ. Хуже всего было однако то, что въ дьяковскій договоръ включалось условіе, по которому послѣ смерти Дабиши боснійскій престолъ переходилъ къ Сигизмунду. Нѣкоторые вельможи въ Босніи не хотѣли признать дьяковскаго договора, находясь, по всему вѣроятію, въ соглашеніи съ хорватскими повстанцами, продолжавшими борьбу съ Сигизмундомъ. Но когда вожди повстанцевъ были схвачены въ Добоѣ (1394 г.), возстаніе и вся борьба прекратились.

Послѣ смерти короля Дабиши (7-го сентября 1395 г.), на престолъ была избрана его жена Елена Грубая (1395—1398 г.), при которой вслѣдствіе ея слабости отдѣльные вельможи усилились, и въ государствѣ воцарилась анархія. Отдѣльные феодалы сдѣлались совершенно независимыми; правитель потерялъ всякій авторитетъ; центральныя власти вскорѣ совершенно перестали существовать; феодалы (властели) воевали другъ съ другомъ и вели свою собственную внѣшнюю политику. Особенно были сильны Хервой Вукчичъ, Сандаль Храничъ и Павелъ Раденовичъ. Трое ихъ собственно и владѣли Босніей; въ ихъ рукахъ находился и по ихъ внушенію дѣйствовалъ Стефанъ Остоя, избранный послѣ смерти Елены Грубой королемъ (1398—1404 г.).

Въ то время въ Венгріи и въ Хорватіи велась усиленная агитація въ пользу короля Владислава, претендента на венгерскій престолъ и противника Сигизмунда; за него были также Хервой и Остоя. Въ концѣ концовъ Сигизмундъ дол-

женъ былъ принять рѣшительныя мѣры въ отношеніи Босніи, чтобы одолѣть своихъ враговъ. Но на этотъ разъ дѣла Сигизмунда въ Босніи пошли плохо; онъ не только не имѣлъ никакого успѣха въ борьбѣ противъ боснійцевъ, но его даже разбилъ Хервой и отнялъ у него нѣкоторыя владѣнія (1398 г.). Этотъ неуспѣхъ еще болѣе ободрилъ какъ партію Владислава, такъ равно Хервоя и Остою.

Въ концѣ 1403 г. Сигизмунду все-таки удалось усмирить Венгрію, и онъ сталъ готовиться къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ на югѣ, особенно въ Босніи. Король Остоя, въ томъ убѣжденіи, что Сигизмундъ не въ состояніи вести съ успѣхомъ борьбу, немедленно призналъ надъ собою верховную власть Венгріи. Тогда противъ него возстали многіе боснійскіе аристократы-феодалы и главнымъ образомъ Хервой. Недовольнымъ удалось быстро и легко свергнуть Остою съ престола (1404 г.). Королемъ боснійскимъ былъ избранъ Твертко II Твертковичъ (1404—1408 г.), который во всѣхъ отношеніяхъ являлся слѣпымъ орудіемъ въ рукахъ боснійскихъ феодаловъ и въ особенности Хервоя Вукчича и Сандаля Хранича.

Такая перемѣна, разумѣется, была не въ интересахъ Сигизмунда, но послѣдній только въ 1408 году собрался снова двинуться на Боснію: съ довольно многочисленнымъ войскомъ вступилъ онъ въ Боснію и разбилъ боснійцевъ (1408 г.).

Побѣда Сигизмунда имѣла громадныя послѣдствія. Партія Владислава съ самаго начала была очень слабой, а побѣда Сигизмунда ее совершенно уничтожила, и самые ярые противники Сигизмунда были тогда принуждены оставить Владислава и примириться съ создавшимся положеніемъ. Такимъ образомъ Сигизмунду покорились и Хервой и Сандаль и вся Далмація, кромѣ Задра.

Но боснійцы не такъ легко и не такъ просто примирились съ новымъ положеніемъ вещей: оппозиція чужеземной власти и чуждому вліянію выдвинула въ качествѣ своего кандидата изгнаннаго короля Остою, который изъявилъ согласіе, за королевскую корону, перемѣнить прежнюю политику, изъ-за которой онъ когда-то потерялъ престолъ. И такимъ образомъ Остоя, несмотря на оппозицію Хервоя, снова былъ избранъ королемъ (1408 г.), особенно при со-

дѣйствіи холмскихъ властелей и на первомъ планѣ Сандаля Хранича.

Сигизмундъ разсчитывалъ на этотъ разъ совершенно покорить Боснію. Съ этой цѣлью въ 1410 и 1411 году онъ нѣсколько разъ ходилъ на Боснію, проникъ въ самую страну и покорилъ возставшихъ боснійцевъ. Покоривъ Боснію, онъ раздѣлилъ ее на нѣсколько частей, отдавъ нѣкоторыя области своимъ вельможамъ, а нѣкоторыя Хервою и Стефану Лазаревичу (Сребреницу). Королю Хервою достались только южныя области, гдѣ послѣ войны и потери столькихъ земель царила полная анархія.

Хервой въ дѣйствительности господствовалъ въ тотъ моментъ въ краѣ, но много было такихъ, которые пытались его свергнуть. Сигизмундъ опасался тогда его могущества особенно вслѣдствіе того, что онъ продолжалъ находиться въ добрыхъ отношеніяхъ съ венеціанцами, и Сигизмундъ не безъ основанія боялся ихъ союзныхъ дѣйствій. Венгерскіе и хорватскіе вельможи ненавидѣли Хервоя за его власть и авторитетъ и завидовали ему. И боснійцы также были противъ Хервоя за то, что онъ покорился Сигизмунду и призналъ его верховную власть. Только одинъ Сандаль былъ до нѣкотораго времени за него, но и того Хервой оттолкнулъ отъ себя тѣмъ, что вторгся въ его владѣнія и частью пограбилъ ихъ въ то время, когда Сандаль (1413 г.) помогалъ деспоту Стефану въ его борьбѣ противъ Муса. Поэтому и Сандаль возсталъ противъ Хервоя и добился съ другими его врагами, что Сигизмундъ объявилъ Хервоя измѣнникомъ и лишилъ его всѣхъ почестей и имущества. Хервой сначала оправдывался передъ Сигизмундомъ отъ обвиненій своихъ враговъ, но безуспѣшно, затѣмъ просилъ помощи у венеціанцевъ, также безъ всякаго успѣха. Ему удалось только примириться съ Остоемъ; ихъ обоихъ въ этотъ моментъ сдружили общіе интересы.

Сигизмундъ былъ занятъ въ это время гуситскимъ вопросомъ и не имѣлъ возможности лично принимать какія бы то ни было мѣры въ Босніи; поэтому онъ послалъ въ Боснію противъ Остоя Твертка II. Въ Босніи вспыхнула гражданская война. Счастье первоначально колебалось, но когда противъ Хервоя двинулись Іоаннъ Горянскій и Іоаннъ Мировичскій съ большимъ войскомъ, Хервой, видя, что не

можетъ справиться съ ними, просилъ помощи у турокъ. Получивъ отъ нихъ достаточное количество войска, онъ разбилъ венгерскихъ воеводъ подъ Добоемъ (1415 г.)

Но Боснія и послѣ этого не умиротворилась. Когда въ томъ же году палъ жертвой заговора воевода Павелъ Раденовичъ, вспыхнула война между сыновьями Павла, призвавшими на помощь турокъ, и Остоемъ, на сторонѣ котораго находился Сандаль. Во время этой борьбы турки заняли Верхнюю Боснію (Врхбосну) и утвердились въ ней. Такой успѣхъ турокъ принудилъ и сыновей Павла, а также Сандаля признать турецкое господство. Въ это время умеръ Хервой (1416 г.), а король Остоя женился на его вдовѣ, полагая, что это поможетъ ему утвердиться на престолѣ; тогда всѣ возстали противъ него. Султанъ Магометъ пытался помирить королей и властелей, но безъ успѣха, ибо собраніе богатыхъ боснійскихъ вельможъ порѣшило схватить Остою. Тогда Остоя бѣжалъ; въ слѣдующемъ году онъ, правда, снова овладѣлъ Холмомъ, но вскорѣ послѣ этого умеръ (1418 г.).

При новомъ королѣ Стефанѣ Остоичѣ положеніе Босніи нисколько не улучшилось. Уже въ 1421 году Твертко II свергъ Стефана Остоича и снова воцарился на престолѣ съ помощью Сандаля Хранича, который въ то время былъ самой видной персоной въ Босніи. Но когда Твертко и Сандаль, по соглашенію съ венеціанцами, хотѣли напасть на Нелипича, Радивой, сынъ Стефана Остоича, вторгся въ Боснію. Турецкое вліяніе за послѣдніе годы ослабѣло, и турки едва дождались удобнаго случая, чтобы снова вмѣшаться во внутреннія дѣла Босніи. Правда, въ 1424 году турки были отражены, но Твертко не безъ основанія опасался, что онъ одинъ не будетъ въ состояніи постоянно держаться противъ Радивоя и турокъ. Вслѣдъ за тѣмъ онъ примирился съ Сигизмундомъ и путемъ большихъ жертвъ заключилъ съ нимъ союзъ для обороны отъ турокъ. Согласно договору съ Сигизмундомъ Твертко не только долженъ былъ признать его верховную власть, но также принужденъ былъ назначить своимъ наслѣдникомъ въ Босніи венгерскаго вельможу Германа Цильскаго. Но надежды Твертка, что ему такимъ путемъ легче будетъ бороться съ турками, не оправдались: въ этой борьбѣ онъ снова остался одинокимъ, ибо Сигизмундъ былъ занятъ гуситской войной. Поэтому Твертко принужденъ былъ

снова войти въ соглашеніе съ турками и сдѣлать имъ уступки. Не смотря на столь тяжелыя условія, Твертко все же не хотѣлъ свои личные интересы подчинить интересамъ общимъ.

Въ моментъ кризиса, какой переживался въ то время сербскимъ народомъ, сербскіе владѣтели потеряли всякое представленіе объ общихъ интересахъ; они въ ту эпоху безпрестанно и необдуманно готовы были принести ихъ въ жертву интересамъ личнымъ, мѣстнымъ и временнымъ. Въ то время, какъ въ Европѣ царила разруха, когда въ Италіи области и города вели кровопролитную борьбу между собою, когда въ католической церкви борьба между папой и либеральными элементами принимала все болѣе острый характеръ,—и среди сербовъ отдѣльныя государства и династіи проливали кровь, и сербскія земли въ то время были постоянной ареной междоусобной борьбы. Чувство мѣры было утрачено. Государство Юрія и Боснія воевали изъ-за Сребреницы; претендентъ на боснійскій престолъ Радивой вторгся съ турками въ Боснію, чтобы изгнать Твертка, а верхъ политической незрѣлости проявили деспотъ Юрій и Сандаль Храничъ, когда купили у султана Боснію, ударили на Твертка и прогнали его изъ страны (1433 г.).

Все это, разумѣется, было на руку туркамъ, поддерживавшимъ такое положеніе въ сербскихъ земляхъ. Послѣ смерти Сандаля и Нелипича (1435 г.), турки снова вторглись въ Боснію и вновь утвердились въ Верхней Босніи.

Съ этого времени турки постоянно вторгались въ Боснію и занимали ее. Когда, послѣ смерти Твертка II (въ ноябрѣ 1443 г.), королемъ былъ избранъ Стефанъ Томашъ, незаконный сынъ Стефана Остои, въ Босніи снова вспыхнула гражданская война. Подъ вліяніемъ венгерскихъ побѣдъ надъ турками, зимой 1443—4 года, а также и потому, что вельможи, бывшіе за одно съ турками, дѣйствовали противъ Томаша, послѣдній присоединился къ Венгріи. Но положеніе его было очень тяжелымъ. Вслѣдъ за провозглашеніемъ его королемъ противъ него возстали часть боснійцевъ-вельможъ и Стефанъ Вукчичъ, наслѣдникъ Сандаля Хранича; дѣйствовалъ противъ него также Германъ Цильскій, который, по условію, долженъ былъ наслѣдовать боснійскій престолъ послѣ смерти Твертка. Въ самомъ государствѣ господствовали богомилы, всегда дѣйствовавшіе противъ короля и про-

тивъ королевской власти. Не достаточно было опираться только на Венгрію, въ частности на Сибинянина Янка, соперника Германа Цильскаго. Поэтому Томашъ сталъ искать болѣе надежной опоры для своей власти и своего государства: онъ обратился къ папской куріи.

Но послѣ битвы подъ Варной (10 ноября 1444 г.), Томашъ принужденъ былъ измѣнить свое поведеніе. Богомилы пользовались въ странѣ силою, а Стефанъ Вукчичъ, какъ турецкій вассалъ, могъ быть ему очень опасенъ. Поэтому Томашъ, послѣ пораженія Венгріи, сблизился съ Стефаномъ и богомилами; онъ прогналъ свою первую жену и женился на дочери Стефана. Выходя замужъ за короля Томаша, она также приняла католическую вѣру, но Томашъ, зная, какъ велика сила богомиловъ и сколько у нихъ сторонниковъ въ странѣ, принужденъ былъ терпѣть ихъ и дѣлать имъ поблажки.

Такое отношеніе Томаша къ богомиламъ вооружило противъ него ревностныхъ католическихъ миссіонеровъ, принесшихъ на него жалобу папской куріи. Но папская курія согласилась съ тѣми доводами, какіе привелъ въ свое оправданіе король Томашъ, и папа одобрилъ его поведеніе въ отношеніи богомиловъ въ виду тяжелыхъ условій, въ какихъ находилась тогда Боснія. При этомъ папская курія поступила такъ съ тѣмъ большей готовностью, что въ это самое время Венгрія, усиліями неутомимаго борца съ турками— Сибинянина Янка, приготовлялась къ новой войнѣ, и ни въ чьи разсчеты не входило дать боснійскому королю поводъ перейти на сторону турокъ.

Продолженіе слѣдуетъ.

Изъ славянскихъ поэтовъ.

„Вы помните-ль меня?..“

Стихотвореніе Ор—ота (Артура Опмана) на картину Мясоѣдова: „Мицкевичъ въ салонѣ княгини Зинаиды Волконской въ Москвѣ въ 1826 г.“.

Звукъ давнихъ лѣтъ, мелодія былого!..
Сквозь слезы, боль и кровь родной страны
Опять встаетъ тотъ дальній край суровый,
Весеннихъ дней чарующіе сны....
Какъ пышенъ былъ расцвѣтъ ихъ дружбы нѣжной!
Повѣялъ холодъ, завязь порвалась,
Но давній звукъ вновь ловитъ слухъ прилежный...
Гдѣ Музы, тамъ безсмертна духа связь!

Ихъ кости спятъ давно въ землѣ могильной,
Почіетъ онъ въ гробницахъ королей.
Тамъ грезитъ онъ о старомъ, давнемъ Вильно,
О незабвенной родинѣ своей...
И если дней весеннихъ вереница
Вновь оживитъ на мигъ въ немъ жизни май,—
И ихъ знакомыя онъ видитъ лица,
И тотъ далекій вспоминаетъ край...

О, какъ сердца въ нихъ правдою горѣли!
Какъ соколы, рвалися къ солнцу, въ высь...
Но безпощадны Сѣвера метели,—
Сновъ золотыя нити порвались,
Погасли звѣзды въ безнадежно сѣрой
Пустынѣ жизни, въ злыхъ осеннихъ мглахъ...
О, юноши! Что сталось съ вашей вѣрой?
Всѣ ваши сны, всѣ ваши грезы—прахъ...

52

Но взоръ, въ былые устремленный годы,
Опору и доселѣ видитъ въ мѣстѣ томъ,
Гдѣ двое юношей отъ непогоды
Укрылись оба подъ однимъ плащомъ.
Куда ихъ мысль сверкая улетаетъ?
Куда готовы крылья ихъ умчать?
Какъ угадать? Никто, никто не знаетъ.
Здѣсь тайны, здѣсь безмолвія печать.

Но вѣримъ мы: прекрасное не сгинетъ!
Пусть тучи хмурыя закрыли свѣтъ...
Теперь ужъ насъ сознанье не покинетъ,
Что имъ грядущій виденъ былъ разсвѣтъ.
Друзья! За ними-жъ, вопреки теченью!
Надеждѣ вопреки впередъ, впередъ!
Пѣвцовъ покорны будемъ вдохновенью...
За мглой осеннею тамъ май цвѣтетъ...

О, вѣрьте мнѣ! Что скрыто подъ могилой,
То жизнью лучшей, высшею полно.
Изъ мглы временъ подъемлясь съ гордой силой,
Клеймитъ позоръ, бичуетъ гнетъ оно!
Вы помните могучее ихъ слово?
Оно все будетъ надъ землей нестись,
Покуда Богъ не сжалится и снова
Не молвитъ солнцу: „Встань и засвѣтись!“

Съ польскаго перевелъ

Андрей Сиротининъ.

Политическое обозрѣніе Балканскаго полуострова.

I.

Въ концѣ минувшаго года европейская дипломатія думала было уже сдать въ архивъ всѣ балканскія дѣла, но въ послѣднее время темныя облачка какъ-будто опять начинаютъ появляться на балканскомъ политическомъ небосклонѣ.

Объявляя анексію Босніи и Герцеговины, Австрія обѣщала Европѣ ввести въ этихъ провинціяхъ автономію. Но уладивъ соглашеніемъ съ Турціей анексію, — обманула Европу. Тогда же приблизительно Австрія обѣщала Сербіи „экономическія компенсаціи" при заключеніи торговаго договора. Прошли стѣсненныя обстоятельства, Эренталь и сербовъ надулъ. Теперь между Сербіей и Австро-Венгіей—таможная война. Сами сербы говорятъ: было съ начала тяжело, а теперь мы въ барышахъ, потому что эмансипировались отъ Австріи экономически; прежде у насъ была архаическая вывозная торговля рогатаго скота и свиней въ Австрію, а теперь мы „модернизировали" нашъ экспортъ: построили много усовершенствованныхъ скотобоенъ въ странѣ, дающихъ хорошіе заработки нашимъ рабочимъ; вывозимъ черезъ Солунь консервированое мясо, вывозимъ также въ Турцію (тоже черезъ Солунь и болгарскіе порты Бургасъ и Варну) рогатый скотъ, зерновые продукты и т. п.; наше сельско-хозяйственное производство уже приспособилось къ новому положенію.

Австро - венгерскіе нѣмецкіе правящіе круги повели травлю и противъ своихъ же славянъ, особенно противъ сербо-хорватской коалиціи. Но ни скандальнымъ процессомъ въ Загребѣ, ни противъ Фридъюнга въ Вѣнѣ австрійскимъ заправиламъ не удалось сломить сербо-хорватской коалиціи.

Маленькая Сербія одержала полную моральную побѣду надъ Австріей; европейское общественное мнѣніе высказалось рѣшительно въ пользу Сербіи и рѣзко порицало некрасивую и нечестную кампанію австро-венгерскихъ заправилъ противъ Сербіи.

Австріи придавала смѣлости и подталкивала ее могущественная Германія. Послѣдняя начала проявлять боевую активность въ торговой политикѣ и выражать стремленія къ гегемоніи надъ всей Европой. Это заставило встрепенуться всѣ другія державы.

Съ другой стороны между Англіей, Франціей и Россіей началось болѣе тѣсное сближеніе, и эти державы лихорадочно начали усиливать свою оборону морскую (Англія и Франція) и сухопутную. Наконецъ свиданіе монарховъ въ Раконидджи показало, что и Италія по балканскимъ дѣламъ всецѣло на ихъ сторонѣ и въ отвѣтъ на закладку въ Австріи четырехъ дредпаутовъ—начинаетъ усиливать также свои армію и флотъ и кромѣ того асигнуетъ огромныя средства на укрѣпленіе своихъ сѣверныхъ границъ со стороны Австріи.

Такимъ образомъ во вторую половину истекшаго года политическая конъюнктура Европы уже была не въ пользу Австріи и Германіи; ихъ мощи противопоставилась сила четырехъ остальныхъ великихъ державъ. Германія начала бить отбой: она заговорила о соглашеніи съ Англіей и съ Франціей. Германія желаетъ устремить всѣ свои силы на возстановленіе своего бывшаго вліянія въ Турціи и съ другой стороны противодѣйствовать разными путями сближенію и единенію славянскихъ народовъ.

Вслѣдъ за Германіей сбавила воинственный пылъ и Австрія, дѣлая видъ, что довольна корректнымъ поведеніемъ Сербіи. При личномъ свиданіи съ сербскимъ министромъ Миловановичемъ, Эренталь предложилъ опять поднять вопросъ о торговомъ договорѣ.

Австрія измѣняетъ свою тактику: она съ одной стороны хочетъ усыпить сербовъ, съ другой стороны тайно изъ-за угла старается бросить въ нихъ камнемъ, натравливая на нихъ Болгарію и турокъ. По этому поводу одинъ изъ ихъ дипломатовъ высказался такъ: политическая вѣра всего сербскаго народа, всей интеллигенціи, всѣхъ политическихъ

партій безъ исключенія въ слѣдующемъ: отъ Австріи мы никогда ничего иного не получали и не можемъ получить кромѣ несчастій; такъ говорятъ и подвластные Австріи сербы и другіе славяне.

II.

Въ истекшемъ году дѣятельность Сербіи была устремлена въ двухъ направленіяхъ: международной и внутренней политики. Съ одной стороны дипломатическимъ путемъ сербы стремились заручиться поддержкой и защитой великихъ державъ тройственаго соглашенія; съ этой цѣлью сербскій министръ иностранныхъ дѣлъ Миловановичъ ѣздилъ нѣсколько разъ въ Парижъ, Лондонъ, Римъ, побывалъ и въ Берлинѣ и въ Вѣнѣ; отъ державъ онъ получилъ категорическія увѣренія, что державы не допустятъ дальнѣйшихъ насилій и военной оккупаціи Австріей Сербіи, разъ послѣдняя будетъ держать себя корректно и не дастъ повода Австріи для непріязненныхъ дѣйствій.

Выяснилось также, что Сербія навсегда эмансипировалась отъ политическаго вліянія Австріи и вполнѣ опредѣлила свое мѣсто въ группѣ державъ, противныхъ Австріи и Германіи. Вошедшія недавно въ соглашеніе державы разсчитываютъ на сербскую военную силу въ случаѣ столкновенія съ австро-германскимъ союзомъ; хотя Сербія небольшая военная сила,—но она можетъ много принести вреда Австріи.

Послѣдствіемъ такой политики, является заступничество великихъ державъ за Сербію въ Константинополѣ и въ Болгаріи: сербы теперь пользуются свободно турецкой территоріей и Солунью для своего экспорта; также вывозятъ свое сырье и черезъ Болгарію и болгарскіе черноморскіе порты (Варну и Бургасъ).

Благополучно разрѣшается въ интересахъ Сербіи и вопросъ объ адріатической желѣзной дорогѣ. Нынѣ производятся уже изысканія французскими инженерами для выясненія направленія этой дороги по турецкой территоріи отъ сербской границы до турецкаго порта С. Джовани ди Медуа на Адріатическомъ морѣ

Съ другой стороны Сербія энергично работаетъ надъ усиленіемъ и усовершенствованіемъ своей военной обороны,

постройкой цѣлой сѣти желѣзныхъ дорогъ и поднятіемъ экономическаго благосостоянія.

Осторожная сербская политика предопредѣляетъ отношенія Сербіи къ Турціи и Болгаріи; съ ними сербы всѣми силами стремятся быть въ пріятельскихъ отношеніяхъ.

Опасность со стороны Австріи была причиной того, что сербскія партіи забыли свои междоусобныя дрязги, сплотились всѣ и образовали коалиціонное министерство.

Миролюбивая политика Сербіи въ отношеніи Болгаріи и Турціи имѣла своимъ послѣдствіемъ уменьшеніе сербской пропаганды въ Македоніи. Сербія ликвидируетъ свою просвѣтительную дѣятельность въ тѣхъ частяхъ Македоніи, гдѣ нѣтъ сербовъ (напр. въ Солунскомъ санджакѣ) и сосредоточиваетъ всѣ свои силы на сѣверо-западной части скопскаго вилайета и въ Старой Сербіи.

Большой шумъ на Балканахъ и въ европейской прессѣ поднялся отъ распространившихся слуховъ о Балканской федераціи.

Эти слухи о возможности федераціи на Балканахъ, даже хотя бы въ видѣ соглашенія или союза Сербіи, Черногоріи и Болгаріи, вызвали сильную тревогу въ австро-германской прессѣ и дипломатіи, тѣмъ болѣе что въ этой затѣѣ нѣмцы подозрѣваютъ „стряпню“ Россіи и ненавистныхъ имъ панславистовъ и славянофиловъ.

Конечно, надъ соглашеніемъ балканскихъ государствъ между собою съ оборонительными цѣлями противъ австро-германскаго нашествія на Балканы—работаетъ болѣе всего русская дипломатія; въ этомъ дѣлѣ помогаютъ Россіи и ея союзницы Францjя и Англія и даже Италія.

Въ этомъ секретъ непріязни Австріи и Германіи къ балканской конфедераціи и ея усиленыя заботы, какъ бы разстроить это, интригами поселить раздоръ между Черногоріей и Сербіей, между Сербіей и Болгаріей и возбудить подозрительность и непріязнь младотурокъ противъ союза Болгаріи, Сербіи и Черногоріи, за спиной которыхъ яко-бы дѣйствуетъ панславизмъ, стремящійся къ захвату Константинополя. Въ этомъ отношеніи Австрія и Германія достигли немалаго результата. Идея Балканской федераціи или славянской конфедерціи на Балканахъ считается пока еще неосуществимой мечтой.

Сербія сдержанна въ этомъ вопросѣ и ставитъ его въ зависимость отъ отношенія Болгаріи къ Австріи и отъ болгарско-турецкихъ отношеній. Сербія вполнѣ опредѣленно поставила себя въ лагерь противныхъ австро-германскому союзу державъ; офиціальная Болгарія видитъ свои интересы въ балансированіи между двумя враждебными группами великихъ державъ. Правда, въ концѣ прошлаго года король Фердинандъ измѣнилъ свои отношенія къ Сербіи и къ королю Петру. Онъ въ теченіе одного мѣсяца три раза побывалъ въ Сербіи (совершилъ „научную" экскурсію съ сербскимъ престолонаслѣдникомъ Александромъ на гору Копаоникъ, посѣтилъ короля Петра въ Бѣлградѣ и потомъ еще разъ былъ въ Сербіи),—все это значительно улучшило сербско-болгарскія отношенія, но не разсѣяло у сербовъ недовѣрія къ болгарскому королю въ виду прецедентовъ недавняго прошлаго и слишкомъ частыхъ посѣщеній имъ Вѣны.

Двойственность и неопредѣленность внѣшней политики Болгаріи сильно препятствуетъ осуществленію идеи конфедераціи,—хотя болгарская пресса и общество высказываются за нее.

Въ Турціи пресса усиленно занималась поднятымъ годъ тому назадъ русскимъ министромъ Извольскимъ вопросомъ о славянскомъ союзѣ на Балканахъ. Турецкія газеты раздѣлились на два лагеря: германофильствующія и австрофильствующія говорятъ, что славянскій союзъ на Балканахъ „это проводникъ русской политики и направленъ не столько противъ австро-германскаго нашествія на Балканы, сколько противъ цѣлости оттоманской имперіи".

Газеты другого лагеря болѣе объективно и симпатично относятся къ идеѣ балканской федераціи, но находятъ, что для федераціи или союза еще почва не достаточно подготовлена, и считаютъ conditio sine qua non признаніе первенства Турціи въ будущемъ союзѣ, какъ самой большой державы.

Наибольшими противниками конфедераціи являются греки въ Турціи и въ свободной Элладѣ. Греки, депутаты турецкаго парламента, высказались за „необходимость образованія союза между Турціей и Греціей для противопоставленія союзу славянскихъ государствъ на Балканахъ,

такъ какъ панславизмъ и пангерманизмъ одинаково угрожаютъ и Турціи и Греціи".

Насколько, однако, идея балканской конфедераціи начинаетъ проникать въ сознаніе всѣхъ балканскихъ народовъ, показываетъ тотъ фактъ, что и соціалисты всѣхъ балканскихъ и юго-славянскихъ странъ на Рождественскихъ праздникахъ устроили свой съѣздъ („первая соціалъ-демократическая балканская конференція"). На съѣздѣ были делегаты-соціалисты изъ Турціи (Константинополя, Битоля, Солуни, Ускюба), Болгаріи, Хорватіи, Босніи, Славоніи, Румыніи, Черногоріи и Сербіи.

III.

Въ Туціи новый кабинетъ Хакки-паши встрѣченъ благосклонно всѣми христіанскими народностями; отъ него ожидаютъ большей законности въ управленіи и мягкости въ отношеніяхъ къ немусульманскимъ элементамъ имперіи. Во внѣшней политикѣ новый кабинетъ все-таки будетъ стараться быть въ одинаково добрыхъ отношеніяхъ съ „тройственнымъ соглашеніемъ" (главное съ Англіей) и съ „тройственнымъ союзомъ" (съ Германіей), эксплуатировать соперничество этихъ двухъ группъ державъ и на этомъ строитъ свою безопасность и благополучіе. Кромѣ этого, младотурки въ первую голову своихъ реформъ поставили усиленіе своей сухопутной арміи, развитіе стратегическихъ желѣзныхъ дорогъ такимъ образомъ, чтобы въ короткое время перебросить и сосредоточить въ своихъ европейскихъ владѣніяхъ 400 тысячную армію.

Далѣе младотурки ставятъ своей цѣлью культурно-экономическій подъемъ страны, особенно мусульманскаго населенія, устройство желѣзныхъ дорогъ и другихъ путей сообщеній; развитіе промышленности, земледѣлія, распространеніе народнаго образованія среди мусульманскаго населенія, чтобы создать классъ самостоятельныхъ мусульманскихъ гражданъ, либеральныхъ купцовъ, промышленниковъ и адвокатовъ.

Постепенно также имѣется въ виду отнять у различныхъ церковныхъ организацій (патріархистовъ и экзархистовъ) ихъ политическія права, оставивъ имъ только чисто

церковно-административную юрисдикцію. Таковы сокровенные патріотическіе замыслы младотурокъ.

Прежнія хорошія отношенія съ Болгаріей исчезли; младотурки считаютъ офиціальную Болгарію отвѣтственной за неурядицы въ Македоніи и суровыми мѣрами, примѣняемыми къ болгарамъ - македонцамъ, желаютъ дать почувствовать Болгаріи, что теперь при „независимости" она никоимъ образомъ не должна даже косвенно вмѣшиваться въ македонскія дѣла.

Офиціальная Болгарія не можетъ съ этимъ примириться; болгарскіе министры офиціально заявляютъ, что добрыя отношенія между Болгаріей и Турціей возможны при условіи существованія фактическаго равенства между турками и христіанами (болгарами). Правда, когда турки потребовали объясненія отъ болгарскаго кабинета, послѣдній нѣсколько смягчилъ заявленія своихъ министровъ, но фактъ взаимнаго недовѣрія и внутренней непріязни все-таки существуетъ: офиціальная Болгарія косо посматриваетъ на обновленіе Турціи, не безъ основанія боясь, что потомъ, когда Турція усилится, — это отразится неблагопріятно прежде всего на Болгаріи.

Офиціально болгарское и турецкое правительства дѣлаютъ видъ, что желаютъ другъ другу добра. Въ Македоніи создалось теперь изумительное положеніе; турецкія власти убиваютъ четниковъ изъ болгаръ, которыхъ заподозрѣваютъ въ заговорахъ по подстрекательству изъ Софіи, а сами болгары истребляютъ болгаръ, бывшихъ революціонеровъ воеводъ и четниковъ, которыхъ считаютъ приверженцами новаго режима въ Турціи. Такимъ образомъ происходитъ взаимная истребительная война македонскихъ дѣятелей.

Въ Болгаріи вниманіе и дѣятельность болгарскихъ правящихъ круговъ обращены на внутреннюю политику. Король Фердинандъ желаетъ упрочить свое новое положеніе и „независимость" внутри страны и потому настаиваетъ на созывѣ великаго народнаго собранія для соотвѣтствующаго измѣненія основнаго закона—конституціи. Это великое народное собраніе будетъ созвано въ настоящемъ году.

Слѣдуетъ отмѣтить еще то живое участіе, которое приняла Болгарія въ празднествахъ по случаю столѣтія

рожденія знаменитаго англійскаго государственнаго дѣятеля Гладстона, который своей агитаціей, рѣчами, огненными статьями противъ турецкихъ звѣрствъ 35 лѣтъ тому назадъ подготовилъ Европу къ освободительной войнѣ.

Народное собраніе послало особую депутацію въ Лондонъ поклониться праху великаго гуманиста и возложить отъ благодарной Болгаріи серебряный вѣнокъ на его гробъ. Въ университетѣ и во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ на „литературныхъ утрахъ“ профессора и учителя говорили рѣчи, посвященныя Гладстону. Различныя общественныя и культурныя учрежденія и корпораціи телеграммами главѣ англійскаго кабинета Асквиту поздравляли англійскую націю съ празднествами столѣтія рожденія Гладстона.

IV.

Греки были глубоко уязвлены неудавшейся анексіей Крита. Безсильные противостоять Турціи,—они начали срывать негодованіе на своемъ безобидномъ королѣ Георгѣ, который будто бы не сумѣлъ использовать своихъ родственныхъ связей съ суверенами великихъ державъ.

Фактически въ Греціи теперь дѣйствуетъ военная диктатура. Греческій парламентъ работаетъ подъ угрозами и руководствомъ военныхъ. У грековъ и офицеры избираются депутатами. Собственно арміи въ европейскомъ смыслѣ слова у грековъ не существуетъ, и хотя каждый годъ значительныя суммы ассигнуются на армію и флотъ, но эти суммы уходятъ невѣдомо куда.

Современная Греція страна огромнаго по численности чиновничества, которое смотритъ на свою родину какъ на источникъ кормленія. Маленькая Греція не въ состояніи прокормить всю эту ораву чиновниковъ настоящихъ, бывшихъ и будущихъ. Страна задыхается и потому всегда склонна бросится въ опасную авантюру. Этимъ объясняется недавняя такъ трагически окончившаяся война съ Турціей, и въ этомъ также кроется опасность для будущаго мира и спокойствія на Балканахъ. Греческій кризисъ принимаетъ затяжной характеръ. Военные требуютъ уничтоженія множества чиновническихъ мѣстъ, чему, разумѣется, чиновники противятся; военные требуютъ новыхъ тяжелыхъ налоговъ; это вооружило противъ

нихъ торгово-промышленныя сословія и земледѣльцевъ. Между тѣмъ критяне принесли присягу греческому королю и собираются послать въ греческій парламентъ своихъ представителей (депутатовъ). На это турки угрожаютъ оккупацией Ѳессаліи. Болгарія ожидаетъ этого момента съ тайнымъ намѣреніемъ использовать его для себя, хотя бы войной съ Турціей. Нѣтъ сомнѣнія, что такая переспектива соблазнительна и для Австріи.

Прежде мало кто въ Европѣ, кромѣ Россіи, интересовался и занимался Черногоріей, и можно сказать, Россія создала Черногорію. Теперь это маленькое чисто славянское государство въ юго-западномъ углу Европы начинаетъ пріобрѣтать большое международно-политическое и стратегическое значеніе.

Черногорія едва ли не самое важное препятствіе для австрійскаго движенія внизъ по берегу Адріатическаго моря. Единственный черногорскій портъ на Адріатическомъ морѣ Антивари (Баръ) благодаря заступничеству Италии и Россіи освободился отъ опеки Австріи и перешелъ въ полное суверенное владѣніе Черногоріи, сдѣлавшись свободнымъ для военныхъ флотовъ всего міра.

Это—реальная компенсація Черногоріи по случаю анексіи Босніи Австріей. Первый визитъ Черногоріи сдѣлала французская эскадра. Этотъ визитъ и происшедшія при этомъ манифестаціи и заявленія въ офиціальныхъ рѣчахъ владѣтеля Черногоріи и французскаго адмирала произвели на Балканахъ глубокое впечатлѣніе, ибо всѣ увидѣли, что Франція идетъ рука объ руку съ Россіей, Англіей и Италіей, и что французское правительство горячо сочувствуетъ славянскому соглашенію на Балканахъ.

Осенью ожидается въ Антивари итальянская, русская и вѣроятно англійская эскадры, которыя примутъ демонстративное участіе въ предстоящихъ въ Черногоріи празднествахъ пятидесятилѣтія царствованія князя Николая.

Въ худшемъ положеніи находятся внутреннія дѣла Черногоріи. Осужденные два года тому назадъ бывшіе министры и депутаты первой скупщины, приверженцы вліятельной въ народѣ „народной партіи", еще томятся по тюрьмамъ. Страной управляетъ непопулярное министерство. Это вызы-

ваетъ новое броженіе въ Черногоріи; въ Сербіи начались протесты радикальной части прессы и общества.

Въ Румыніи обѣ законодательныя палаты въ концѣ прошлаго года утвердили румынско-австрійскій торговый договоръ. Во внутренней политикѣ у румынъ не все было благопріятно. Постоянная соціально-аграрная болячка Румыніи даетъ себя чувствовать и серьезно безпокоитъ крупныхъ румынскихъ землевладѣльцевъ, составляющихъ по государственной румынской конструкціи управляющіе классы этой страны.

На этотъ разъ румынскимъ заправиламъ пришлось имѣть дѣло съ своими соціалистами. Сами по себѣ румынскіе соціалисты по причинѣ малочисленности фабричнаго рабочаго пролетаріата въ Румыніи, странѣ исключительно земледѣльческой, не имѣютъ политическаго значенія, тѣмъ болѣе, что въ большинствѣ румынская интеллигенція консервативная и земледѣльческая. Но на почвѣ недовольства массы крестьянъ-земледѣльцевъ своимъ тяжелымъ аграрнымъ и безправно-политическомъ положеніемъ,—соціалисты и въ Румыніи считаются опасными, особенно ихъ вожаки и организаторы.

К. Б.

Славянскія совѣщанія въ Петербургѣ.

Исполнительный комитетъ пражскаго съѣзда въ засѣданіяхъ, происходившихъ въ С.-Петербургѣ 22—31 января и 1 и 2 февраля 1910 года, обсуждалъ вопросы, связанные съ устройствомъ предположеннаго лѣтомъ текущаго года въ Софіи второго подготовительнаго съѣзда поборниковъ идеи культурнаго единенія всѣхъ славянскихъ народностей. При этомъ членами исполнительнаго комитета отъ польской народности было заявлено, что, въ виду обнаружившихся со времени пражскаго съѣзда разногласій между участниками съѣзда во взглядахъ на образъ дѣйствій, необходимый для проведенія въ жизнь принциповъ пражскаго съѣзда въ русско-польскихъ отношеніяхъ, предположенный созывъ съѣзда въ текущемъ году они считаютъ несвоевременнымъ.

Съ своей стороны члены комитета отъ болгарской народности возражали противъ предположенія объ отсрочкѣ съѣзда, заявляя, что вопросъ о созывѣ съѣзда въ Софіи лѣтомъ 1910 г. рѣшенъ исполнительнымъ комитетомъ еще въ прошломъ году въ засѣданіи, происходившемъ въ Петербургѣ въ маѣ 1909 г., что Болгаріей сдѣланы всѣ приготовленія для достойнаго пріема членовъ съѣзда и гостей, ожидаемыхъ отъ всѣхъ славянскихъ народностей, что отсрочка съѣзда принесла бы горькое разочарованіе болгарскому народу и крайне вредно повліяла бы на популярность идеи славянскаго единенія въ Болгаріи.

Послѣ продолжительнаго обмѣна мнѣній по вопросу, возбужденному заявленіемъ членовъ комитета отъ польской народности, исполнительный комитетъ, вполнѣ признавая важность причинъ, побуждающихъ Поляковъ настаивать на отсрочкѣ съѣзда, пришелъ къ заключенію о невозмож-

ности отлагать съѣздъ, предположенный лѣтомъ текущаго года въ Софіи. Нѣтъ сомнѣнія, что установленіе единства въ воззрѣніяхъ поборниковъ идеи славянскаго единенія на русско-польскій вопросъ имѣетъ выдающееся значеніе, и что до достиженія полнаго согласія во взглядахъ на задачи, выполненіе коихъ необходимо для устраненія враждебныхъ отношеній между Русскими и Поляками, едва ли возможно осуществленіе основной цѣли пражскаго съѣзда, состоящей въ культурномъ объединеніи славянскихъ народностей и прекращеніи раздѣляющихъ ихъ распрей. Но въ то же время нельзя, по мнѣнію исполнительнаго комитета, не считаться съ послѣдствіями, къ которымъ привела бы отсрочка съѣзда среди славянскихъ народностей Балканскаго полуострова. Въ виду этого положено, что съѣздъ необходимо собрать въ теченіе предстоящаго года.

Вмѣстѣ съ тѣмъ рѣшено принять мѣры къ устраненію препятствій къ совмѣстной работѣ на съѣздѣ Русскихъ и Поляковъ; препятствія эти проистекаютъ отъ невыясненности условій примѣненія началъ, выработанныхъ пражскимъ съѣздомъ, къ различнымъ частностямъ русско-польскаго вопроса. Наиболѣе пригоднымъ для устраненія ихъ способомъ признано образованіе изъ членовъ комитета отъ русской и польской народности особой коммисіи, съ порученіемъ ей заняться обсужденіемъ возникающихъ по русско-польскому вопросу несогласій и выработать основанія, которыхъ должны придерживаться поборники славянскаго единенія по конкретнымъ сторонамъ наиболѣе важныхъ и неотложно требующихъ разрѣшенія спорныхъ вопросовъ въ русско-польскихъ отношеніяхъ.

По изложеннымъ основаніямъ исполнительный комитетъ положилъ:

1) Срокомъ для созыва въ Софіи второго предварительнаго съѣзда делегатовъ славянскихъ народностей назначить 24 іюня 1910 года, поручивъ подготовительныя по созыву съѣзда распоряженія членамъ исполнительнаго комитета отъ каждой народности, и

2) Образовать особую коммисію изъ членовъ исполнительнаго комитета отъ русской и польской народностей для изысканія способовъ къ устраненію разногласій по русско-польскому вопросу.

Члены исполнительнаго комитета отъ польской народности представили письменное заявленіе слѣдующаго содержанія:

„Пражскій съѣздъ 1908 года постановилъ своей основной задачей прекращеніе враждебныхъ отношеній и установленіе мира между славянскими народами для блага всего славянства и каждаго славянскаго народа въ отдѣльности. Провозглашенная на этомъ съѣздѣ славянская идея не только не получила дальнѣйшаго развитія, но извращенныя положенія съѣзда послужили поддержкой для дѣйствій, направленныхъ во вредъ славянскому дѣлу.

Въ области русско-польскихъ отношеній произошло значительное ухудшеніе. Не только сохраненіе существующихъ ограниченій, задерживающихъ культурное развитіе польскаго народа, но и проведеніе въ жизнь новыхъ притѣсненій встрѣтило сочувствіе и поддержку даже со стороны нѣкоторыхъ участниковъ пражскаго съѣзда, признавшихъ его основныя положенія.

Въ виду сего мы, Поляки, участвующіе въ исполнительномъ комитетѣ пражскаго съѣзда, стоя неуклонно на почвѣ славянской идеи, выраженной въ принципахъ неославизма, изъявляемъ полную готовность къ труду, ведущему къ опредѣленію тѣхъ конкретныхъ послѣдствій, какія обязательно вытекаютъ изъ принциповъ неославизма, дабы устранить возможность недоразумѣній и превратныхъ толкованій. Мы считаемъ кромѣ того, что внѣшнія проявленія славянской солидарности, выражающіяся въ неославянскихъ съѣздахъ, могутъ принести пользу славянскому дѣлу лишь при условіи, если они опираются на ясную и опредѣленную программу; а потому въ настоящій моментъ, пока многіе существенные вопросы славянской жизни не получили надлежащаго опредѣленія, мы не считаемъ возможнымъ принять рѣшеніе о нашемъ участіи въ ближайшихъ съѣздахъ“.

Хроника славянской жизни.

Храмъ св. Александра Невскаго въ Софіи. Въ первые годы послѣ провозглашенія Болгаріи самостоятельнымъ княжествомъ среди болгарскаго населенія была открыта подписка на сооруженіе храма для увѣковѣченія памяти Царя-Освободителя Александра II. Въ столицѣ созданнаго русскою кровью княжества былъ учрежденъ для этой цѣли особый „фондъ Александра Невскаго", и одному изъ русскихъ архитекторовъ тогда же было поручено составить планъ храма и начать работать по его сооруженію. Наступившія затѣмъ прискорбныя событія, неблагопріятно отразившіяся на взаимныхъ отношеніяхъ русскихъ и болгаръ и повлекшія за собою въ Болгаріи гоненіе на все русское, надолго отодвинули выполненіе этой благой мысли; тѣмъ не менѣе, сборы на храмъ-памятникъ продолжались, и фондъ, образованный въ Софіи, съ каждымъ годомъ увеличивался. Въ 1896 г., послѣ возстановленія дружескихъ отношеній съ Россіей и послѣ перехода въ православіе наслѣдника болгарскаго престола, болгарское правительство извлекло изъ-подъ спуда и проектъ храма-памятника. Первоначальный проектъ былъ пересмотрѣнъ и заново переработанъ знатокомъ церковной архитектуры, художникомъ Померанцевымъ, строителемъ шипкинскаго храма въ Болгаріи и храма Воскресенія въ Петербургѣ; ему было поручено и сооруженіе храма въ Софіи въ честь св. Александра Невскаго. По приблизительному разсчету сооруженіе храма должно было обойтись въ 5 мил. франковъ; средства „фонда Александра Невскаго" къ началу 1909 года достигали суммы въ 2.238,122 фр., изъ которыхъ на постройку храма уже израсходовано 1.840,174 фр., и на-лицо остается только 427,948 фр. Въ виду недостаточности этой суммы для окончанія постройки и внутренняго украшенія храма, болгарское правительство вноситъ въ бюджетъ 1910 года ассигнованіе въ 500,000 фр. для окончанія работъ по сооруженію храма, хотя завѣдующіе постройкой храма указывали въ своемъ представленіи на необходимость ассигнованія на этотъ предметъ не менѣе 2½ мил. франковъ. Храмъ св. Александра Невскаго вчернѣ уже готовъ; остановка за внутреннимъ украшеніемъ. Первоначально предполагалось поручить написаніе иконъ для храма русскимъ художникамъ, но болгарскіе художники и часть болгарской прессы въ теченіе послѣднихъ трехъ мѣсяцевъ вели энергичную кампанію противъ русскихъ иконописцевъ, требуя,

чтобы художественная отдѣлка храма и вся живопись была поручена исключительно болгарскимъ художникамъ, а не русскимъ „богомазамъ“, обезобразившимъ уже своими неудачными композиціями шипкинскій храмъ. Кампанія эта показала не только большую самонадѣянность болгарскихъ художниковъ, но и полное ихъ незнаніе русской церковной живописи и русскихъ мастеровъ этого дѣла; ссылка на шипкинскій храмъ также является результатомъ ихъ невѣдѣнія, ибо иконы въ этомъ храмѣ исполнены, по заказу покойнаго графа Н. П. Игнатьева, монахами русскаго монастыря св. Пантелеймона на Аѳонѣ, отказавшимися вовсе отъ вознагражденія за работу и пожертвовавшими его на сооруженіе храма-памятника на Шипкѣ. Раздаются, впрочемъ, благомыслящіе голоса въ болгарской печати („Миръ“, „День“), совѣтующіе болгарскому правительству поручить живописныя работы въ Александро-Невскомъ храмѣ лучшимъ русскимъ иконописцамъ, а иконы собственно болгарскихъ святыхъ — болгарскимъ живописцамъ. Послѣднее является единственнымъ исходомъ, такъ какъ болгарская живопись находится пока еще въ зачаточномъ состояніи, и если бы болгары пожелали совершенно отстранить русскихъ художниковъ, то имъ пришлось бы заказывать иконы для православнаго храма на Западѣ, гдѣ церковная живопись отражаетъ несомнѣнное вліяніе католицизма.

Болгарскіе художники на собраніи, состоявшемся на-дняхъ въ Софіи, постановили обратиться къ русскимъ художникамъ съ требованіемъ не вмѣшиваться въ дѣло украшенія храма „Св. Александра Невскаго“. Вмѣстѣ съ тѣмъ болгарскіе художники подали въ совѣтъ министровъ петицію о томъ, чтобы у русскаго архитектора Померанцева, строившаго храмъ „Св. Александра Невскаго“, было взято обратно данное ему порученіе о заказѣ иконъ для храма Александра Невскаго въ Россіи. По этому поводу журналъ „Духовна Пробуда“ пишетъ: „Будемъ справедливы, — но гдѣ же и въ чемъ проявлялось до сихъ поръ болгарское церковное искусство? Намъ извѣстны только три лица, которыя учились въ Россіи этому искусству, но и тѣ пока себя не проявили. Вѣдь русскіе — ваши учителя, господа болгарскіе художники; они васъ учили и, надо полагать, передали вамъ свои знанія. Какое же у васъ основаніе отвергать ихъ? Если бы, предположимъ, Васнецовъ согласился безвозмездно, во имя одного только искусства, украсить живописью храмъ, неужели вы отказались бы отъ этого. Существуетъ ли въ дѣйствительности спеціально болгарское церковное искусство? - это еще вопросъ. Храмъ св. Александра Невскаго необходимо украсить вообще иконами, кому бы онѣ ни принадлежали—болгарамъ, русскимъ, грекамъ или сербамъ,—лишь бы мастера были настоящими художниками. А на претензіи, основанныя чисто на матеріальныхъ соображеніяхъ, вовсе не слѣдуетъ обращать вниманія“. Вопросъ, поднятый болгарскими художниками, пока еще не рѣшенъ совѣтомъ министровъ.

Сербскія школы въ оттоманской имперіи. Сербскія школы и сербскія православныя церкви въ предѣлахъ Оттоманской имперіи содержатся на средства сербскихъ общинъ и на доброхотныя жертвованія частныхъ лицъ. Въ предѣлахъ Турціи въ настоящее время имѣется около 200 народныхъ сербскихъ школъ, мужская гимназія въ Скопьѣ (Ускюбѣ) съ 200 учениками, учительская школа тамъ же съ 40 воспитанниками, высшая ремесленная школа тамъ же съ 90 учениками, гимназія въ Солуни, три гимназіи съ неполнымъ курсомъ въ Битолѣ, Плевлѣ и Прилепѣ, учительская духовная семинарія въ Призренѣ, монашеская школа на Аѳонѣ въ монастырѣ Хиландарскомъ, двухклассное училище въ Велесѣ, женская ремесленная школа въ Битолѣ. Большинство названныхъ школъ существуетъ на частныя средства; среди благотворителей выдѣляется своей щедростью Симеонъ (Сима) Игумановъ, жертвующій на сербскія школы и церкви въ Турціи около 200.000 франковъ ежегодно.

Къ 500-лѣтію Грюнвальдской битвы. Извѣстный польскій піанистъ Падеревскій принесъ въ даръ городу Кракову, въ память исполняющагося въ іюнѣ нынѣшняго года 500-лѣтія Грюнвальдской битвы, бронзовый памятникъ героя этой битвы польскаго короля Владислава Ягайлы. Памятникъ представляетъ статую короля на мраморномъ пьедесталѣ съ четырьмя символическими группами. Авторъ памятника — польскій скульпторъ Вивульскій; сооруженіе и доставка памятника изъ Парижа въ Краковъ обойдутся Падеревскому въ 300.000 фр.

Сооруженіе памятника Богишичу. Въ Далмаціи, въ городкѣ Цавтатѣ, предполагается соорудить памятникъ извѣстному славянскому ученому, историку славянскаго права Вальтасару Богишичу. Съ этой цѣлью въ Дубровникѣ (Рагузѣ) организованъ особый комитетъ, разсылающій во всѣ славянскія земли приглашеніе принять участіе въ дѣлѣ увѣковѣченія памяти славянскаго ученаго доброхотными жертвованіями на памятникъ. Богишичъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ занималъ каѳедру исторіи славянскаго права въ Императорскомъ новороссійскомъ университетѣ, удостоившемъ Богишича за его труды по славянскому обычному праву степени доктора государственнаго права honoris causa. Въ своемъ воззваніи дубровницкій комитетъ по сооруженію памятника Богишичу проситъ направлять пожертвованія въ Цавтатъ (Далмація) на имя Дьюра Біелича.

Ново-кашубское движеніе. Центромъ ново-кашубскаго движенія въ сѣверной Кашубіи становится въ послѣднее время городокъ Цоппотъ, курортъ котораго ежегодно привлекаетъ многочисленныхъ польскихъ гостей (свыше 4.000); главнымъ дѣятелемъ „Польскаго народнаго клуба“ въ Цоппотѣ является ксендзъ Хмѣлевскій, выпустившій недавно брошюру, характеризующую ново-кашубское движеніе въ

этой части германской имперіи. Систематическая дѣятельность отдѣльныхъ лицъ и организацій направлена къ поднятію культурнаго и экономическаго уровня кашубскаго населенія и къ упроченію въ немъ идеи о принадлежности его къ польской народности; особенное вниманіе обращено при этомъ на округа нейштадтскій и путцигскій (Neustadt, Putzig), гдѣ нѣмецкое вліяніе сказывается сильнѣе, нежели въ другихъ мѣстахъ. Въ Нейштадтѣ основано торговое общество „Kupiec", располагающее нынѣ капиталомъ около 100.000 марокъ; въ Нейштадтѣ, Путцигѣ и Цоппотѣ существуютъ кашубскіе банки, располагающіе въ депозитахъ капиталомъ около полумилліона марокъ, — особенно развилъ свою дѣятельность нейштадтскій банкъ (Bank kaszubski). Въ томъ же Нейштадтѣ существуетъ торговое общество „Merkur", въ помѣщеніи котораго происходятъ обыкновенно польскія собранія; въ Путцигѣ учреждено общество „Rolnik" (Земледѣлецъ), въ Данцигѣ—торгово-промышленное общество „Ceres". Предполагается въ ближайшемъ будущемъ открытіе новаго „Польскаго земельнаго банка", въ задачи котораго будетъ входить поддержка польскихъ переселенцевъ изъ Познани и изъ чисто польскихъ провинцій Западной Пруссіи. Въ Данцигѣ существуетъ польскій пансіонатъ для кашубскихъ дѣвушекъ, въ Берентѣ (южной Кашубіи) польская типографія; вторую предполагается открыть для нуждъ сѣверной Кашубіи. Такимъ образомъ кашубы будутъ имѣть два культурныхъ центра— для южной части Берентъ и для сѣверной Цоппотъ.

Босно - герцеговинская конституція. Организація управленія Босніей и Герцеговиной, объявленными 5-го октября 1908 г. частью австро-венгерской монархіи, представляется въ слѣдующемъ видѣ. Боснійскій мѣстный сеймъ (Landtag) будетъ состоять изъ 92 членовъ—72 по выборамъ и 20 по назначенію. Вторая группа членовъ боснійскаго ландтага будетъ состоять частью изъ представителей трехъ господствующихъ въ краѣ вѣроисповѣданій — магометанскаго, сербско-православнаго и католическаго, частью изъ высшихъ чиновъ и высокопоставленныхъ лицъ. Представителями мусульманъ въ ландтагѣ по назначенію явятся: духовный глава мѣстныхъ мусульманъ — Рейсъ-эль-Улема, директоръ главнаго управленія вакуфами (магометанскими церковными имуществами) и три выдающихся муфтія. Сербско-православное населеніе края будетъ имѣть въ ландтагѣ въ качествѣ своихъ представителей по назначенію четырехъ митрополитовъ (архіепископовъ) и вице-президента главнаго церковношкольнаго управленія. Католики получатъ въ качествѣ своихъ представителей католическаго архіепископа двухъ епископовъ и двухъ „провинціаловъ" францисканскаго ордена. Такимъ образомъ, каждое изъ господствующихъ въ краѣ вѣроисповѣданій будетъ представлено пятью лицами. Помимо того, въ ландтагѣ будетъ и представитель іудейскаго вѣроисповѣданія—главный раввинъ города Сараева. Остальные четыре назначаемыхъ въ ландтагъ будутъ: предсѣдатель верхов-

наго боснійскаго суда, предсѣдатель адвокатской палаты въ Сараевѣ, городской голова Сараева и предсѣдатель торгово-промышленной палаты въ Сараевѣ.

Выборы 72 депутатовъ боснійскаго сейма будутъ произведены по тремъ куріямъ. Первая курія дѣлится на два разряда выборщиковъ: на лицъ, платящихъ высшую норму податей: крупные мусульмане-помѣщики, платящіе земельнаго налога не менѣе 140 кронъ въ годъ, и лица, участвующія въ прямыхъ налогахъ въ суммѣ не менѣе 500 кронъ, а также представители интеллигентныхъ профессій: окончившіе курсъ университета или равнозначущихъ учебныхъ заведеній въ австро-венгерской монархіи, духовенство всѣхъ признанныхъ закономъ въ Босніи вѣроисповѣданій: мусульманскаго, православнаго, католическаго (римо- и греко-католики), евангелическаго, кальвинистовъ и іудейскаго, всѣ чиновники, находящіеся на дѣйствительной службѣ и въ отставкѣ, учителя, желѣзнодорожные служащіе, гражданскіе чины военнаго вѣдомства и, наконецъ, запасные офицеры. Первая курія избираетъ 18 депутатовъ: 5 отъ крупныхъ землевладѣльцевъ-мусульманъ и 13 отъ остальныхъ. Затѣмъ является городская курія и курія отъ мѣстныхъ общинъ. Право выборовъ въ двухъ послѣднихъ куріяхъ имѣютъ всѣ лица мужескаго пола, принадлежащія къ босно-герцеговинскимъ уроженцамъ, на возрастѣ (ко дню выборовъ) не менѣе 24 лѣтъ, прожившіе кромѣ того не менѣе года на одномъ мѣстѣ. Къ этимъ лицамъ приравниваются въ правахъ по выборамъ также собственно австро-венгерскіе подданные, занимающіе въ краѣ мѣста гражданскихъ чиновниковъ, служащіе на желѣзныхъ дорогахъ или состоящіе учителями въ мѣстныхъ школахъ. Городская курія выбираетъ 20 депутатовъ, курія по общинамъ — 34 депутата. Внутри курій мандаты распредѣляются по вѣроисповѣданіямъ: изъ 18 мандатовъ первой куріи католики получаютъ 4, мусульмане 6 и православные 8; изъ 54 мандатовъ второй и третьей куріи на долю католиковъ приходится 12, магометанъ 18 и православныхъ 23; пятьдесятъ пятый мандатъ этихъ курій получаютъ іудеи.

Въ вѣроисповѣдномъ отношеніи, такимъ образомъ, члены будущаго боснійскаго сейма дѣлятся на слѣдующія группы: мусульмане 24 выборныхъ и 5 по назначенію, всего 29 депутатовъ, православные— 31 выборный и 5 по назначенію, всего—36 депут.; католики— 16 выборныхъ и 5 по назначенію, всего—21 депут.; іудеи—1 выборный и 1 по назначенію, всего — 2; къ этому присоединяются 4 члена сейма изъ свѣтскихъ лицъ по назначенію; итого въ сеймѣ будетъ 72 депутата по выборамъ и 20 по назначенію, всего—92. Президентъ и вице-президентъ сейма назначаются Императоромъ причемъ принимаются въ соображеніе господствующія въ краѣ вѣроисповѣдныя группы. Работа сейма продолжается пять лѣтъ; за депутатами сохраняется въ теченіе этого періода право свободно высказываться въ сеймѣ по всѣмъ вопросамъ, но такое право иммунитета не распространяется на рѣчи депутатовъ въ печати, и онѣ подлежатъ конфискаціи и запрещеніямъ по усмотрѣнію правительства. Императоръ назначаетъ и распускаетъ сеймъ. Изъ депутатовъ сейма, на время его занятій, изби-

рается особый „Областной совѣтъ“ (Landesrat), въ которомъ каждое вѣроисповѣданіе имѣетъ своихъ представителей въ количествѣ, пропорціональномъ той или иной вѣроисповѣдной группѣ населенія. Президентъ сейма является въ то же время и президентомъ „Областного совѣта“; послѣдній же имѣетъ функціи совѣщательнаго органа при правительствѣ въ краѣ.

Лѣсныя богатства въ Босніи и Герцеговинѣ. По количеству лѣса Боснія и Герцеговина, вмѣстѣ взятыя, принадлежатъ къ числу богатѣйшихъ областей въ цѣлой Европѣ. Къ концу 1907 г., по оффиціальнымъ даннымъ, лѣсъ занималъ въ нихъ пространство въ 2.572.664 гектара: въ Босніи — 2.188.940 гект. и въ Герцеговинѣ — 383.721 гект., т. е. 50,4% всей площади, занимаемой обѣими провинціями. Изъ указаннаго числа на долю государства приходится 1.952.874 гект. лѣса (1.692.520 гект. въ Босніи и 260.354 гект. въ Герцеговинѣ), на вакуфскія земли (мусульманскія церковныя имущества) 19.578 гект. (17.577 гект. въ Босніи и 2.000 въ Герцеговинѣ) и въ частныхъ рукахъ находится 619.790 гект. Крупный лѣсъ занимаетъ площадь въ 1.519.950 гект. (1.417.551 въ Босніи и 102.399 въ Герцеговинѣ), изъ этого числа государственнаго лѣса—1.366.670 гект., вакуфскаго — 19.578 и въ частныхъ рукахъ — 133.702; мелколѣсья и въ обѣихъ провинціяхъ 566.168 гект.; низкорослаго кустарника въ Босніи и Герцеговинѣ 486.546 гект. Изъ крупнаго лѣса, принадлежащаго государству, сосна и ель занимаютъ 365.092 гект., букъ 544.674 гект., смѣшанный лѣсъ (ель, сосна, букъ, дубъ и т. д.) 355.368 гект.; въ государственныхъ лѣсахъ съ мелкими породами дубнякъ занимаетъ 133.259 гект., ель и сосна 217.607 гект. и т. д. Съ 1897 г. по 1906 г. босно-герцеговинское правительство извлекло изъ принадлежащихъ ему лѣсныхъ угодій 3.022.757 куб. метровъ лѣса, изъ которыхъ продано было 1.336.570 куб. метровъ, безплатно роздано 1.686.187 куб. метровъ (правительственнымъ учрежденіямъ 292.301 к. м., церковнымъ организаціямъ 11.770 к. м., на нужды крестьянъ 1.310.455 к. м., частнымъ лицамъ и общинамъ 101.661 к. м.

Выселеніе изъ Босніи и Герцеговины. По оффиціальнымъ даннымъ австро-венгерской статистики, въ 1907 году изъ Босніи и Герцеговины выселилось 983 души на 1.882.040 чел. населенія; больше всего выселилось мусульманъ—782 души, затѣмъ православныхъ—174 и католиковъ—27. Изъ общаго числа эмигрантовъ, 864 заявили мѣстнымъ властямъ о своемъ желаніи покинуть родину, остальные выселились тайкомъ. По мѣстностямъ большинство мусульманъ-эмигрантовъ принадлежало къ Гацку, Невесинью, Билечу, Фочѣ, Мостару, Чайничу, Требинью, католики — къ Пернявору и Стоцу. Католики выселились въ Америку, православные въ большинствѣ случаевъ — въ Сербію (140), а мусульмане въ Турцію (764). Изъ общаго числа эмигрантовъ, по истеченіи нѣкотораго времени, вернулось на родину 174 души. Въ томъ же отчетномъ году въ Босніи и Герцеговинѣ родилось: 35.110

православныхъ дѣтей, 23.050 мусульманскихъ, 19.370 католическихъ и 468 еврейскихъ; умерло въ томъ же году: православныхъ—20.464, мусульманъ—15.867, католиковъ—10.256 и евреевъ—126; наибольшій приростъ населенія наблюдается среди евреевъ и католиковъ, наименьшій среди мусульманъ и православныхъ.

Изъ черногорской статистики. Въ „Гласѣ Црногорца" опубликованы официальныя свѣдѣнія о табачномъ производствѣ въ Черногоріи, составляющемъ предметъ государственной монополіи. Въ 1907 г. табачными плантаціями была занята въ Черногоріи площадь въ 326,36 гектаровъ, причемъ наибольшее число табачныхъ плантацій приходилось на округа: подгорицкій — 75,77 гект., лѣшкопольскій — 64,04 гект., ульцинскій — 34,68 гект. и т. д. Откуплено было въ казну за отчетный періодъ 238.349 килограммовъ табаку на 188.010 перперовъ; урожай табаку далъ въ среднемъ 742,50 килогр. на одинъ гектаръ. Продано было въ 1907 году табаку въ общей сложности 79.759 килогр. на 273.574 перпера; наибольшее количество проданнаго табаку приходилось на округа (капетаніи): лѣшкопольскій—7.308 килогр. на 30.298 перп., цетинскій—7.273 килогр. на 57.691 перп., банянскій—5.807 килогр. на 12.648 перп., требѣшскій — 14.406 килогр. на 50.992 перп. и т. д. Помимо собственнаго производства, Княжество Черногорское ввозитъ также иностранные табаки: турецкій и итальянскій; иностраннаго табаку было продано въ 1907 году 152.346 килогр. (преимущественно папиросъ).

Воевода Лазарь Сочица. Въ Черногоріи скончался старѣйшій изъ народныхъ вождей черногорскихъ, популярный въ народѣ воевода Лазарь Сочица. Вмѣстѣ съ покойнымъ воеводой Пекомъ Павловичемъ и священникомъ Богданомъ Зимоничемъ скончавшійся воевода началъ герцеговинское возстаніе, привлекшее въ 1875 году вниманіе великихъ державъ и закончившееся русско-турецкой войной 1877—78 г. Послѣ войны Лазарь Сочица командовалъ дружиной въ пивскомъ округѣ, а послѣ объявленія въ Черногоріи конституціи вышелъ въ отставку и жилъ въ своемъ помѣстьѣ. Въ послѣднее время Князь Черногорскій призвалъ Лазаря Сочицу, и онъ жилъ при дворѣ Князя въ числѣ его приближенныхъ. Покойный считался самымъ богатымъ человѣкомъ въ Черногоріи; послѣ него остался единственнымъ наслѣдникомъ его сынъ, капитанъ черногорской арміи. Черногорскій Князь Николай въ день смерти воеводы Лазаря Сочицы послалъ его сыну телеграмму слѣдующаго содержанія: „Ряды моего храбраго войска и моихъ воеводъ, не порѣдѣвшіе отъ вражескихъ пуль и сабель, рѣдѣютъ отъ времени. Пусть тихо покоится душа моего храбраго воеводы, и память о немъ да пребудетъ вѣчно между нами. Слѣдуй его примѣру въ службѣ отечеству и государю, чтобы снискать

то довѣріе, которое питали къ нему". Воевода Лазарь Сочица погребенъ съ воинскими почестями въ Пивскомъ монастырѣ; въ лицѣ его сошла въ могилу историческая личность, сыгравшая видную роль въ прошломъ Черногоріи.

Славянская торговая палата. Высочайше утвержденъ уставъ „Славянской палаты", главнѣйшія извлеченія изъ котораго помѣщаемъ для свѣдѣнія русской и инославянской публики.

I. Цѣль и права палаты.

1. Славянская торговая палата имѣетъ цѣлью содѣйствіе экономическому сближенію, на почвѣ торгово-промышленныхъ интересовъ, Россіи съ остальными славянскими государствами, а также съ ближне-восточными странами.

Въ кругъ дѣятельности палаты, въ предѣлахъ Россіи и славянскихъ и ближне-восточныхъ странъ, входятъ:

а) содѣйствіе учрежденіямъ и лицамъ въ развитіи взаимнаго товарообмѣна Россіи съ обозначенными выше странами путемъ всесторонняго изученія ихъ рынковъ;

б) представленіе предъ правительственными, общественными и частными учрежденіями русско-славянскихъ интересовъ въ области торговли и промышленности; заботы объ устраненіи затрудненій, стѣсняющихъ развитіе торговыхъ сношеній между Россіей и славянскими и ближне-восточными странами, и возбужденіе ходатайствъ о нуждахъ, возникающихъ въ предѣлахъ преслѣдуемыхъ ею цѣлей;

в) собраніе, разработка и распространеніе статистическихъ и иныхъ свѣдѣній, а равно составленіе періодическихъ бюллетеней по товарообмѣну;

г) разработка вопросовъ, касающихся торговыхъ договоровъ;

д) устройство отдѣленій палаты какъ въ Россіи, такъ и за границей;

е) содѣйствіе въ пріисканіи заинтересованными лицами и учрежденіями агентовъ и посредниковъ на мѣстахъ сбыта и закупки товаровъ;

ж) устройство справочныхъ бюро;

з) устройство постоянныхъ выставокъ образцовъ и складовъ издѣлій;

і) устройство періодическихъ торгово - промышленныхъ выставокъ;

и) организація обще-славянскихъ и ближне-восточныхъ торгово-промышленныхъ съѣздовъ;

к) устройство лекцій по вопросамъ, соотвѣтствующимъ цѣлямъ палаты;

л) изданіе отдѣльныхъ изслѣдованій и періодическаго органа печати для содѣйствія разработкѣ и распространенію свѣдѣній, касающихся товарообмѣна съ славянскими, а равно и съ ближне-восточными странами;

м) содѣйствіе къ устройству арбитража и другихъ органовъ и учрежденій, имѣющихъ цѣлью развитіе торговли и промышленности;

н) содѣйствіе къ организаціи и развитію различныхъ видовъ страхованія;

о) содѣйствіе къ улучшенію условій перевозки грузовъ и пассажировъ.

2. Славянская торговая палата состоитъ въ вѣдѣніи Министерства Торговли и Промышленности и имѣетъ свое мѣстопребываніе въ С.-Петербургѣ.

3. Палата можетъ пріобрѣтать, для собственныхъ надобностей, недвижимое имущество, съ разрѣшенія общаго собранія, принимать на себя обязательства, искать и отвѣчать на судѣ и имѣть свою печать.

4. Палата имѣетъ право открывать свои отдѣленія какъ въ Россіи, такъ и за границей. Кругъ и порядокъ дѣятельности мѣстныхъ отдѣленій опредѣляется особой инструкціей, утверждаемой совѣтомъ палаты.

II. Составъ палаты.

5. Палата состоитъ изъ почетныхъ членовъ, дѣйствительныхъ членовъ и членовъ-корреспондентовъ. Членами палаты всѣхъ трехъ разрядовъ могутъ быть лица обоего пола.

6. Почетные члены избираются общимъ собраніемъ, по предложенію совѣта, изъ числа лицъ, оказавшихъ особо цѣнныя услуги дѣлу славянской торговой палаты. Почетные члены пользуются всѣми правами дѣйствительныхъ членовъ, но освобождаются отъ членскихъ взносовъ.

7. Дѣйствительными членами считаются лица и учрежденія (послѣднія — въ лицѣ своего представителя), подавшія въ совѣтъ письменное заявленіе о желаніи сдѣлаться членами палаты, внесшія установленный членскій взносъ (§ 30) и утвержденныя совѣтомъ.

Примѣчаніе 1. Лица, неутвержденныя совѣтомъ, могутъ обжаловать постановленіе его предъ общимъ собраніемъ палаты.

Примѣчаніе 2. Члены палаты, не уплатившіе въ теченіе первыхъ двухъ мѣсяцевъ смѣтнаго года установленнаго членскаго взноса, считаются выбывшими изъ состава палаты. Обратный пріемъ такихъ членовъ допускается лишь по внесеніи числящейся за ними недоимки, съ соблюденіемъ общаго порядка пріема новыхъ членовъ.

8. Каждому члену предоставляется пользоваться безвозмездно получаемыми палатой справками и свѣдѣніями торгово-промышленнаго характера. Кромѣ того, члены могутъ пользоваться состоящими при палатѣ учрежденіями, на условіяхъ, опредѣляемыхъ особо издаваемыми правилами.

9. Члены-корреспонденты избираются совѣтомъ изъ числа лицъ, изъявившихъ готовность быть полезными палатѣ въ осуществленіи преслѣдуемыхъ ею задачъ; отъ внесенія членскихъ взносовъ члены-корреспонденты освобождаются.

Библіографія.

Дмитрій Вергунъ. Червоннорусскіе отзвуки. Стихотворенія. Второе изданіе. Львовъ. Изданіе „Галицко-Русской Матицы“.

Къ тѣмъ русскимъ писателямъ, которые выросли и воспитались за рубежомъ, вдали отъ общерусской литературы и внѣ вліянія нашей русской школы, необходимо по всей справедливости примѣнять особый масштабъ, учитывая многое, что совершенно не входитъ въ оцѣнку нашихъ, если можно такъ выразиться, мѣстныхъ русскихъ писателей. Въ особенности будетъ это справедливо въ отношеніи галицко-русскихъ писателей. Въ самомъ дѣлѣ,—въ то время, когда мы съ дѣтскихъ лѣтъ растемъ въ атмосферѣ образовъ и идей, навѣянныхъ нашими художниками слова, они тамъ, въ Зарубежной Руси, дышатъ чужимъ воздухомъ, питаются чуждой ихъ душѣ пищей, и то, что у насъ всѣмъ и каждому доступно и даже для каждаго обязательно, какъ предметъ случайнаго воспріятія или спеціальнаго изученія,—тамъ у нихъ представляется запретнымъ плодомъ, рѣдкой диковинкой.

И если въ такой исключительной средѣ появляются художники слова, поэты милостію Божіей, облекающіе свои образы въ общерусскія формы, то тѣмъ съ бо́льшимъ вниманіемъ нужно къ нимъ относиться и съ тѣмъ большей снисходительностью смотрѣть на нѣкоторыя странности въ ихъ языкѣ и строѣ рѣчи,—странности для насъ, но обычное и законное явленіе у нихъ. Гдѣ и у кого, въ самомъ дѣлѣ, могли они научиться пѣть:

. . . . намъ, сынамъ Руси той подъяремной,
Что иго чуждое шестой ужъ вѣкъ влачитъ,
Намъ, рвущимся изъ тѣсноты тюремной,
Гдѣ намъ учиться пѣть, и кто насъ вдохновитъ?

Съ такой мѣркой долженъ приступить читатель и къ небольшому сборнику стихотвореній Д. Вергуна съ непривычнымъ для русскаго уха заглавіемъ „Червоннорусскіе отзвуки“. Сборникъ этотъ отъ начала до конца писанъ кровью, ибо онъ разсказываетъ о страданіяхъ и „недолѣ“ той части русскаго народа, которая волею судебъ исторгнута изъ общей семьи и отдана во власть чужеземцу, ибо авторъ этого сборника — сынъ того отторгнутаго племени, плоть отъ его плоти, кость отъ его костей.

. . . . придя съ ученія на лѣто,
Полу-цитя, во вретище одѣто,
Я по межамъ коровъ голодныхъ пасъ...

И тамъ подслушалъ музыку природы, научился ей и облекъ въ стройныя формы голосъ народнаго страданія.

Съ этой поры „родныя скорби" становятся его любимой темой; къ нимъ присоединяются впослѣдствіи и скорби Славянства, нѣкогда свободнаго и независимаго, а нынѣ въ нѣкоторыхъ своихъ частяхъ подневольнаго.

Въ томъ народѣ, пѣвцомъ котораго является авторъ сборника, велика духовная сила, велика вѣра въ воскресеніе, въ возвратъ утраченнаго счастья:

Но хоть намъ рвали изъ гортани
Молящіеся языки,
Сажали въ „мѣдные быки"
И жгли средь воплей и стенаній,
То все жъ напѣвъ нашъ не исчезъ:
Христосъ воскресъ, Христосъ воскресъ!

и эта вѣра передается автору сборника, сообщая всѣмъ его произведеніямъ не погребально-заунывный, но жизнерадостный въ конечномъ своемъ результатѣ тонъ:

Но лишь сплотитесь, южные славяне,
И какъ взыграетъ ваше сине море!
Всплыветъ свобода на его просторѣ,
И возликуемъ—всѣ въ единомъ станѣ.

Вѣра эта крѣпнетъ мыслью о единой недѣлимой Руси:

И крѣпнетъ Русь Червонная,
И не погибнуть ей,
Пока стомилліонная
Тамъ Русь стоитъ за ней.

Такимъ представляется въ общихъ чертахъ содержаніе сборника стихотвореній Д. Вергуна. Въ немъ есть красивыя и звучныя стихотворенія, въ немъ есть теплота и искренность, любовь и вѣра. Лучшими вещами по формѣ и по замыслу являются, по нашему мнѣнію, стихотворенія: „Ѳ. М. Достоевскому", „В. И. Ламанскому", „Зеленая Русь", „Впередъ", „Дома", „Въ Венеціи". Удаются автору также сентиментальные романсы въ старинномъ вкусѣ („Увядшіе листья") и любовная лирика („Изъ дневника любви", гдѣ есть прекрасныя вещи) но попадается и риѳмованная проза („Въ тюрьмѣ", „Призывъ соратнику", „В. Н. Н.").

Словарь у автора оригинальный: въ немъ встрѣчаются такія словечки и выраженія, которыхъ не употребляетъ общерусскій языкъ, Они чисто галицкаго происхожденія: недоля (29), тужу (120), гульба (53), зарнитъ (8), подростъ (5), пустая суша (4), чужинный (26), колодная работа (54), разсвѣтная рань (21), размаилась (отъ „май", 18), осенины (123), напутныя слова (115), огнистыя слова (18), пахнулъ пожаръ (12) и т. д.

Одно не симпатично въ этомъ симпатичномъ и заслуживающемъ вниманія сборникѣ—рекламный характеръ его обложки, на которой напечатаны отзывы различныхъ періодическихъ изданій о до-

стоинствахъ стихотвореній Д. Вергуна. Мы не склонны думать вмѣстѣ съ стариннымъ латинскимъ учебникомъ, что „Modestia ornat puellam"; по нашему мнѣнію, скромность подходящее украшеніе для всякаго, а тѣмъ болѣе для поэта. Пусть лучше его произведенія говорятъ сами за себя!

Катонъ.

Наблюдатель. Мѣсечно обществено-литературно списание. София. Год. I, кн. 1—януари и кн. 2—февруари, 1910.

Болгарскую публику можно поздравить съ прекраснымъ литературнымъ журналомъ, двѣ первыя книжки котораго уже обѣщаютъ, что онъ станетъ средоточіемъ лучшихъ литературныхъ силъ Болгаріи. Болгарская беллетристика и болгарская поэзія до сихъ поръ тянулись какъ-то въ хвостѣ болгарской культуры, созданной въ непродолжительное время энергичнымъ и живымъ народомъ. Занятый лихорадочной работой созиданія государственнаго организма, болгаринъ рѣдко удосуживался посвящать минуты отдыха художественному творчеству или же эстетическому наслажденію произведеніями этого творчества. Не было спроса, не являлось и предложенія, и болгарская художественная литература, за немногими счастливыми исключеніями, не успѣла еще въ достаточной степени проявить себя и не богата образцами беллетристики и поэзіи. Правда, въ послѣдніе три года молодое поколѣніе болгарскихъ художниковъ слова и вмѣстѣ съ тѣмъ новаторовъ въ области болгарскаго художественнаго творчества, почти не выходившаго до сихъ поръ изъ рамокъ подражанія русскимъ образцамъ, показало, что и въ области искусства болгары могутъ съ такимъ же успѣхомъ творить, какъ и въ другихъ областяхъ, и быть вполнѣ оригинальными и самобытными. Но до сихъ поръ у болгарскихъ писателей не было своего опредѣленнаго органа, если не считать нѣсколькихъ неудачныхъ попытокъ основать его и того обстоятельства, что софійскій журналъ „Българска Сбирка" удѣлялъ отчасти мѣсто и художественнымъ произведеніямъ, не будучи однако въ состояніи сконцентрировать вокругъ себя тѣ немногія художественныя силы, которыя имѣются нынѣ на лицо въ Болгаріи.

Быть можетъ, это удастся сдѣлать новому журналу и его редакторамъ (Д. и А. Страшимировымъ, Г. Стаматову и Ст. Руневскому) имена которыхъ ручаются за успѣхъ предпріятія, если только его съумѣетъ поддержать до нѣкоторой степени холодная и равнодушная къ поэзіи болгарская публика. Въ первыхъ двухъ книжкахъ помѣщены изящныя стихотворенія Т. Христова „Акварели" (кн. 2), менѣе удачныя стихотворенія въ прозѣ Д. Наумовой (кн. 1), драматическій набросокъ Антона Страшимирова („Серебряная струна"), разсказы Димитрія Страшимирова („Перепутье"), Г. П. Стаматова („Два таланта" и „Лебединая пѣсня"), Ст. Руневскаго („Инвалидъ") и др. Надо при этомъ замѣтить, что редакторы новаго журнала являются въ настоящее время лучшими беллетристами въ Болгаріи.

Критическій отдѣлъ въ журналѣ представленъ статьями Н. Ата-

насова: „Повѣсти Л. Каравелева“ (кн. 2), Д. Страшимирова о драмѣ Ивана Вазова „Борисдавъ“ (кн. 1), его же „Передъ порогомъ драмы“ (кн. 2) и нѣсколькими мелкими замѣтками. Пока этотъ отдѣлъ приходится признать слабымъ. Лучше поставлена въ журналѣ публицистика и общественный отдѣлъ: въ этомъ отдѣлѣ цѣнной является работа А. Страшимирова „Переселеніе въ Россію по народнымъ пѣснямъ Бессарабскихъ болгаръ“ (кн. 2), интересна также статья Наблюдателя „О балканской политикѣ Россіи“, представляющая начало цѣлаго ряда этюдовъ по балканской политикѣ Италіи и Австріи и македонской политикѣ Греціи, Сербіи, Румыніи и Болгаріи (кн. 1).

Отъ души привѣтствуя новое начинаніе молодыхъ болгарскихъ писателей, пожелаемъ ему полнаго успѣха и долгой жизни.

В. К—въ.

Živena Illustrovaný časopis. Organ „Živeny“, spolku slovenských žien. Vychádza mesačne v Turčianskom Sv. Martine. Ročnik I. Január 1910. Čislo I. Redaktori: Elena Maróthy-Soltészová a Pavel Sochán.

„Живена“, союзъ словацкихъ женщинъ, до сихъ поръ издававшій лишь альманахи беллетристическо-научнаго содержанія (ихъ вышло 4 тома), начиная съ текущаго года имѣетъ свой собственный ежемѣсячный органъ, изданіе котораго взяло на себя Св.-Мартинское типографское акціонерное общество. Судя по вышедшему первому номеру, изданіе это будетъ выходить тетрадями формата нашей „Нивы“, въ 2 столбца, съ иллюстраціями. Въ № 1 всего 24 страницы, заключенныхъ въ желтоватую обложку, съ недурнымъ рисункомъ словацкой жницы; подписная цѣна 5 кронъ (въ Россію 3 рубля). Изъ предисловія, подписаннаго двумя редакторами, Еленою Мароти-Солтесъ и Павломъ Сохань, видно, что цѣль изданія двоякая: съ одной стороны, покровительствовать словацкимъ писателямъ и писательницамъ, число которыхъ еще недостаточно, а литераторовъ по призванію, живущихъ исключительно литературнымъ трудомъ, и совсѣмъ не имѣется; съ другой стороны, пріохотить къ чтенію словацкую публику, стать близкимъ другомъ каждой словацкой семьи; другими словами, создать словацкаго писателя и словацкаго читателя въ широкомъ смыслѣ слова. Съ цѣлью поощренія словацкихъ писателей, журналъ объявилъ уже конкурсъ на три оригинальныхъ беллетристическихъ произведенія, съ преміями въ 150, 100 и 50 кронъ. Такъ какъ объемъ произведеній опредѣленъ въ 2—4 печатныхъ листа, то гонораръ, какъ видимъ, не великъ, особенно для преміи.

Содержаніе вышедшаго номера разнообразно. Имѣется нѣсколько рисунковъ: портретъ писательницы Терезіи Вансы (или Вансовой, какъ говорятъ словаки), два снимка съ картинъ чешскихъ художниковъ и четыре снимка съ словацкихъ народныхъ костюмовъ, майолики, вышивокъ и деревянной посуды. Въ объясненіе къ рисункамъ помѣщено начало біографіи. Т. Вансы (словацкая беллетристка, жена священника, род. въ 1857 г., начавшая съ „салонныхъ“ произведеній и перешедшая затѣмъ къ картинкамъ словацкой народной жизни, го-

раздо болѣе удачнымъ, чѣмъ первыя ея произведенія), краткія свѣдѣнія о художникахъ—Доубкѣ (род. въ 1865 г.). и Вѣшинѣ (наиболѣе извѣстенъ своими охотничьими картинами; нынѣ, живя въ Болгаріи, въ качествѣ придворнаго баталиста, Вѣшинъ ни пишетъ уже картинъ родной, чешской и словацкой, природы) и двѣ статьи редакторовъ журнала, выясняющія значеніе народнаго искусства и призывающія къ собиринію и сохраненію его памятниковъ. Помѣщено три стихотворенія: длинное напутственное стихотвореніе Гвѣздослава и два коротенькихъ незначительныхъ произведенія Фр. Урбанка и М. Сладковича; начало повѣсти Л. Подъяворинской „Жена", рисующей довольно живо типы слабаго и нерѣшительнаго вдовца, оставшагося съ пятью дѣтьми, и его невѣсты, будущей мачихи, сильной, энергичной и работящей дѣвушки, которая умѣетъ и съ дѣтьми справиться и привязать ихъ къ себѣ, несмотря на свою громогласную, но безобидную ворчливость; наконецъ, начало критической статьи Юл. Ботто о „Типахъ словацкихъ женщинъ въ поэзіи Гвѣздослава". Критикъ возстаетъ противъ мнѣнія, будто Гвѣздославъ слишкомъ далекъ отъ простоты, слишкомъ рефлективенъ и недостаточно реаленъ, чтобы стать популярнымъ словацкимъ поэтомъ; напротивъ, по мнѣнію Ботто, типы словачекъ у Гвѣздослава вполнѣ реальны; чего не достаетъ Гвѣздославу, такъ это именно типа словачки — героини; словаки имѣютъ много своихъ Коріолановъ,—надо, чтобы у словаковъ нашлись и героини вродѣ Велуріи и Колумніи (матери и жены Коріолана), или Шиллеровыхъ героинь, и Гвѣздославъ, если бы онъ создалъ такіе типы, имѣлъ бы воспитывающее значеніе для словацкаго народа. Короткій некрологъ д-ра С. Цамбеля слишкомъ недостаточенъ для изданія, имѣющаго столь общедоступный характеръ, какъ „Живена". Въ концѣ номера помѣщены отдѣлы практическаго характера: хроника общества „Живены", хозяйственные рецепты и совѣты (О печеніи хлѣба и пр.), загадки и задачи. Имѣется также отдѣлъ рецензій и неизбѣжная „Смѣсь", сообщающая и о вышивкѣ чешскихъ выставокъ и кружевъ, и о тайнахъ древняго мавританскаго замка въ Испаніи. Во всякомъ случаѣ, можно только пожелать успѣха новому литературному предпріятію.

Н. Бахтинъ.

В. А. Францевъ. А. В. Кольцовъ въ чешской литературѣ (Юбилейная замѣтка). Отдѣльный оттискъ изъ Р. Ф. В. 1909 г. Варшава 1909. Стр. 13.

Замѣтка о Кольцовѣ въ чешской литературѣ даетъ не только перечень переводовъ изъ Кольцова на чешскій языкъ, но и оцѣнку достоинствъ этихъ переводовъ. Оказывается, что лучшіе переводы изъ Кольцова принадлежатъ Челяковскому (они напечатаны еще въ 1857 г.) и Колару (Kolár). Къ сожалѣнію, переводы Л. Квиса, вышедшіе отдѣльнымъ изданіемъ въ 1802 г., мало удачны. Любопытна параллель, проводимая Квисомъ между Кольцовымъ и чешскимъ поэтомъ-самоучкою Франтишкомъ Хладкомъ, въ статьѣ, напечатанной Квисомъ

въ журналѣ „Slovanský Prehled“ въ 1898 г. Какъ полагаетъ В. А. Францевъ, Хладекъ могъ быть знакомъ съ нѣкоторыми изъ стихотвореній Кольцова (въ чешскомъ переводѣ) и, слѣдовательно, писать подъ его вліяніемъ.

Содержательная замѣтка проф. В. А. Францева служитъ весьма полезнымъ дополненіемъ къ юбилейному академическому изданію стихотвореній Кольцова.

Н. Б.

В. А. Францевъ. Къ біографіи В. А. Мацѣевскаго. I. Habent sua fata libelli... II. Изъ переписки В. А. Мацѣевскаго. Варшава. 1909. Стр. 41.

Брошюра В. А. Францева въ первой своей части излагаетъ нѣсколько фактовъ, касающихся изданія Мацѣевскимъ его труда: „Исторія славянскихъ законодательствъ“ (первое изданіе въ 1832 — 35 гг., второе—въ 1856 г.) и отдѣльныхъ частей изъ названнаго труда, подъ заглавіемъ „Памятники по исторіи, литературѣ и законодательству славянъ“ (2 тома, 1839). В. А. Францевъ передаетъ собранные имъ изъ разныхъ источниковъ факты о предпринимавшихся, но не доведенныхъ до конца русскихъ переводахъ этихъ трудовъ, о несправедливомъ отзывѣ А. Мицкевича, который зачислилъ Мацѣевскаго въ разрядъ измѣнниковъ польскому дѣлу (повидимому, за то, что авторъ доказывалъ существованіе у поляковъ въ древнія времена „славянскаго“ обряда) и, наконецъ, о внесеніи сочиненія Мацѣевскаго римскимъ папою въ разрядъ запрещенныхъ книгъ. Дѣйствительно, habent sua fata libelli!

Во второй части брошюры помѣщены два письма В. Богишича къ В. А. Мацѣевскому (оба на нѣмецкомъ языкѣ) и одно письмо Мацѣевскаго къ Л. Гаю (на польскомъ); эти письма найдены трудолюбивымъ ученымъ въ библіотекахъ чешскаго музея въ Прагѣ и Загребскаго университета и составляютъ дополненіе къ изданной имъ ранѣе книгѣ „Изъ переписки Мацѣевскаго“.

Н. Б.

J. Peisker, Neue Grundlagen der slavischen Altertumskunde. Ein Vorbericht. Stuttgart und Berlin. 1910.

Пейскеръ только что выпустилъ на нѣмецкомъ языкѣ коротенькое (8 стр.) предварительное сообщеніе о своемъ взглядѣ на древнѣйшую исторію славянъ, которая подробно будетъ изложена имъ на англійскомъ языкѣ въ Cambridge Medieval History (томъ 2-ой). Желая познакомить читателей „Слав. Извѣстій“ съ новымъ пониманіемъ доисторической судьбы славянъ, мы даемъ переводъ всего этого предварительнаго сообщенія съ незначительными сокращеніями. О цѣнности научныхъ доводовъ и выводовъ г. Пейскера можно будетъ судить лишь по выходѣ его работы.

Проложившая новые пути книга Маркварта „Osteuropäische und ostasiatische Streifzüge“ (Лейпцигъ, 1903 г.) доставила новую славу старой поговоркѣ: „Ex oriente lux“, и въ настоящее время даже еще

не подозрѣваютъ, какія сокровища заключаются въ сообщеніяхъ восточныхъ географовъ, на первый взглядъ кажущихся такими странными. Правда, сообщеніе арабскаго географа второй четверти 9-го вѣка (у Ибнъ-Русты) имѣется вотъ уже 40 лѣтъ въ переводѣ [1]), но только недавно начали извлекать изъ него въ связи съ прочими сообщеніями болѣе подробныя научныя данныя, и особенно Вестбергъ [2]) достигъ въ этомъ отношеніи значительныхъ результатовъ. Изъ этого богатаго красками, черпающаго матеріалъ изъ жизни сообщенія мы знакомимся съ отношеніями, которыя существовали между алтайскими конными кочевниками и скандинавскими морскими разбойниками съ одной стороны и восточными европейцами съ другой стороны, и только при свѣтѣ этихъ данныхъ многія, до сихъ поръ не замѣченныя или не понятыя подробности, лишь мимоходомъ упомянутыя въ западно- и южно-европейскихъ источникахъ, получаютъ подобающее имъ значеніе. Къ этому въ весьма недавнее время присоединилось очень важное открытіе польскаго ботаника Ростафинскаго [3]), которое позволяетъ намъ прослѣдить исторію славянъ [самаго большаго народа Европы, и при томъ кореннымъ образомъ отличающагося отъ другихъ] отъ самой его колыбели, какъ это до сихъ поръ можно было сдѣлать только въ отношеніи алтайскихъ народовъ [4]). Нынѣ у насъ имѣются два важнѣйшихъ народа всемірной исторіи, на примѣрѣ которыхъ можно доказать, что народъ становится и остается на безконечно долгія времена такимъ, какимъ онъ былъ въ своей колыбели, съ тѣми тѣломъ и духомъ, какими онъ былъ первоначально одаренъ для дальнѣйшаго своего существованія.

Номенклатура деревьевъ у Ростафинскаго — его номенклатура животныхъ должна быть отвергнута—приводитъ къ самому точному установленію колыбели славянъ: у славянъ нѣтъ слова для обозначенія бука,—имѣется лишь заимствованіе изъ германскаго „боукы“, но зато они имѣютъ слово для обозначенія бѣлаго бука „грабь“. Поэтому колыбель славянъ лежала внѣ области бука, за линіей Кенигсбергъ—Одесса, и внутри границы бѣлаго бука, которая большимъ кругомъ обхватываетъ болота у Припети, Полѣсье [5]). Особенность почвы этой своеобразной колыбели и создала характеръ славянскаго народа.

---

[1]) Хвольсонъ. Извѣстія о хозарахъ... болгарахъ, мадьярахъ, славянахъ и руссахъ... Ибнъ-Дасты... С.-Петербургъ, 1869 г. Гаркави, Сказанія мусульманскихъ писателей о славянахъ и русскихъ, С.-Петербургъ, 1870 г.

[2]) Вестбергъ, Къ анализу восточныхъ источниковъ о восточной Европѣ (Ж. М. Н. Пр. 1908 г., февраль и мартъ). Марквартъ, см. выше.

[3]) Rostafiński, Les demeures primitives des Slaves... (Bulletin de l'Académie des sciences de Cracovie. Cl. de phil. 1908, съ картою).

[4]) Peisker, The Asiatic Background, in the Cambridge Medieval History I, 1910.

[5]) Прекрасное описаніе страны и населенія Полѣсья представляетъ девятый томъ „Россіи“, Спб. 1905 г.

Годными для поселенія въ этомъ огромномъ, бездонномъ морѣ болотъ до недавно произведеннаго осушенія его были лишь маленькіе песчаные островки, жители которыхъ, правда, кое-гдѣ видятъ другъ друга, но могутъ вступать въ сношенія другъ съ другомъ лишь въ самую лютую зиму по льду. Вотъ откуда наблюдается отсутствіе государствъ и государей у славянъ, вотъ почему отсутствовало у нихъ даже всякое понятіе о народѣ, и мыслимы были тамъ единственно небольшіе союзы деревень. Травы въ этомъ морѣ тростника было мало, поэтому скотоводство и понынѣ еще является убогимъ, а въ 10-мъ вѣкѣ его тамъ и вовсе не было [6]). Слѣдовательно, молочная пища какъ продуктъ питанія народа была неизвѣстна; славянинъ не зналъ доеннаго молока, но зналъ лишь высасываемое дѣтенышемъ молоко (т. наз. млѣзь — скотье молоко); такимъ образомъ въ славянскомъ языкѣ становятся понятными заимствованія изъ германскаго для обозначенія молока скота, плуга и изъ алтайскаго языка для обозначенія творога. *)

Незначительныя пригодныя для воздѣлыванія пространства принуждали къ сравнительно интенсивной обработкѣ земли безъ вьючныхъ животныхъ; славянинъ научился довольствоваться крошечными полями, и до сего дня славянскій крестьянскій дворъ въ среднемъ гораздо меньше, чѣмъ нѣмецкій.

Свойственное морю болотъ, воспѣтое поэтами отсутствіе звуковъ придало славянской поэзіи и музыкѣ, даже всему славянскому характеру мягкость, и безбрежна та фантазія, съ которой житель Полѣсья населялъ окружающую его коварную природу многообразнымъ связаннымъ съ трогательнымъ культомъ предковъ міромъ духовъ.

Болото не даетъ удобныхъ мѣстъ для битвы, этимъ объясняется невоинственность славянъ и отсутствіе у нихъ боевого строя [7]). Но вслѣдствіе многочисленныхъ судоходныхъ рѣкъ, Полѣсье было доступно сѣвернымъ морскимъ разбойникамъ въ лѣтнее время и по льду южнымъ коннымъ кочевникамъ: вотъ чѣмъ объясняются тѣ ужасныя охоты на людей, которыя такъ драматически описываетъ арабскій географъ. Славянинъ могъ искать себѣ спасенія только такимъ способомъ, что онъ при внезапныхъ нападеніяхъ бросался въ воду и, дыша много часовъ подъ рядъ съ помощью тростниковъ, обманывалъ бдительность разбойниковъ [8]). Эти охоты на славянъ, во время которыхъ было

---

[6]) Konstantin Porphyrogenn. De admin. imp. cap. II.

*) Янко утверждаетъ, что млѣко (молоко) и твարогъ (творогъ) не должны быть вовсе заимствованными словами, что они могутъ быть и туземными словами (Věstník České Akademie XVII. Prag. 1908, стр. 113 и слѣд., 139 и слѣд.—Wörter und Sachen I Heidelberg 1909, стр. 96—103); но какъ разъ то же самое можно утверждать, зарывшись въ одну лингвистику и про слово самоваръ (изъ татарскаго sanabar): само-варъ = самъ варящій. Съ точки зрѣнія дѣла такія „не должны быть“ и „могутъ быть“ безполезны!

[7]) Iordanes XXIII, 119. Iohannes v. Epehsus, VI, 25. Pseudo-Maurikios XI, 5.

[8]) Pseudo-Maurikios XI, 5.

несравненно больше убитыхъ, чѣмъ раненыхъ, весьма древни, Маркв артъ описываетъ дѣянія скандинавской Руси, восходя до 6 вѣка [9]), а до этого славянъ притѣсняли германскія живущія на сушѣ племена, въ томъ числѣ герулы и готы.

Такимъ образомъ, славянинъ является сыномъ и продуктомъ своей колыбели, полѣсскихъ болотъ, точно такъ же, какъ конный кочевникъ является сыномъ и продуктомъ внутренне-азіатскаго пояса степей пустынь, и жестокая судьба сдѣлала эти двѣ противоположности непосредственными сосѣдями, назначивъ первому роль мягкой наковальни, а второму роль твердаго, какъ сталь молота; прибавился еще второй не менѣе тяжелый молотъ германскій, и славянская наковальня была расплющена. Эта судьба славянъ не измѣнилась и послѣ распространенія ихъ, по большой части недобровольнаго, по направленію къ Вислѣ и Дону; разбойничьи нападенія жадныхъ до скота кочевниковъ принуждали ихъ еще въ теченіе долгаго времени къ вегетаризму, и вегетаріанцами остаются до сего дня иранскіе таджики у восточнаго края пояса туркестанскихъ степей. Среди скиескихъ подданныхъ у Понта уже Эфоръ въ 4-мъ вѣкѣ до Р. Хр. знаетъ вегетаріанцевъ, и также славяне Псевдо-Цесарія жили у нижняго Дуная среди употреблявшихъ въ пищу молоко физонитовъ въ 6-мъ, а по другимъ и въ 4-мъ вѣкѣ послѣ Р. Хр. по вегетаріански [10]), равно какъ и русскіе славяне въ 10-мъ вѣкѣ по словамъ Константина Багрянороднаго.

Непосредственное владычество конныхъ кочевниковъ распространялось гораздо дальше, чѣмъ это сообщаютъ наши бѣдные источники, потому что согласно вышеупомянутому арабскому географу [11]) и почти одновременно съ нимъ жившему Вульфстану, славянскіе великіе князья и прусскіе короли у устьевъ Вислы со своими дружинами были доителями кобылъ, пили кумысъ—значитъ происходили отъ конныхъ кочевниковъ, алтайцевъ.

Славяне были такимъ образомъ и въ своей болѣе обширной родинѣ окружены кольцомъ хищническихъ племенъ, были самымъ страшнымъ образомъ порабощены и составляли предметъ охоты, словно безпокойная лѣсная дичь. Ихъ распространеніе за Одеръ, до восточныхъ Альповъ и до Пелопоннеса включительно произошло лишь въ эпоху аварскаго ига. Авары создали свое первое государство за предѣлами степей около 561 г. въ славянской восточной Галиціи, гдѣ они среди прочихъ народовъ покорили и дулѣбовъ-волынянъ. Оттуда они пронеслись, страшно усиленные родственными, въ томъ числѣ и бол-

---

[9]) Marquart 353 стр. и слѣд.

[10]) Peisker 54 (240) 125 (113). Игнорируя стилистическую неправильность въ употребленіи οἱ μὲν — οἱ δὲ (Kübner, Griech. Gramm, 3, 2 Band, 2 Abt., S. 264 Anm. 1) Янко (Anzeiger für deutsche Altert. XXXIII, 1909, стр. 24 согласно Hiederle, Narodopisny Věstnik, Československy I Prag. 1906, стр. 199) относитъ употребленіе молока къ славянамъ, а вегетаріанство къ физонитамъ.

[11]) Marquart 468.

гарскими ордами, черезъ Богемію въ древнюю Германію къ верхнему Майну, Регницу, Заалѣ, Эльбѣ до Балтійскаго моря, обезлюдили эти огромныя области массовыми убійствами и изгнаніемъ цѣлыхъ народовъ, и нѣкоторыя изъ ихъ ордъ поселились тамъ осѣдло, что является доказаннымъ относительно верхней Франконіи [12]): здѣсь населеніе съ монгольскимъ [13]) типомъ является ихъ потомствомъ.

Аварская главная сила, послѣ разрушенія гепидскаго государства и ухода лангобардовъ въ Италію, заняла Венгрію и подвинулась впередъ до Норики. Все обезлюженное ими пространство отъ Балтійскаго моря до Адріатическаго авары заселили своими славянскими рабами, и при томъ не цѣлыми племенами, а осколками племенъ, такъ какъ они ихъ безъ всякаго выбора обращали въ плѣнныхъ и гнали передъ собой. Это доказывается тѣмъ, что можно найти остатки однихъ и тѣхъ же племенъ отъ Балтійскаго моря до самой Греціи: одну часть ободричей они переселили въ Мекленбургъ (Nortabtrezi), другую часть къ устью Тиссы (Osterabtrezi), дулѣбовъ-волынянъ—къ устью Одера (островъ Воллинъ), въ южную Богемію (волости Волынь и Доудлебы) и въ Паннонію (pagus Duleipa), хорваты, сербы и др. были разорваны и далеко разбросаны. Изъ этой мѣшанины развились лишь впослѣдствіи современные славянскіе языки, представляющіе, какъ извѣстно, въ общихъ чертахъ яко-бы неразрывную цѣпь переходныхъ діалектовъ.

Однако авары не застали чистаго славянина, а лишь давно порабощеннаго германцами и прежними алтайцами, и эти неславянскія наслоенія были переселены ими заодно. Это особенно замѣтно на srbi (сорбахъ и сербахъ) и chrvati (хорватахъ), у которыхъ встрѣчаются vićazi (обязанные нести конную службу), vitezi (рыцари)—германскіе викинги. Эти vićazi были застигнуты врасплохъ аварами, которые съ тѣхъ поръ являются жупанами—это не славянское, а аварско-болгарское слово [14]), т. е. верхнимъ, господствующимъ слоемъ. Многочисленнѣе всего эти аварскіе жупаны у славянъ въ Мейсинѣ и въ тюрингенской волости Orla, равно какъ и у альпійскихъ славянъ, гдѣ еще при нѣмецкомъ господствѣ въ 13-мъ вѣкѣ въ разныхъ мѣстностяхъ на жупана приходилось въ среднемъ только по 2,29—3,94 крестьянскихъ надѣла и ему принадлежало [15]) отъ 46,66% до 33,64% земли. Въ волости Лихтенвальдской было въ 1448 г. въ 31 деревнѣ, гдѣ въ 1309 г. записано лишь по одному жупану, уже по 2—4 жупана [16]),

---

[12]) Это ясно видно изъ Fredegar 48, 68, 74 и слѣд.

[13]) Bavaria III. München 1865, стр. 313, 318, 391.

[14]) Алтайско-болгарскія имена князей таковы: Κάναϛ или Κάνεϛ, ζουπαν, κοπανόϛ, ταρκανόϛ, βαγατοῦρ или βογοτόρ, βαγαῖνα, κουλουβρόϛ или κολοβρόϛ, βοηλᾶ, βοϊλαάϛ или βολάϛ, καυχανόϛ, ζουργοῦ. Извѣстія русскаго. Археологическаго института въ Константинополѣ X Софія. 1905 г. стр. 190 204. Менѣе извѣстны аварскія названія князей. Zeuss Die Deutschen. München 1837 г., стр. 729, 739 и слѣд.

[15]) Peisker, Beziehungen 177 (467).

[16]) Peisker, Die ältere Sozial-und Wirtschaftsverfassung der Alpenslaven. Gegen A. Dopseh. Stuttgart 1909. Отдѣльный оттискъ изъ Vierteljahrschrift für Sozial und Wirtschaftsgeschichte VII стр. 10 (333) и слѣд. Примѣчаніе.

такъ что здѣсь на жупановъ слѣдуетъ смотрѣть какъ на особое наслѣдственное сословіе, къ которому принадлежали всѣ потомки, разъ они сидятъ въ старомъ жупанскомъ помѣстьѣ, безразлично, подѣлились ли они или нѣтъ.

Къ аварскому государству, которое едва уступало гунскому по величинѣ и не сравнялось лишь съ монгольскимъ государствомъ 13-го вѣка, не могутъ быть, разумѣется, приложены европейскія понятія о государствѣ. Тамъ не было рѣчи о строгой централизаціи, да и господствующій слой кочевниковъ не былъ однороднымъ, напротивъ это была смѣсь разныхъ ордъ, которыя мало-по-малу, по принужденію или добровольно, примыкали къ аварамъ. Среди этихъ ордъ болгарскія были самыми значительными и пережили своихъ аварскихъ повелителей. Среди славянскихъ крестьянъ орды не жили постоянно; онѣ лишь зимовали ежегодно въ теченіе 7 мѣсяцевъ лагернымъ способомъ въ отдѣльныхъ славянскихъ деревушкахъ, которыя въ то же время служили для кочевниковъ загонами для скота и поэтому получили извѣстную круглую форму. Славяне должны были для прокормленія людей и скота заготовлять на зиму запасы и участвовать въ войнахъ аваровъ какъ befulci, плохо вооруженные пѣшіе воины. Въ теченіе лѣта орды пасли свой скотъ на горахъ и въ стеняхъ, а полчища воиновъ занимались грабежомъ.

Это рабство славянъ, сопряженное съ ужаснѣйшими насиліями, полною безправностью привело къ возстаніямъ, и когда авары въ 500 г. и слѣдующихъ потеряли много народа вслѣдствіе моровыхъ болѣзней и побѣдъ ромейцевъ, то верхнефранкскіе славяне, предводительствуемые франконцемъ Само, свергли иго около 603 г. (у Фредегара 48 ошибочно указанъ 623 г.) и вмѣстѣ съ ними сдѣлали то же самое, по крайней мѣрѣ, еще сѣвернобогемскіе славяне и западная часть альпійскихъ. Эти два народа мы видимъ впослѣдствіи подъ началомъ крестьянскихъ князей съ особеннымъ ритуаломъ воцаренія [17], между тѣмъ какъ славяне въ Мейссенѣ, нижнештирійскіе оставались въ жупанскомъ игѣ и въ такомъ положеніи подпали наконецъ подъ нѣмецкое владычество, которое сохранило status quo на многіе вѣка. И у восточнопольскихъ (западнорусскихъ?) славянскихъ племенъ, равно какъ у пруссовъ процвѣтала эта кочевническо-крестьянская двуслоеность еще въ 9-мъ вѣкѣ. Сѣверно и южно-русскіе славяне напротивъ подпали окончательно подъ владычество викинговъ и приняли сѣверногерманскія формы государства.

Л—къ.

Изъ болгарскихъ журналовъ.

Въ послѣдніе года болгарской литературѣ не повезло. Политическія событія, экономическія условія, возрастающее равнодушіе къ высшимъ проявленіямъ духа, убили и тотъ маленькій порывъ, который заставлялъ часть интеллигенціи интересоваться художественнымъ творчествомъ въ маленькой Болгаріи.

[17]) Peisker, Beziehungen 196 (486) и слѣд.

Прекратился много лѣтъ существовавшій журналъ „Мысль". Жизнь теперь существующихъ журналовъ незавидная. Одни изъ нихъ едва покрываютъ свои расходы, а другіе заключаютъ годъ дефицитомъ.

„Демократическій Прѣгледъ", журналъ, редактируемый Т. Г. Влайковымъ писателемъ-беллетристомъ, въ общемъ носитъ характеръ радикальный. Онъ поставленъ лучше другихъ повременныхъ изданій благодаря поддержкѣ своихъ политическихъ единомышленниковъ. Въ немъ принимаютъ участіе всѣ писатели погибшей „Мысли" и всѣ лучшія литературныя силы страны. Политическій и экономическій отдѣлы поставлены въ немъ очень серьезно. Литературный отдѣлъ часто производитъ блѣдное впечатлѣніе своей наивно-тенденціозной окраской.

Другой журналъ, плавающій безъ руля и безъ вѣтрилъ въ литературно-художественномъ туманѣ, это журналъ „Художникъ". Выходитъ въ три-четыре мѣсяца разъ, поднесетъ художественную путаницу и опять затихаетъ на долгое время.

Журналомъ, имѣющимъ несомнѣнныя заслуги и почтенное прошлое, является „Българска Сбирка". Общій художественный тонъ послѣднихъ номеровъ суховатъ и неоригиналенъ. Но это общій недостатокъ послѣднихъ болѣзненныхъ годовъ болгарской литературы. Всетаки журналъ остается теперь единственнымъ чисто литературнымъ органомъ и заслуживаетъ поддержки и вниманія.

„Слънчоглѣдъ", журналъ, редактируемый молодыми литераторами Элинъ Пелинъ и Де Къорчевъ, съ усиліями едва прожилъ годъ. Между хорошими работами въ немъ встрѣчаются и грубо-наивныя вещи.

Кромѣ чисто научныхъ и педагогическихъ журналовъ, ежемѣсячно появляются на болгарскомъ литературномъ рынкѣ журналы „Начало", гдѣ участвуетъ Максимъ Горькій, и „Современникъ" — оба соціалистическаго направленія. Оба они считаютъ своей обязанностью въ каждомъ номерѣ поднести читателямъ нѣсколько безграмотно написанныхъ стихотвореній и разсказовъ.

На дняхъ началъ выходить новый журналъ „Наблюдатель" подъ редакціей А. Страшимирова, Стаматова и Д. Страшимирова. Первый изъ нихъ авторъ ряда разсказовъ, романовъ и нѣсколькихъ драмъ, яркій темпераментъ, который даже не успѣваетъ дать нужныя формы разбушевавшимся волнамъ своего творчества. Второй тоже беллетристъ; далъ томъ разсказовъ по замыслу и исполненію одиноко стоящихъ въ болгарской литературѣ. Третій многолѣтній работникъ на литературномъ поприщѣ. Послѣдняя его работа — объемистый трудъ по новой болгарской исторіи.

Slavica.

(По „Книжной Лѣтописи" 1910 г. №№ 1–2).

I. Изслѣдованія, очерки и пр.

Доманицький, Василь. Про Галичину, та життя галицьких українців. Кіевъ. 1909. Изд. т-ва „Просвіта". 80 стр. Съ рис. Ц. 12 к.

Ефименкова, Ол. Свят-вечір. Оповідання. Колядки. Кіевъ. 1910. Изд. т-ва „Просвіта". 32 стр. Съ рис. Ц. 5 к.

Огіенко, Іван Двійне число в українській мові. Одбиток з „Записок" Українського Наукового Товарищества в Киеві. 1909, кн. VI. Кіевъ. 1910. 43 стр. Ц. 40 к.

Русскій въ Сербіи, Черногоріи, Босніи, Герцеговинѣ, Хорватіи и Македоніи. Самое простое и легкое руководство для скораго изученія сербскаго языка подъ ред. М. М. Михайловскаго. Спб. 1909. Изд. Петербургскаго учебнаго магазина. 44 стр. Ц. 30 к.

Слабченко, М. Е. Малорусскій полкъ въ административномъ отношеніи (Историко-юридическій очеркъ). Одесса. 1909. 436 + III стр.

Стороженко, А. Къ исторіи войска Запорожскаго при Сагайдачномъ. Кіевъ. 1909. 16 стр.

Сумцовъ, М., проф. Фільольогічна вага перекладу Потебні „Одисеі". Замітка. Кіевъ. 1909. 4 стр.

Уставъ Московскаго Славянскаго Собранія. М. 1909.

Флоринскій, Т. Д, проф. Исторія сербо-хорватской литературы. Лекціи, читанныя на Кіевскихъ Высшихъ Женскихъ Курсахъ. Кіевъ. 1909. 61 стр.

II. Переводы съ славянскихъ языковъ.

Вериго, М. Въ лѣсу. Перев. съ польскаго О. Зарембы. Книжки 1, 2 и 3-я (Книжки для чтенія на первомъ году обученія. Библіотека новой школы подъ ред. Н. В. Тулупова и П. М. Шестакова). М. 1910. Изд. и тип. И. Д. Сытина. Ц. по 3 к.

Пшибышевскій, С. День суда. Романъ. Перев. З. Журавской (Универсальная библіотека. №№ 226—229). М. 1909. Ц. 40 к.

Сенкевичъ, Генрихъ. (Книжка-копейка. Вып. 3). Бой быковъ въ Испаніи. Спб. 1910.

Тетмайеръ, Казиміръ. Голодай, чтобы они пировали. Разсказъ. (Книжка-копейка). Спб. 1910.

Шевченко. Жить тяжко на свѣтѣ Романсъ. Муз. А. Копылова. Спб. 1909. Изд. Ю. Г. Циммерманъ. Ц. 40 к.

Редакторъ **В. Н. Кораблевъ.** Типографія В. Д. Смирнова.

Отъ Редакціи.

Первая книжка „Славянскихъ Извѣстій“ запоздала выходомъ по независѣвшимъ отъ Редакціи причинамъ.

Вторая книжка выйдетъ въ концѣ марта мѣсяца, и затѣмъ Редакція будетъ стараться выпускать очередныя книжки журнала къ первому числу каждаго мѣсяца.

Dr. Branko Drechsler. Stanko Vraz. Studija. Izdala Matica Hrvatska i Slovenska. U Zagrebu 1909.

Jevgenij Onjegin. Zložil A. S. Puškin, preložil Dr. Ivan Prijatelj. V Ljubljani, 1909.

Knezova Knjižnica. Zbirka zabavnih in poučnih spisov. XVI zv. Uredil Dr. Fran Ilešič (R. Murnik, V. Molé, C. Golar). V Ljubljani, 1909.

Zabavna Knjižnica. XXI zv. Kato Vranković. Drama v 3 d. Spisal Etbin Kristan. V Ljubljani, 1909.
